

Ицхак Каценельсон

Jizchak Katzenelson

Сказание

Das lied

ob истребленном
vunem oisgehargetn
еврейском народе
jidischn volk

Jizchak Katzenelson

Ицхак Каценельсон

Ицхак Каценельсон

**Сказание
об истребленном
еврейском народе**

Jizchak Katzenelson

***Dos lied
vunem ojsgehargetn
jidischn volk***

“ ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ”

МОСКВА 2000

ББК 84(0)6
К 12

Выход этой книги стал возможным благодаря участию
Artur Brauner, Berlin
Moritz Gertler, Frankfurt
Celina Kowalsk , Berlin
Arno Lu t ger, Frankfurt
Leon Reich, Frankfurt
Rafael Roth, Berlin

Каценельсон Ицхак

К 12 Сказание об истребленном еврейском народе *Dos lied vunem ojsgehargetn jidischn volk* Пер. Е. Г. Эткинда под ред. Ш. Маркиша; Лат. транскрипция, ст. и коммент. А. Лустигера; Ст. В. Бирмана. М.: Языки русской культуры, 2000. 240 с.: ил.

ISBN 5 7859 0107 2

Поэт Ицхак Каценельсон родился в 1886 г и погиб в мае 1944 г. в Освенциме. В конце 1945 г поэма была впервые опубликована в Париже на идиш. В поэме безусловность и не посредственности дневника сосуществует с эмоциональной неотралимостью искусства. Вся она достоверное свидетельство человека, испытавшего каждую леденящую кровь деталь своего изложения

ББК 84(0)6

*В оформлении издания использована
фотография из книги The Warsaw
Ghetto: The 45^h Anniversary of the Upris-
ing Interpress Publishers Poland. 1988*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246 20 20 c/o M153, E-mail: koshelev@adamtu.net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0107-2

9 785785 901070 >

© Е. Г. Эткинд Перевод на рус. яз , 2000
© А. Лустигер. Статьи и комментарии,
2000
© В. Бирман. Статья, 2000

О г л а в л е н и е

Об авторе и его поэме	7
От переводчика	9
И. Каценельсон.	
Сказание об истребленном еврейском народе (Dos lied vunem ojsgehargetn jidischn volk)	13
А. Лустигер.	
Примечание к поэме Каценельсона и ее фонетической транскрипции	191
А. Лустигер	
Комментарии к тексту поэмы	194
А. Лустигер.	
Еврейское сопротивление нацистскому режиму	201
В. Бирман.	
Ицхак Каценельсон, еврей	213

Об авторе и его поэме

Ишхак Каценельсон родился около Новогрудска (Минская обл.) в 1886 году. Первое стихотворение сочинил в 12 лет, в 1898 г., под впечатлением процесса Дрейфуса («Дрейфус и Эстерхази»). Первая книжка его стихов на иврите «Димдумим» (Сумерки) вышла в 1910 г. В 1912 г. он основал в Лодзи театр «Хабима Ха-иври» (Еврейская сцена), поставивший пьесу Гуцкова «Уриель Акоста». Этот спектакль был показан во многих городах России.

Перед началом войны Каценельсон основал целую сеть еврейских школ в Лодзи. Он женился на своей секретарше Хане в 1926 году.

В 1937 году в Лодзи вышли в свет три поэтических сборника Каценельсона, иллюстрированные художником Барчинским (см. о нем в поэме).

1 сентября 1939 г. немцы напали на Польшу. Три недели спустя Каценельсон переехал в Варшаву с семьей (жена, трое сыновей). 4 декабря гаулейтер Лодзи Грейзер объявил о том, что Лодзь должна быть очищена от евреев («юденфрей»), так как она присоединена к Германии под названием Лицманштадт.

12 октября 1940 г. объявлено создание Варшавского гетто; евреи должны сами нести расходы на построение стены вокруг гетто; длина стены 18 км, высота 3,5 метра. 22 июля 1942 г. евреев начали депортировать из Варшавского гетто в Трешлинку, где за год — до 2 августа — уничтожено 875 000 человек.

23 июля 1942 г. кончает с собой председатель варшавского Юденрата Адам Черняков; его предсмертная записка гласит: «Они требуют от меня, чтобы я своими руками уничтожил детей моего народа. Мне ничего не остается, как умереть». (О его смерти см. в поэме.)

14 августа 1942 г. Хана Каценельсон с двумя сыновьями депортирована в Трешлинку. 6 сентября на ул. Мила немцы провели последнюю «селекцию»; из гетто были депортированы в Трешлинку 300 000 евреев. В гетто осталось около 65 000.

18 января 1943 г.— первое восстание Варшавского гетто; после четырехдневных боев Гиммлер издал приказ: ликвидировать Варшавское гетто и отправить всех жителей в лагеря. 19 апреля началось второе восстание; бои длились 27 дней. У немцев были танки, у евреев почти одни только пистолеты. 16 мая СС объявило о конце боев и окончательной ликвидации еврейского района Варшавы. Весь район гетто был сожжен. Погибло более 65 000 евреев.

Во второй половине мая Каценельсон и его сын Цви, которого руководители восстания 20 апреля сумели вывезти из гетто с заданием — написать историю восстания,— были перевезены в лагерь на территории Франции, в г. Виттель. У Каценельсона был фальшивый латиноамериканский паспорт, и он надеялся, что его обменяют на каких-то немцев.

С 3 октября до 18 января Каценельсон пишет в Виттеле «Сказание об истребленном еврейском народе».

18 апреля 173 еврея были депортированы из Виттеля в Дранси, и оттуда — 1 мая 1944 г.— в Освенцим. Два дня спустя они погибли в газовой камере. Среди них были Ицхак и Цви Каценельсоны.

В августе 1944 г. Мириам Нович откопала под деревом в Виттеле три бутылки, содержавшие рукопись поэмы Каценельсона. В конце 1945 г. поэма была опубликована в Париже на языке идиш.

От переводчика

Книга Ицхака Каценельсона «Сказание об истребленном еврейском народе» (окт 1943 — янв 1944) появилась в Германии в 1994 году, вышла она на двух языках. в оригинале, на идише, и в переводе Вольфа Бирмана по-немецки Текст на идише напечатан в латинской транскрипции с многочисленными рукописными примечаниями — лингвистическими, реальными, историческими Таким образом, я мог беспрепятственно его читать. Начав, я был не в состоянии ни остановиться, ни даже отвлечься поэма затягивает, будоражит все чувства, ошеломляет, потрясает

За более чем полвека об истреблении евреев, об Освенциме и Трелинке написаны тома воспоминаний и исследований, об этом снят документальный фильм Жака Ланцмана «Шоа», создано стихотворение Пауля Целана «Фуга смерти» Называю только важнейшие документы и свидетельства проклятой эпохи, сатанинских лет гитлеризма, когда германская нация была сведена с ума несколькими фанатиками-демагогами и превратилась в многомиллионную банду садистов, вандалов, убийц. Пишу эти строки и сознаю, что нет никаких слов — ни на одном человеческом языке,— чтобы назвать людей тридцатых-сороковых годов, которые с неправдоподобной систематичностью уничтожали других людей,— от новорожденных младенцев до глубоких стариков Несмотря на усилия множества историков, философов, беллетристов, социологов, поэтов, мы так и не поняли, как соотечественники и наследники Гете, Рильке, Моцарта, Шуберта, Гегеля могли с воодушевлением призывать к уничтожению Гейне, Мендельсона, Малера, Ханны Арендт, Целана. И не только призывать, но и физически истреблять евреев всей Европы. Может быть, самая убийственная книга, созданная об этом,— опубликованный в Германии в конце девяностых годов дневник Виктора Клемперера, профессора Дрезденского университета по французской литературе, апологета немецкой культуры и хранителя немецкого языка Клемперер изо дня в день повествует (обращаясь не к читателям, а только к самому себе) о постепенном вытеснении евреев из Германии — оно начинается с запрета про-

фессору-еврею задавать вопросы студенту-арицу, с запретов еврею печатать на машинке и даже владеть таковой, держать домашних животных и птиц, ходить по левой стороне улицы, брать книги в библиотеке и даже перелистывать их в читальном зале, оно кончается депортацией и смертью в газовой камере Виктор Клемперер чудом остался жив, чудом сохранился дневник, опубликованный его близкими через почти пятьдесят лет; этот дневник — феноменальный документ времени и памятник мужеству человека, который отнюдь не был героем.

Ценность дневника — в его абсолютной непосредственности он не имеет никакого отношения к литературе, он только закрепляет события в набегающих словах, не догадываясь о будущем. Мы бедны словами: глагол «читать» относится одновременно к роману, стихам и дневнику. А ведь имеют место совершенно разные психологические процессы: читая роман, мы следим за жизнью придуманных персонажей, постоянно зная, что они — плод писательского воображения; читая дневник, мы живем вместе с его автором, замещаем его, невольно отождествляем себя с ним. Читая стихотворение, мы заражаемся художественной эмоцией поэта, мы вместе с ним творим гармонию. После того как я, с бессонницами и головной болью, пережил двенадцать лет жизни Виктора Клемперера, я долго не мог заставить себя вернуться к другому чтению, к восприятию романов: дневниковая достоверность убивает всякий интерес к писательскому воображению; может ли роман соперничать с реальностью?

* * *

В поэме Ицхака Каценельсона безусловность и непосредственность дневника сосуществуют с эмоциональной неотразимостью искусства. Все то, о чем еврейский поэт пишет в своем «Сказании...», он пережил сам. Рассказано о том, как он когда-то писал пьесу для Варшавского сиротского дома, как эту пьесу исполняли мальчишки, кто и как играл ту или иную роль и

даже какая судьба постигла родителей юных актеров Мы узнаем о жене автора Хане об их детях о возрасте и характере каждого из трех сынов и, о мужественном поведении Ханы в дни немецкой оккупации Польши — о ее решении взять на себя ответственность за судьбу мальчиков лишь бы предоставить мужу хоть какой то шанс на спасение Мы узнаем о гибели семьи, — поэт не щадит ни себя, ни нас Каценельсон рассказывает о юденратах и о председателе правления общины покончившем с собой о невообразимой деятельности еврейских «полицаев», о восстании в Варшавском гетто и некоторых его руководителях и героях, о возвращении спасшихся, казалось бы, евреев беглецов к себе домой — чтобы умереть там где выросли их дети и внуки Всё это — достоверные свидетельства человека, испытавшего каждую леденящую кровь деталь каждый эпизод своего изложения.

Поразительно, однако вот что. перед нами в то же время поэма, построенная на основе строгаиших законов художественной гармонии, пятнадцать песен по пятнадцать строф в каждой, 15 × 15 — 225 Первые восемь песен состоят из четверостишии с перекрестными рифмами, причем почти все рифменные окончания — мужские, вторая половина поэмы — семь песен, содержащих восьмистрочные строфы, в которых рифмуют четвертая строка с восьмой Каждая песня посвящена отдельной теме, каждая обладает сюжетно-тематической и образной целостностью. В зависимости от тем и сюжетов видоизменяется поэтический стиль некоторые песни выдержаны в духе торжественной библейской патетики другие — в духе повествовательной разговорности, третьи обладают чертами лирического стихотворения, четвертые построены по законам драмы Всё это разностилье сливается в эпическом единстве «Сказания», оно восходит в конечном счете к Дантовой «Божественной Комедии», с которой поэму Ицхака Каценельсона роднят и соединение документальной основы с поэтическим вымыслом, и гармоническое совершенство художественной композиции, и взрывчатое сочетание разных, порою противоречивых, речевых стилей

* * *

Переводя я стремился воспроизвести по-русски все эти особенности еврейского подлинника. Строфика «Сказания» повторяет оригинал, однако, следуя требованиям классической русской традиции, я придавал метрико-ритмической структуре большую регулярность (в этом отношении ориентируясь на опыт Н. Заболоцкого, переводчика «Слова о полку Игореве»). Одной из моих главных забот было — воссоздать многообразную ассоциативность поэмы, в которой звучат то пафос пророков Иезекииля и Исаии, то голос Хаима Нахмана Бялика, автора поэмы о Кишиневском погроме 1903 года, то интонации Шолом-Алейхема, то ритмы Саула Черниховского. Эти ассоциации могут дойти только до хорошо подготовленного читателя (например, читающей песнь девятую, адресованную «Небесам», должен вспомнить поэму Бялика в переводе В. Жаботинского: «Небеса, если в вас, в глубине синевы / Еще жив старый Бог на престоле...»); однако переводчик льстит себя надеждой, что они — дойдут.

* * *

Особая благодарность — Арно Лустигеру, автору ценных исследований о сопротивлении евреев нацистскому террору, он взял на себя немалый труд по транслитерации текста поэмы латинским шрифтом. Эту работу А. Лустигер исполнил для немецкого поэта-песенника Вольфа Бирмана, которому я выражаю благодарность за немецкий поэтический перевод, до некоторой степени облегчивший мою задачу, и за статьи о жизни и творчестве Ицхака Каценельсона, одну из них я счёл целесообразным перевести на русский и, включив в настоящее издание, предложить вниманию русского читателя.

***Dos lied
vunem ojsgehargetn
jidischn volk***

[illegible]

Sing!

1.

«Sing! nem dein harf in hant, hojl, ojsgehojlt un gring,
ojf seine strunes din, warf deine finger schwer,
wie herzer, wie zewehtikte, dos lied dos letzte sing,
sing vun die letzte jidn ojf Ejropes erd».

2.

— Wie ken ich singen? wie ken ich efenen mein mojl
as ich bin geblibn ejner nor alejn —
mein weib un meine ojfelech die zwej — a grojl!
Mich grojlt a grojl ... me wejnt! ich her weit a gewejn —

3.

«Sing, sing! hejb ojf zewehtokt un gebrochn hojch dein stim
Such! such ihm ojf dort ojb, ojb er is noch do —
un sing ihm ... sing dos letzte lied vun letztn jidn ihm,
gelebt, gestorbn, nischd bagrobn un nischto...»

Пой!

1.

Пой вопреки всему, наперекор природе.
Ударь по струнам, пой, сердцами овладей!
Спой песнь последнюю о гибнущем народе,—
Её безмолвно ждет последний иудей.

2.

— Могу ли петь? Гортань перетянуло страхом.
Один, как перст один... Могу ль разжать уста?
Мертва жена, мертвы два птенчика... Всё — прахом.
Для ужаса нет слов. Нет звуков. Немота.

3.

Пой! Голос подними! Пусть ОН услышит, если
Там, наверху, ОН есть... Пусть долетит, певец,
К НЕМУ последний звук твоей последней песни:
Последнего из нас чудовишный конец.

4.

Wie ken ich singen? Wie ken ich ojfhøjbn mein kop?
Mein weib awekgefihrt, un mein Benzijenken
un Jomelen — a kind —
ich hob sej nit bei mir do, un sej losn mich nit op!
O schotns finstere vun meine lichtikste, o schotns kalt
un blind!

5.

«Sing, sing letztn mol noch do off dr'erd, varwarf
dein kop ahinter, vargleis die ojgn in ihm schwer,
un sing a letzn mol ihm, spiel ojs ihm off dein harf:
Nito schojn mer kejn Jidn! Ojsgeharget un nito sej mehr»

6.

— Wie ken ich singen? Wie ken die ojgn ich vargleist
in kop in meinem højbn? A trer vargliwert hot
varklibn sich in ojg mir ... sie reisst sich, reisst
vun ojg arojs sich — un sie ken nit faln... Gott, mein Gott!

7.

«Sing, sing højb off zu himlen højch un blind dein blick,
wie s'wolt gewen a Gott, dort in die himlen ...
wink ihm, wink —
wie s'wolt gescheint, geloichtn uns noch dortn grojs a glick!
Sitz off die churwes vun dem ojsgehargetn vun volk un sing!»

4.

— Петь? Как могу я петь? В ночи роятся тени
Двух маленьких детей, возлюбленной жены.
Куда деваться мне от горестных видений,
От лиц, которые тоской искажены?

5.

Пой, пой в последний раз. От ярости зверя,
Они растопчут всё, что создал твой народ.
В последний раз воспой последнего еврея,—
Евреев больше нет, и Бог их не спасёт.

6.

— Как петь мне, Господи? Мой взор сожжен слезами,
Мой свет навек померк, мой мир — огромный склеп.
Узрю ли я тебя потухшими глазами?
Последний человек от ужаса ослеп.

7.

Пой — вопреки всему! Гляди померкшим взором
В пустые небеса, где прежде был Творец.
Взойди к ним по костям народа, о котором
Лишь ты поведаешь оставшимся, певец.

8.

— Wie ken ich singen — as s'is die welt mir wist?
Wie ken ich spielen mit varbrochene mit hent?
Wu senen meine tojte? Ich such die tojte meine, Gott,
in jedn mist,
in jedn bergl asch: — o, sogt mir wu ihr sent?

9.

Schreit ojs vun jedn samd, vun unter jedn stejn,
vun ale stoßn schreit vun ale flamen, vun jedn rojch —
s'is eier blut un saft, es is der march vun eier bejn,
s'is eier leib un lebn! Schreit arojs, schreit hojch!

10.

Schreit arojs vun chajes ingewejd in wald,
vun fisch in teich —
sej hobn eich gegessn, schreit vun kalchojwns,
schreit klejn un grojss,
ich wil a gwald, a wehgeschrej, a kol, ich wil a kol vun eich,
schrei, oisgeharget jidisch volk, schrei, schrei arojs!

11.

Nit schrei zum himl, er hert dich wie die erd, der hojfn mist,
schrei nit zu der sun, nit rejd zum lomp... Ach, wen ich ken
varleschn sie, wie men varlescht a lomp in rozchim-hej!
do wist!
Mein volk, host mer gelojchtn! Bist lichtiker gewen!

8.

— Как петь мне? Я один, один в глухой пустыне.
Где деды с внуками? Где матери, отцы?
Где наши мертвецы? Ищу их в пепле, в глине,
В земле, в болоте... Где? Кричите, мертвецы!

9.

Со дна багровых рек, из-под кровавой суши,
Из моря пламени, слепящего мой взор,—
Пусть ваша плоть, ваш мозг, ваш разум, ваши души
Кричат из всех камней, урочищ, ям, озёр.

10.

Кричите, мертвые, зарытые в траншеи,
Кого глодали псы, кто стал добычей рыб;
На весь кричите мир, убитые евреи,
Да оглушит живых немой предсмертный хрип.

11.

Земля не слышит вас. Небесная гробница
Безмолвна и черна. И соляца тоже нет.
Оно погасло, как фонарь в руке убийцы...
Погас и мой народ, дававший миру свет.

12.

Народ мой, выпростай из под убитых руку.
Пусть встанет тень твоя над сонмом мертвецов.
Пусть род людской поймет чудовищную муку
Сожженных известью в глубинах братских рвов.

13.

Восстаньте, узники Треблинки, Собибора,
Освенцима,— всех, всех проклятых лагерей...
Восстаньте, женщины — Есфирь, Юдифь, Дебора!
Восстань, затравленный, задушенный еврей!

14.

Молившийся в семье за праздничным обедом,
Восстань, мой ветхий дед с библейской бородой!
И вы, сожженные одновременно с дедом,
Вы, мылом ставшие, компостом и золой...

15.

Войдите, люди, в круг,— все, стары или юны,
Вы все мне дороги,— пусть каждый в круг войдёт.
Теперь я буду петь, перебирая струны,—
Теперь я буду петь — про мёртвый мой народ.

Ich spiel

1.

Ich spiel. Ich hob gesetzt sich niederik ojf dr'erd,
un hob gespielt un umetik gesungen: O, mein volk!
Milionen Jidn senen arum mir gestanen un gehert,
milionen ojsgehargete sen' gestanen, sich zugehert —
a grojss gefolg!

2.

A grojss gefolg, a machne grojss, ach grojss! Jecheskel's tol
mit bejner vull wolt in a winkl do bahaltn sich gekent —
un er alejn, Jecheskel, er wolt nit hoferdik asoj,
nit glojbik wie amol
zu ojsgehargete geredt, er wolt wie ich varbrochn
mit die hent.

3.

Wie ich, wie ich varworfn umbaholfn schwer dem kop,
un ongekukt varstert dem himl-groj un weit un wist arum,
un wieder schwer aropgelosn ihm, arop, arop, arop,
a stejn varstejnert zu der erd gebojgn tief un stum.

Играю на арфе

1.

Я на земле сижу. Передо мной теснится
Прозрачная толпа бесчисленных теней.
Предсмертную тоской изглоданные лица!
Я на толпу гляжу, и я пою о ней.

2.

Иезекииль так пророчествовал, глядя
На лог, усеянный иссохшими костями.
Он был в отчаянии, он убивался ради
Немногих спасшихся — со старцами, с детьми.

3.

Творец не обратил внимания на муки
Колен Израиля; настал последний срок.
Как я, века спустя, заламывая руки,
В глухом отчаянии окаменел пророк.

4.

Jecheskel! Jid, du Jid in Bowl-tol, du host gesehn
die ojsgetriknte die bejner vun dein volk, un host —
varlorn sich, Jecheskel ... un a zumischter wie a maneken
vun ejberschtn vun deinem in tol in jenem fihrn sich gelost.

5.

Un gelost sich fregn: *haitichjeno?* Sog, zi weln noch
ojflebn die bejner o? Du wejst nit, jo zi nejn —
to wos soll ich, o wos soll ich schojn sogn? Weh a broch!
Es is vun ojsgehargetn vun volk vun meinem
nit geblibn kejn gebejn!

6.

Nito ojf wos a leib arojfzusetzn un ojf wos a hojt
arofzfuzien un in wos areinblosn a geist —
seh, seh, a volk an'ojsgehargeter do ganz, a volk getojt.
Kukt on uns star, kukt on mit ojn uns vargleist.

7.

Seh, seh millionen kep un hent zu uns gewondn — zej!
Un penimer un lipn seh — is a gebet ojf
sej varstart zi a geschrej?
Geh zu un rir sej on ... nito wos anzurirn — hej!
Ch'hob ojsgetracht a jidisch volk! Ch'hob ojsgetracht doch sej!

4.

Он видел не живых евреев Вавилона,
А кости мертвецов, усеявшие лог.
Он обманул живых; его во время оно
Всевышний хитростью в пророчество вовлѣх.

5.

Костям он обещал благоденье Божье,—
Сулил им плоть, сулил покрыть их сетью жи
И кожей обтянуть... Всё это было ложью.
Исчез народ, исчез,— как если бы не жил.

6.

Ложь! Мы не дождались обещанного часа.
Ложь! Не зажѣтся свет,— нам не видать ни зги.
Не нарастит Господь на эти кости мяса,
И в эти черепа не вложит он мозги.

7.

Зияют вокруг меня бездонные глазницы,
Хочочут надо мной немые черепа.
Народ Израиля... Быть может, он мне снится?
Подобно черепу, душа моя слепа.

8.

Nito sei! Un sei weln do oif dr'erd schojn mer nit sein!
Ich hob sei oisgetracht, jo, aso' sitz ich un ich tracht sei ois —
nor emes senen sejere *inuim* wos du sehst, die pein, die pein
vun sejer oisgehart wern is doch wo'hr un groiss ...

2.

Seh, seh, sej stehen ale arum mir un weit un lang,
un ale sej — a schojder geht adurch mir, durch mein leib —
Sej kukn mit Ben-Zijenkes, mit Jomeks ojn bang,
sej kukn ale mit die umetike ojn vun mein weib.

10.

Mit mein bruder Berls grojse, blo'e ojgn — jo!
Wie kukt zu sej sein blick? Ot is er! er alejn!
Er sucht die kinder seine un er wejsst nit as sej senen do,
zwischn die milionen do ... ich sog es ihm nit, nejn ...

11

Mein Chane'n hot men zugenumen in ejnem
mit unsere zwej sihn!
Mein Chane wejss, mit ihr zusammen hot men se j varschlept —
Sie wejss nor nit wu Zwi is? Sie wejss vun mir nit
wu ich bin,
sie wejss nit vun mein umglik, sie wejst nit as ich leb...

8.

Нет больше на земле евреев. Горе, горе!
Возможно ль осознать, что этот бред — не бред?
Реальна только смерть, реален крематорий,
И только то, что нас на свете больше нет.

9.

Но тени здесь, они рождаются из тлена...
Развей, о Господи, видение развей! —
Они стоят, они глядят глазами Бена,
Глазами Йомеле, — обоих сыновей.

10.

Голубоглазый Берл, мой брат, глядит со страхом,
Пытаясь разыскать своих детей в толпе.
Еще не знаешь ты, что дети стали прахом,
Как тысячи других... Нет, не скажу тебе!

11.

И Ханеле мою уволокли злодеи,
И двух сыночков с ней. О, материнский вой!
В отчаянии своем она не знала, где я...
Моя беда лишь в том, что я еще живой.

12.

Sie hojbt zu mir die ojgn ihre wie s'hojbt die ojgn stum
 zu mir dos volk dos ganze un wie sie wolt mich nit gesehn.
 Kum, schweigndike, un asoj viel sogndike, kum, Chane, kum.
 Kuk ein sich, her sich zu zum kol zu meinem un derken!

13.

Her, Benzik'l mein junginker, mein go'en, du varstehst
 an'ejche-lied a letzts vun letzttn, letzttn Jid —
 un du, mein Jomele, mein lichtiker, mein trejst,
 wu is dein schmejchl, Jom? O schmejchl, schmejchl nit ...

14.

Ich schrek far ihm sich, Jomele, asoj wie men badarf
 far meins a schmejchl schrek sich ... her zu sich
zum gesang...
 Ich hob mein hant wie a harz geworfn ojf mein harf,
 un soll uns wej ton merer noch! ... I weh, i bang!

15.

Jecheskelen, ihm, nejn Jirmijen ... ihm ojch, ich darf ihm nit!
 Ich hob gerufn sej: o helft mir, helft arojs!
 Nor ch'wel ojf sej nit wartn mit mein letzttn lied,
 sej mit newijes un ich in wehtokn in meine grojss.

[15. X. 43]

12.

Она, подняв глаза, глядит, не узнавая,
И весь народ глядит безмолвно на меня...
О Хана, посмотри,— как прежде, как живая,
Любовь и преданность в душе своей храня.

13.

Сыночек Йомеле, наш младшенький сынок,
Ты улыбаешься, меня улыбкой грея...
А ты, наш Бен-Цион, ты понял всё, что мог:
Ты угадал судьбу последнего еврея.

14.

Тебя ли, Йомеле, я вижу рядом с нами?
Ты улыбаешься... Зачем ты здесь, ответь?
Нет, лучше буду петь, как предок пел во храме;
Не арфа, не тимпан, а сердце будет петь.

15.

Иезекииль, встарь ты обличал пороки;
Но мертвых не спасет твой справедливый гнев.
Сегодня не нужны библейские пророки.
Уместен, может быть, лишь траурный напев.

O wehtokn ihr meine

1.

Wehtokn! o wehtokn ihr meine ... wojl, Jidn eich,
o wojl eich, wojl!
Wojl eich elnte, eich iberbleibechzn ojf jene seitn jam,
wos ihr weist es nit...ach, wen es efnen
meine wehtokn a mojl,
sej woltn eich dos lebn eiers, eich die welt varfinstert
un varssamt.

2.

Wehtokn, ihr wachst doch asoj grojss in mir, ihr wachst
un steigt —
Wos akbert ihr? zi reisst ihr es in mir arein sich,
zi reisst ihr sich arojs?
Nit reisst arojs sich wehtokn! Wachst, wachst
in mir un schweigt,
schweigt weil ihr tut mir weh asoj,
o wehtokn ihr meine, weil ihr sent grojss!

О боль моя

1.

Боль в глубине души. Еврей за океаном
Не чувствует ее. И тем она больней.
А мне, привыкшему к кровоточащим ранам,
Не одолеть ее, не совладать мне с ней.

2.

Боль в глубине души не ведает предела.
Всё чаще приступы отчаянной тоски.
Как может эту боль вместить живое тело?
Боль распирает грудь, рвёт сердце на куски.

3.

Weil ihr grobt in mir un ekbert in mir blind mit oijn zu
un mit meiler ofn wie werim in a kejwer tief...

O wehtokn, o schmarz!

To schweigt in mir, mit meine ale die gehargete, liegt,

liegt in eier ruhl!

Legt, wejtokn, in mir, wie werim inem chrejn,

in ofjgegossenem in harz.

4.

Ani hagetwer, ich bin der man, wos hot sich zugekukt,

wos hot gesehn

wie men hot die kinder meine, meine frojen,

meine junge un meine alte leit

In wegener geworfn, wie stejner

sej areingeschleiert dort, wie spen,

un geschlogn sej gor ohn rachmones un geredt

zu sej varscheit.

5.

Ich hob vun fensterscheib arojsgekukt, gesehn

die schleger — Gott!

ich hob batracht die schleger un die geschlogene batracht —

Un hob varbrochn mit die hent far schand ...

o schand un spott,

men hot die Jidn, ach, mit Jidn — meine Jidn umgebracht!

3.

Боль, превратившая всю жизнь в подобье ада,
Незримой будь, о боль, не поднимая лица!
Боль ненасытная,— днем, ночью без пощады,
Без жалости — как червь, грызущий мертвеца.

4.

Ani hagswer...^{*)} Да, я видел потрясенный,
Как мучили старух, как дедов и внучат
Заталкивали в глубь товарного вагона...
Я слышал, как они от ужаса кричат.

5.

Я видел из окна: еврей тащил еврея...
Я был убит стыдом. Евреев гнали в смерть
Ударами хлыстов и криками: «Скорее!»
О, как я смел молчать!.. О, как я смел не сметь!..

^{*)} Я человек (ивр.).

6.

Meschumodim un erew meschumodim
mit die stiefl glanzik off die fiss,
un in die hitlen mitn mogn-dowid wie a haknkreiz
sej off die kepp,
un mit a sprach a fremde un vargreist in mojl un grob
un miess.
Hobn sej vun wohnungen geschlept uns, geschleidert
vun die trepp.

7.

Sej hobn tirn ofgerissn un areingerissn sich mit gwald,
mit gwald
in heiser jidische, varmachte, mit helzer, ofgehojbn
in die hent —
ofgesucht uns un geschlogn
un zu die wegner getrißn jung un alt,
in gass arein! gespign Gott in ponim, dos licht
vun tog geschendt.

8.

Sej hohn uns arojsgeschlept vun unter bett,
vun schank uns un geflucht:
«Der wogn wart! Zu aldi schwarze johr,
zum umschlak eich, zum tojt,
sej hohn ale uns vun stub arojsgeschlept
un alz noch dort arumgesucht
dos letzte klejd vun schank, dos letzte bissl kasche.
Dem letztn peniz brojt».

6.

Наймиты никому не делают поблажки...
Хасидов, цадиков,— всех ждёт одна беда.
Лютуют выкресты... На выкрестах — фуражки,
Где вместо свастики — давидова звезда.

7.

Евреи волокли евреев. Звери, звери!
Евреи волокли детей по мостовой,
Врывались в комнаты, выламывали двери,
Искали под столом, в кроватях, в кладовой...

8.

Грабитель все тащил: серебряные рюмки
И восьмисвечники прадедовских времен;
Он выворачивал шкафы, карманы, сумки,
Комоды, сундуки,— разбоем упоён.

9.

А толпам нет конца... Их гонят, избивая...
Телеги ломятся под тяжестью людей,
Узлов, мешков, тряпья... О, где найду слова я,
Чтоб описать глаза напуганных детей?

10.

Телеги, полные евреев... Крики, стоны
И страшная — страшной, чем крики, — тишина
Толпы, набившейся в товарные вагоны,
Толпы, которая на смерть обречена.

11.

Одумайся, еврей! Не принуждай другого,
Такого же, как ты. Не радуй палача!
Они стоят вдали, не говоря ни слова,
И на тебя глядят, злорадно гогоча.

12.

Ich hob gesehn die wegner die vulle in mein fenster...

Ch'hob gehert

die wehgeschreien bis zum himl un die krechzn still

un stummerheit —

O, wegner vun pein balodn lebedik

un zu dem tojt gefihrt! Die ferd

sei sen'gegangen, un die reder ojch, sej hobn sich gedreit...

13.

O, narische ferd, wos lost ihr hengen trojerik die kepp?

Wos dreht ihr umetik sich reder? Zi wejsst ihr wu ahin

ihr fort un wu ahin ihr firt awek sej? Wu ahin ihr schlept

die ejdele, die techter vun mein volk,

meine die gerotene die sihn?

14.

Ach wen ihr wejsst — ihr wolt zehirshet wild sich, sich gestelt

ojf die hinterschte die fiss un die fiss die oßerschte wie hent

wie menschele varbrochn in varzweiflung

far der ganzer welt,

un die reder, rundike — sej woltn drehen sich nit

mer gekent...

12.

Я видел из окна, как лошади стояли,
Готовые везти в огонь живую кладь
Из обречённых тел. Они еще не знали
Того, что предстоит евреям: умирать.

13.

О, если б знали вы, услужливые клячи,
И вы, могучие тупые битюги,
Как рвётся всё внутри, когда ребёнок плачет,
Когда старик твердит: «Сыночек, помоги...»

14.

Как человек жесток!.. Когда бы знали кони,
Что гонят их туда, где ждут людей гробы,
Что сотни будут гнить в таком гробу-вагоне,—
Восстали б лошади, взвились бы на дыбы.

15.

Sej wejssn nit un forn, sej farkirewen vun Nowolipki, seht
oß Zamenhof, der weg zum Umschlak opgezojmt, dort wart
a zug, wagonen wartn, lejdike,

sej fihrn ale uns awek, het, het —
un kumen morgn lejdike on wieder ...

O schrek in mir varstart!

[22. X. 43]

15.

Но лошади везут поклажу обречённых
За Новолипки,— там пустые поезда
Ждут тех, кто движется под стражею в колоннах,
Чтоб, струдившись, как скот, уехать в никуда.

Sej senen do schojn die wagonen wieder

1.

O schrek, o mojre ejme'dik, a pached grojss bafalt mich,
nemt arum mich fest —
Sej senen do schojn, die wagonen wieder!
Nechtn erscht, varnacht — awek
un heint sej senen do schojn wieder, sej stehen ojfn
umschlak schojn ... Du sehest,
die ofene die meiler? Sej hobn ojggeefnt sej, a schrek!

2.

Sej wiln noch! sej wiln wieder schojn, sej wern gor nischt satt,
sej stehen schojn un wartn — Jidn! Wen brengt men sej aher?
Hungerike — wie sej woltn noch kejn Jid in moj
in sejern gehat...
Gehat! un as gehat is wos? Sej wiln mehrer,
noch sej wiln mehr!

3.

Sej wiln noch, sej stehen schojn un wartn wie gegrejt a tisch,
an grejt zum essn — Jidn! Aher sej, wievl s' wet arein!
Jidn! s' alte volk mit kinder junginke, jung asoj un frisch,
junge trojbn vun an altn zweig, un Jidn alt wie alter,
starker wein.

Опять вагоны, вагоны вернулись

1.

Как поезда страшны!.. И как вагон прожорлив!..
Он ненасытен, он опять разинул пасть...
Туда, сюда, туда... Крик застревает в горле.
Проклятый поезд, он опять нажрался всласть,

2.

И вот он снова пуст. Бездонная утроба
Готова поглотить десятки тысяч тел.
Закрыли двери, как забили крышку гроба:
Вагоны жрут и жрут. Им незнаком предел.

3.

О, звери хищные! Чего теперь вы ждёте?
Утроба поезда, как прежде, голодна.
Еще живых людей! Еще еврейской плоти!
Младенческая кровь для вас пьяней вина!

4.

Mir wiln noch, noch jidn ... Wagonen wie gaslorim
kalt und hart,
sej schreien: noch! Un mehr noch! Sej wejssn nit
vun kejn genug,
sej stehen schojn un wartn ojf'n Umschlak ...
Men wart ojf uns, men wart,
wagonen tamewate, brejt geefnte a ssach, a ganzer zug.

5.

Sej senen vull gewen do erscht, gestikt vun Jidn sich, derstikt,
Jidn tojte sen' gestanen nechtn zwischn lebedike do geplept —
tojte sen' gestanen un faln nit gekent in dem gedrik,
nor s' is gewen nit kontik wer vun sej is tojt un wer es lebt.

6.

Beim tojtn jidn hot sich lebedik geschoklt hin un her der kop,
un vun dem lebedikn hot gegossn sich der tojter schweiss;
A jidisch kind bet bei sein tojter mamen:
Wasser! Gib wasser mir a trop!
Er schlogt ihr mit die hentlech in ponim: Los! Es is mir heiss!

7.

Un noch a kind, a klejninks off sein tojtns voters hent —
jo, kinder, chotsch varchaleschte, varschmachte —
kinder haltn ojs!
Der tates einer, chotsch a grojsser — hot nit ojshaltn gekent —
s' kind wejst nit, s' bet sich alz noch: kum!
Kum tate! Kum arojs!

4.

Какие, что ни день, обильные обеды!
Какой неистовый, чудовищный банкет!
Справляют пышный пир вагоны-людоеды,
Но вечно голоден их поезд-людоед.

5.

Загоны для скота, вагоны-душегубки,
Где от живых неотличимы мертвецы,
Где никнут над детьми,— о, как их тельца хрупки,—
Живые матери и мертвые отцы.

6.

Кто жив еще, кто мертв? С живого пот струится
Живыми каплями. Последний признак — пот.
Ребенок молит: «Пить!.. Ой, мама, где водица?..»
И мертвое лицо в ожесточеньи бьёт.

7.

Другой кричит, кричит, но дед его не слышит,
Бессильно свесилась седая голова.
Ребенок жив еще, он плачет, стонет, дышит,
Он бабушку тербит: «Пойдем!» Она мертва.

8.

Un weit dort in wagon, in jener seit dort,
in jenem eck wagon
is epes vorgekumen, hot wos passiert
un kejner wejss nit wos?
Der ojlem ober schmejcht, der ojlem ober stojsst sich on,
S' is emizer arojsgesprungen dort ... hert, hert a schoss!

9.

S'is wer arojsgesprungen ... un Jidn schmeichlen,
men git varstumt a lach.
O Jidn teiere, o Jidn hejlike ihr meine wos ihr seit!
Wos freit ihr sich? Hert der Ukrainer — er schiesst arop
vun dach,—
is wos? Abi s'is wer arojs! Abi es hot sich emizer bafreit.

10.

Un as a kojł is wos? Es wintschn ale sich do
in wagon a kojł —
Sie meidt doch kejnem nit! Besser schojn sie trefft uns
frei in feld,
ejder ... wu? Wu fihrt men uns?
Wer sogt es wide mit'n vuln mojł
sogt noch! Sogt ale noch — un s'warft
vun hitz eich alemen in kelt.

8.

А там, в другом углу — что там за суматоха?
Мальчишке повезло: он прыгнул на ходу.
Но с крыши — очередь. Ему теперь неплохо:
Не будет долго ждать, чтоб умереть в аду.

9.

Украинец попал в ребенка... Вот удача!
Как все завидуют мальчишке — выбрал сам!
От чёрной зависти евреи, чуть не плача,
Прислушиваются к гортанным голосам,

10.

Выкрикивающим немецкие приказы.
Теперь мы поняли, что это — Страшный суд.
Звучат зловещие загадочные фразы,—
Однако смысл их прост: нас убивать везут.

11.

Leidike wagonen! Ihr sent erscht vull gewen,
jetzt sent ihr wieder leer,
wu hot ihr sej hingeton, die Jidn? Vos is mit sej geschehn?
Zehntojsnt opgezejlte un varchasmet —
wie kumt ihr wieder do aher?
O, sogt wagonen, mir, wagonen, leidike, sogt,
wu sent ihr gewen?

12.

Ihr kumt vun jener welt, ich wejss,
sie muss nit sein gor weit,
r' sent nechtn erscht awek vun danen ongelodene
un heint — ihr sent schojn dol!
Wos eilt ihr sich asoj wagonen?
Wos hot ihr nit asoj kejn zeit?
Ihr wet wie ich gich alt wern, wie ich zebrochn alt un gro.

13.

Vun zukukn alejn, vun zusehn alz, vun zuhern dos alz —
gwald!
Wie halt ihr's ojs, un chotsch ihr sent vun eisen un vun holz!
O, eisen! o bist in dr' erd gelegn tief, o eisen, eisen kalt,
o holz, du bist a bojm gewachsen ojf der erd, i hoch, i stolz!

11.

Вагоны для скота! Вы увезли десятки,
Нет, сотни тысяч тел,— и вы опять пусты.
Где все они? Ну, пусть не все, пусть хоть остатки...
Проклятые, ведь вы боитесь пустоты!

12.

У всех у нас мечта: пусть милосердный выстрел
Поможет оборвать безмерно страшный сон!
Пусть смерть придет, но пусть она покончит быстро
С кошмаром, застывшим над миром небосклон.

13.

Вагоны, разве вы смертельно не устали?
Вы крик, и вопль, и плач терпеть обречены;
Вы терпите, но вы — из дерева и стали,
А сталь и дерево землею рождены.

14.

Un jetzt? Ihr sent wagonen, last wagonen jetzt,
ihr kukt sich zu,
ihr stume ejdes vun a last asa un vun asa pein
un vun asa a nojt!
Ihr hot sich stume un varmachte zugekukt,
o, sogt wagonen, wu
ihr fihrt, ihr hot dos volk, dos jidische arojsgefiht zum tojt?

15.

Ihr sent nit schuldik, men lodnt on eich do
un men sogt eich: fohrt!
Men schikt eich op mit vulln, men treibt
mit lejdikn eich zurik aher —
wagonen ihr, ihr kummt vun jener welt, o sogt mir,
sogt a wort,
git reder sich a dreh, derzejt, un ich, ich los die trer...

[26. X. 43]

14.

Вагонам все равно: они не внимают крикам,
В неведомую даль уходят поезда.
Колеса крутятся, они стучат по стыкам,—
Не все ли им равно, откуда и куда?

15.

Конечно, поезда ни в чем не виноваты,
Они не знают тех, кого они везут.
Но тем, кто гонит их, не миновать расплаты.
Настигнет каждого неотвратимый суд.

Die sitzung in der kehile wegen zehn...

1.

Derzehlt, derzehlt wagonen, ihr sent gewen
die ejnzike of der lewaje, ihr —
O, tojt-kastns ihr, ihr hot sej lebedikerhejt gefiehart
in letztn weg,
ihr, tojte ihr, ihr hot gefiehart die lebedike zu der kwure,
r' hot gefiehart
in letztn weg sej ... Un es entfernen die kastns op: nit freg...

2.

Derzejlt, derzejlt, chotsch ich wejss mer vun eich,
ich wejss vun onhejb on,
ich hob gesehn doch die modo'e, der kehile-rat alejn,
er hot die strof
unter ihr geschriebln ... Jo, men hot es im gehejssn
un er hot's geton —
Sechs tojsnt in a tog! Ich wejss dem onhejb ...
ihr, ihr wejst dem ssot.

Заседание в Совете еврейской общины по поводу десяти...

1.

Рассказывайте всё, вагоны-труповозы;
Начало видел я, конец видали вы:
Истерику толпы, бичи, дубинки, слёзы
И аккуратные, как по линейке, рвы.

2.

В Общине на столе лежала накладная:
Шесть тысяч каждый день. Подписано главой
Общины. Шесть — вчера. Сегодня — цель иная:
Не шесть, а десять в день. Приказ как таковой

3.

Derzehlt, ich wejss dem onhejb nor ...

der onhejb is nit alz, ich will
ihr sollt derzehln mir dem ssof, derzehlt...

Zi stert eich mein gewejn?

Derzelt dem ssof mir, ihr derzejlt un ich wel hern

un wel wejnen still,

derzehlt, ich bin a fels geschlogn un s'giesst vun mir sich,
s'kapet vun a stejn.

4.

Derzelt, derzeht! Anit wel ich derzehln ... jo, ich alejn derzej
un ich, ich wein alejn ... Baweint, o ojgn meine,

wos ihr hot gesehn,

o trumnes, trumnes stumm, s'is do wos

zu derzehln in dem letztn tejl,

zi wejst ihr wie vun Jidn, sechs tojsnt

in a tog s'geworn zehn?

5.

Ihr hot doch ehernechtn sechs awekgefihrt?

Sechs tojsnt Jidn nor,

gefiehart, awekgefiehart zum tojt sej, ale sej,

wos epes nechtn mer?

Zehntojsnt! Ganze zehn! es soll vun sej nit fehl

chas wescholem nit kejn hor!

Un bald ojfmorgn, noch die erschte sechs, a sprung asa —

hert, hert:

3.

Подписан немцами. Мы подписали тоже.
Теперь за вами речь: вы видели конец.
Я видел документ... И нашу подпись. Боже!
Всё допускаешь ты, всё терпишь ты, Творец!

4.

Я мог бы... Нет, молчу... От ужаса нет слов.
Рассказывайте вы, мне не хватает силы,
О том, как падали живые к мертвым в ров,
О том, как приняли их братские могилы...

5.

Общине никого не удалось спасти.
Позавчера всего шесть тысяч увезли вы,
Отныне — десять в день. Не меньше десяти.
Община ни при чём: такие директивы...

6.

Шарфюреры СС,— здоровые детины,—
Искали «старшего еврея», а потом
Ворвались в комнату, где шел совет Общины,
Где Черняков сидел за письменным столом.

7.

«Не шесть, а десять... Нам шести сегодня мало.
Не меньше десяти!... Подпишешь, Черняков?»
Пан Черняков, Адам, потупился устало.
Подпишешь? Вывесишь бумагу? Ты — готов?

8.

Шесть тысяч, десять, семь... Убийственные числа!
Шесть меньше десяти?... Как всё вокруг темно!
Не будем сравнивать... В сравнениях нету смысла.
Подписывать? Зачем? Ведь немцы всё равно...

9.

Ты плачешь?.. Значит, есть в тебе следы еврея?..
То голос совести. В твоём кармане — яд.
Послушай, Черняков: прими его скорее,
Пока ты здесь один и люди не глядят.

10.

Когда ты примешь яд, с тебя и взятки гладки,
А десять тысяч в день пускай убьёт другой.
Ты снимешь грех с себя, и будет всё в порядке,
И люди будут знать, что Черняков — не гой.

11.

А после? Сами пусть... Община — всё для формы!..
Шесть или десять? Вздор! Решать не мне, не нам.
Мы здесь для мебели... Община! С давних пор мы
Подписываем всё, что надо. Стыд и срам!

12.

Adamie ... ts ... r' is tojt schojn, der preses sitzt a tojter
in sein stuhl un wart,
die ojgn zu in ofenem gesicht, der kop varworfn —
sizt er ojbn on —
der rat kumt on, klapt on — wos hot er sich,
der preses, dort varspart?
Er hot dem rat zunojßgerufn,
a eilike a sitzung... klapt! klapt on!

13.

Es hot sich sej gedacht as emiz sogt vun inewejnik sej: Arein!
Es hot sich sej gedacht nor ...
Jo, der preses sitzt a tojter ojf sein stuhl —
Presesie? Du? Du host doch uns gerufn?
A sitzung darf doch sein!
Mir senen do ... mir hobn zugestellt sich ale,
der komplet is vull!

14.

Un jetzt? Wos jetzt? telefonirn — nejn ...
sej wein sein in kaas ...
Sej wein ... sogt nit, gor nischtl! R' lebt chotsch tojt ...
wos jetzt?
Jetzt ophaltn die sitzung — Zehn! Jo zehn! ...
Still, schweigendik un blass
hot sich der kehile-rat gesetzt
arum dem grinem tisch ... Sej hobn sich gesetzt —

12.

Адам! Пан Черняков!.. Молчит. Ответит, если
Он жив, но он молчит. Его глаза мертвы.
Как прежде, он сидит в своем глубоком кресле.
Стучите в дверь... Но он не поднял головы.

13.

Он, кажется, сказал стучавшему: «Войдите»
Вошли на цыпочках в холодный кабинет.
Он за столом. Он мёртв. Садитесь, не глядите.
Давайте заседать. Его как будто нет.

14.

Что делать? Позвонить? Сказать властям? — Ни слова!
Молчите, господа. Пусть будет так, как есть.
Никто не должен знать о смерти Чернякова.
Не вы,— мертвец решит, что десять, а не шесть.

15.

Der preses oßn on, un speter sej, die mitglieder
vun ganzn rat,
es hobn oßgestellt die hor sich oßn kop,
dos blut hot in die odern gefriert,—
s' nemt emizer dos wort — die zung in moß hot
ihm gezitert wie a blat,
ale hern oß ... der tojter preses fiehrt die sitzung —
wie er wolt gefiehrt.

[29. X. 43]

15.

Все сели вокруг стола, уже забыв о кратком
Недоумении: подпишете не вы!
Не вы! Собрание идет своим порядком
Под председательством умершего главы.

Die Erschte

1.

Un s'is awek a gang: Zu zehn a tog,
zehn tojsnt Jidn in ejn tog, dos hot
nit lang gedojert, o, nit lang,
men hot genumen bald zu fufzn tojsnt sej
die shtot mit Jidn — Warschel Die arumgezojmtē,
die arumgemojerte die shtot
is far die ojgn eingegangen mir, is ojsgegangen,
zegangen wie a schnee.

2.

Warschel Die alt jidische, die vule
wie a schul jom-kiper, wie mark of a jarid,
Jidn warschewer, Jidn handldike ofn mark,
Jidn dawnendike in die schul
asoj umetik un asoj frejlech — o, parnosse-suchndiker
un gotsuchndiker Jid!
Warsche die varmojerte arum, die opgeschlossene —
is gewen mit dir erscht vull!

Первые

1.

Не шесть, а десять в день... Не десять, а пятнадцать...
Пятнадцать тысяч в день... А ведь могла страна
Стать матерью для двух живущих рядом наций!
Увы, на кровь и смерть она обречена.

2.

И солнце грело нас, и сотрясала буря...
Как синагога в день Йом-Кипура, бурля,
Варшава,— мчась, молясь, торгуясь, балагуря,—
Была для каждого — счастливая земля.

3.

Jetzt bistu leer! Jezt bistu lejdik!

Jetzt bistu ojsgelejdikt ganz un leer!

Jetzt bistu a bes-ojlem, a bejs-hakwores wist,

un wister noch, du bist

gassn ojsgestorbn un men seht

kejn mess afile sich nit walgern dort mehr,

un heiser ofene un kejner gejt arojs nit,

nit arein in heiser wist.

4.

Die erschte umzubringen sen' gewesen kinder,

jessojmimlech varlosene, es hejsst

dos beste ofj der welt, dos schenste wos die erd,

die finstere varmogt!

O, vun die elntste jessojmimlech in kinderhejmen

wolt gewochsn uns a trejst,

vun die umetikste, stume penimlech, die chojschechdike,

wolt getogt uns, wolt getogt!

5.

Jo, jo, ich bin ssof winter zwejunverzik

in a kinderhejm asa gewen

un kinder, erscht gebrachte vun der gass gesehn,

Ch'hob in a winkl sich varukt

un hob in schojss vun an erzijerin

a kojn zwej jerik mejdele gesehn —

a mogerinke, a tojt blassinke un ojgn ernste,

ich hob gekukt, gekukt —

3.

Варшава, ты теперь не город, а кладбище;
В твоих домах-гробах нет даже мертвых тел;
На мертвых площадях холодный ветер свищет,—
Евреев больше нет, наш город опустел.

4.

Сначала сироты,— их первыми убили.
Варшава вымерла. В ней сразу свет погас.
Их уничтожили. В неведомой могиле
Угасли звёздочки их лучезарных глаз.

5.

Я видел девочку зимой сорок второго,
Еще не знавшую парного молока.
В глазах ее жила и хмурилась сурово
Тысячелетняя еврейская тоска.

6.

Ch'ob ongekuht sie, die zwej jorike, di altetschke,
die bobe — hundert johr
is dos jidische, dos mejdele schojn alt,
der ernst ihrer un ihr grojsse pein —
Dos wos die bobe ihre hot in cholem nit gesehn,
hot dos mejdele gesehn, un ojf der wohr.
Ich ob zewejnt sich un gesogt sich: Wejn nit,
die pein verschwindt un der ernst wet schojn sein!

7.

Der ernst bleibt, er giesst sich in der welt arein,
in lebn, un vartieft's,
der jidischer der ernst, nichtert ojs, weckt ojf,
reisst brejt ojf ojgn blind;
s'is wie a tojre far der welt, wie a newu'e,
wie a hejlike a schrift —
Wejn nit, wejn nit ... achtzig milion rozchim
far dem ernst vun a jidisch kind.

8.

Wejn nit ... Ich hob gesehn a mejdele
vun a johr finf in jenem «p u n k t».

Sie hot a wejnendikn bruderl, a klenern
a ssach vun ihr, a leidndn genehrt —

Sie hot vardarte stiklech brojt in a marmolad
a schitern getunkt

un kunzik ihm in meilechl areingeschmuglt...

Mir is gewen baschert

6.

Худая девочка перестрадала боле,
Чем бабка древняя. А лет ей было — пять.
В младенческой душе скопилось столько боли,
Что больше, кажется, уже нельзя страдать.

7.

Глядел я на нее и плакал... Нет, не надо,
Не плачь, подумал я, — всё это будет сном.
Всё это кончится, мы вырвемся из ада,
И души будут жить, как память о былом.

8.

Не видно выхода из дьявольской напасти;
Их восемьдесят миллионов против нас;
Сегодня, девочка, их власть, но выше власти
Страданье в глубине твоих недетских глаз.

9.

Zu sehn es, sehn der mamen, sehn der mamen
 der finfjeriker wie sie speist ihm, ihre rejd
 Zu ihm gehert. Mein mame — ejne in der welt,
 is nit erfinderisch asoj gewen!
 Sie hot a trer ihm opgewischt mit a gelechter,
 areingeredt in ihm a frejd,
 s'jiddisch mejdele! Scholem-Alejchem
 hot es besser nit gekent, ich hob's gesehn!

10.

Ich hob gesehn dem grojssn elnt dort,
in kinderhejm in jenem, ch'bin arein
In zwejtn sal — dort ojch, dort ojch —
es hot gejogt a bitere a kelt,
Vun weitm hot an ojwn off a blech geworfn off
a heifl kinder hel a schein,
Es hobn kinderlech halb-nakete beim koks,
beim gliendikn sich arumgestellt.

11.

Es hot gegliht der koks, der hot a fissele,
der a gefroirn hentele arojsgesteckt,
Der a nakete a plejzke, un ejner a schwarz ojgik,
a blass jingele, noch gor a jungs,
Er hot derzejlt a majssele. Nejn, nit a majssele!
Er hot gebrojst, er is gewesen oifgeregt
Jeschaje! du, o du, host nit geflamt wie er,
host nit gehat asa a jidische a zung.

9.

Я помню двух детей; сестрице старшей было
Не более шести. Как некогда Агарь
Среди пустынных скал кормила Исмаила,
Так брату девочка мочила свой сухарь.

10.

Когда бы прежде мне об этом рассказали,
Я б не поверил, что у немцев нет души.
Полураздетые, в пустом холодном зале,
От холода дрожа, толпились малыши.

11.

Вот мальчик,— сказками, рассказанными дедом,
Он самых маленьких старается отвлечь;
Он увлечён и сам,— но смысл ему неведом,
Одушевляющий бесхитростную речь.

12.

Er hot geredt a jidisch gemischt mit loschn-kojdesch. Nejn!
S'is loschn-kojdesch blojss!

Horch, horch, kuk on die jidische,
die ojn seine, un dem stern un wie er hojbt
dem kop ojf ... Jeschaje! Bist nit klejn gewen
wie er un nischt gewesn asoj grojss,
bist nit gewesn gut asoj, nit emesdik asoj,
un host, Jeschaje, nit asoj geglojbt! ...

13.

Un nit asoj dos jingele in jenem kinder-punkt,
dos jingele was hot asoj geredt
nor seine schwesterlech un briderlech
was hobn ihm mit meilechlech mit ofene gehert
o nejn, ihr lender ale, Ejropes alte un nei ojfgebojte stedt —
asojns hot doch die welt noch nit gesehn,
nit gehat asolches hot die erd.

14.

Sej sen' gewen die erschte umzukumen,
die jidische, die kinder, ale sej, dos row.
A tate-mame, kinder oifgeessene vun kelt,
vun hunger un vun leis —
meschichim hejlke, gehejlkte in leidn...
O, sogt, farwos die strof
farwos in umkun-teg die erschte zoln ihm,
dem beis dem hechstn preis?

12.

И дети слушают, забыв про все на свете...
Пророк Исаия, твой справедливый гнев,
Твои призывы мстить нужны ли этим детям,
Которые молчат, от сказки онемев?

13.

Мальчишка говорил на странной мешанине
Иврита с идишем. Но мальчик был — святой;
Святей, чем ты, пророк, державший речь в пустыне...
Да мог ли верить ты с такою простотой?

14.

Погибли первыми еврейские сиротки
От вшей, от голода, от стужи, от тоски.
Их дяди взрослые, осатанев от водки,
Швыряли в кузова как мусор, как мешки.

15.

Sej sen' gewen die erschte, die genumene zum tojt,
die erschte of der fuhr,
men hot geworfn in die wegner die grojsse sej, wie
hojfn's mist, wie mist —
un awekgefihrt sej, ojsgeharget sej, varnicht sej,
s' is kejn spur
vun sej, vun meine beste nit geblibn mehr!
Och weh is mir un wind is mir, un wist!

[2., 3., 4. XL 43]

15.

Вы — первая цена, уплаченная миром,
Вы первыми ушли из мира в никуда.
Удар был нанесён по малым, нищим, сирым...
Убиты — без могил. Погибли — без следа.

Zu spet

1.

Weh mir, ich hob gewusst un meine schchejnim ojch
un jeder ejner Jid,
ale mir vun grojss bis klejn, vun alt bis jung —
mir hobn es gewusst,
un nit arojsgeredt vun mojł es ...
Scha! mir hobn sich far sich alejn gehit,
mir hobn es varschrign in gedank in unsern,
varstikt in unser Brust.

2.

Ejder noch es hobn ojswurfen varschpart uns
ale in die getos eng,
var Chelmno noch, var Belzec, var Ponary noch,
var unser end,
bald onhejb krieg, bagegndik a freind in gass,
flegn mir, wie ich gedenk.
Aroplosn die ojgn unsere un fester,
fester sich gedrikt die hent.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

1.

Мой Бог, мы знали всё, мы всё задолго знали,—
Кто к немцам близок был, кто был от них далёк,
Всё знали... Знали всё, что ждало всех в финале,
Но был запрет на речь, на правду, на намёк.

2.

Еще не гнали нас, не загоняли в гетто,
Освенцим, Хелмно,— мы таких не знали слов.
Но почему-то мы предчувствовали это
И каждый к страшному, казалось, был готов.

3.

Nit die lipn un die ojgn nit, kejn wort ...

Die ojgn hobn sich geschrokn ojch
a hojchn kuk ton ... Blickn gibn ojs wie werter
klore wos men ahnt...

De hent! Die stume hent — sej hobn
nit geschrokn sich zu rejdn hojch —
Tekl, tekl ... wie werter nit gesehn
un ojfgeschribn ojf der want!

4.

O nit nor mir, die went! Die went in jeder stub,
un jeder stejn vun gass
hobn es gewusst wie mir, wie mir ... o wer?
Wer hot es sej gesogt?
Es hobn stejner nit umsist uns ongekukt
die went umheimlich stum un blass,
un s'hobn stejner nit umsist gekukt ojf
uns varschwign un varzogt ...

5.

Ale mir, mir hobn es gewusst, fisch in wasser
un vojgl ojfn dach,
die gojim arum uns: Men harget ojs uns!
Men harget ale uns do ojs!
Un on a schum farwos? Un tu un mach!
S'is a bastimte, a baschlossene a sach:
Ihm umbrengen, dos jidische dos volk,
varnichten ihm vun klejn bis grojss.

3.

Мы шли по улице, не поднимая взгляда,
Не разжимая губ, не видя никого;
Мы понимали, что здороваться не надо,
Что узнавать нельзя, что всё вокруг — мертво.

4.

Остался нам один язык — рукопожатий,
Лишь руки говорят, что мы — обречены.
Мы избегаем слов, улыбок и объятий,
«Менé, текéл, фарéс» грозит с любой стены.

5.

Мой друг на улице кивнул издалека мне,
Чтоб не видал никто... Мы все сошли с ума!
Всё то, что знали мы, предчувствовали камни,
Дорожные столбы, булыжники, дома.

6.

Wie nor s'hot ojsgebrochn temp un merderisch wie Hitler,
Hitler's krieg,
wie nor es hot areingerissen sich in Pojln die barbarische,
die deutsche hord,
hot dos jidische volk varlosn seine stedt un stetlech —
a kind in wieg
is nit geblibn, nit geblibn senen altgesessene ojf sejer ort.

7.

Men is gelofn, wu? O fregt nit kejnem: wu ahin?
 Wu lojft ihr wu?
 Un fregt nit, kejnem nit: Farvos? Wojl dir,
 du weisst es nit ... nit freg!
 Un gib kejn ejze nit, nit kejnem,
 rejd nit kejnem op un rejd nischt zu ...
 Zi bleibn in sein waremer sein hejm,
 zi losn sich mit alemen in weg ...

8.

In der hejm ... sej reissn sich arein
in hejmen jidische un tu'en dortn op —
men sol's nit sehn, nit hern — men tut on erger noch:
Men varschlept! Jo men varschlept,
un of die wegn — vull un eng, seh, seh:
Die Messerschmitn — wie niderik sej losn sich arop!
Du sechst die heldische die flijer,
die koiJnwarfers iiber Jidns oisgedarte kep.

6.

Все понимали всё, все были в курсе дела,
Все рыбы в озере, все птицы, каждый гой.
Увы, нас Божья власть спасти не захотела,
Свой избранный народ отвергнул Всеблагой.

7.

Что делать? Почему? За что проклятье это?
Кому, чем, почему мы помешать могли?
Потомки Ветхого и Нового Завета
За что обречены уйти с лица земли?

8.

Не надо спрашивать. Молчи. Злодеи рядом.
Они уводят всех. Не спрашивай, молчи...
Местечки мирные крошечным стали адом.
На наших улицах лютуют палачи.

9.

Rot nischt kejnem gor nischt, dein nontstn nit,
 dein no'entster — er hot
 varzweift ongestelt ojf dir die ojgn tachnunimdik
 a knecht, wie a knecht
 bet er rachmim sich: Was tut men? Ach, wen du wolst
 gewen afile Gott —
 Sog ihm gornischt! gornischt! ... wos du west ihm
 sogn wet sein schlecht!

10.

Ale wegn, ale traktn un schossejen hobn sich gebrochn
vun der last
der jidischer... A last ohn sek ofj plejzes,
ohn renzlech in der hant ...
Men is gelofn schwer balodn mit a schrek,
in eilenisch gelofn un in hast,
un ohn a hofnung ... Ach, an ander land!
Wie chapt men sich arein do in an ander land!

11.

Zu spet! zu spet, noch ehernechtn, nechtn noch,
 heint frih hot men gekont
 mit an ojtobus, a zug, a schlepzug ...
 un zu a greniz ergez-wu —
 jetzt is schojn spet ... Was jetzt? Die fiss
 wie opgenumen un die hent,— s'faln op die hent —
 zu spet! jetzt senen ale ojsgeg schojn
 varmacht un ale tirm zu ...

9.

Дороги толпами несметными забиты,
И женщины детей уносят, голося...
А над дорогами летают мессершмитты,
Евреев-беглецов безжалостно кося.

10.

Герои-летчики! Рискуя жизнью, асы
Стреляют по толпе бегущих стариков.
Они гордятся тем, как их боятся массы —
Жида, живущие здесь испокон веков.

11.

Куда бежать? Как быть?.. Путей среди потёмок
Не видно. В небесах созвездья не видны.
Под тяжестью людей, подвод, мешков, котомок
Гранитные мосты обрушиться должны.

12.

Всё поздно. Поздно всё. Нет выходов отсюда.
Еще позавчера ходили поезда.
Еще вчера еврей надеялся на чудо.
Всё перекрыто. Все дороги. Навсегда.

13.

По радио сказал по-польски фриц: «Поляки!
Освободители пришли. Пускай дрожит
Еврей. Вам говорят: мы грабим. Это враки.
Поляки, верьте нам. Но пусть трепещет жид!»

14.

О, чёрная среда! Ночь. Два часа. Евреи
Стремятся в панике... Куда? Куда-нибудь!
В какую сторону? Куда? Скорей, скорее,
Пока их нет еще, пока свободен путь...

15.

Dos ganze volk, dos jidische, die doike,
de massn vunem Bund
die klojmerscht frume, die Agodenikes,
die Zionisten, die wos hobn schejn geredt —
Lumpnhendler — ale hobn plutzling ojfgechapt sich —
s'hot geplatzt die wund!
Ken Erez-Jisroel, ratewen sich ... ratewet!
Nor s'is gewen zu spet.

[7.—12. XL 43]

15.

Все бросились бежать. И тот, кто был неистов
В стремлении общий путь с Европой обрести...
И тот, другой, кто был сторонник сионистов...
О, Эрец-Исраэль..

Всё! Поздно. Нет пути.

Ejn chorewe, ejn umgebrachte hejm

1.

Zu spet, varmacht die wegn ale, un ale grenezn
un durchgeng ojf a schloss,
die erd hot sich varschlossn in der nider
do far uns wie der himl dortn in der hojch,
men is in angstn grojss dergangen bis Lublin
un weiter noch ... jezinder-wos?
Der tojt — er is varlofn uns dem weg, mit blut,
mit feier un mit rojch.

2.

Men is gelofn un nebech nit derlofn ...
Ach, die derlofene mit glik,
die ongekumene mit fiss geschwoln un in wundn,
klojmerscht zu a zil —
Sej kukn finster un varzweffelt sich arum,
un wiln zrik, zurik!
Zurik ahejm! Jo, mir varkirewen zurik ahejm —
Sol sein schojn wos es will!

Разбитый очаг, разрушенный дом

1.

Всё! Поздно. Нет пути. Нет выхода. Погублен
Народ. И в глубь земли, и в небо нет пути.
Все в панике бегут. Бегут из Лодзи в Люблин,
Из Ченстоховы в Лодзь... Куда, куда уйти?

2.

В крови, едва дыша, с трудом достигли цели...
Цель? Разве это — цель? Чужой, враждебный дом.
Да, мы обречены... Но смерть в своей постели —
Не счастье ли? Умрём. Но дома пусть умрём.

3.

Men hot varkirewet zurik ... o, wegn trojerike zrik, o Gott!

Derselber gehenem, ach, wie gehendik ahër,
derselber schojder, die selbike gefahr
nor wos? A hejm! ojþ umkumen is in ejgener der stodt,
un in mein gass, in stub, in meiner, in mein bett...
ahejm! ahejm in zaar.

4.

Men hot gelosn sich zurik... der, nebech, is dergangen ...
 der zwejter, nebech, nit ...
 Jederer vun sej — zi ojfn weg, zi in der hejm schojn —
 hot geendikt schlecht!
 A mensch, zi ojfn weg derharget, zi ojf a bojm
 in wald gehongen — is a Jid!
 Un an ahejm gekumener a Jid wejss
 vun kejn hejm nit, nit in teg dort, nit in necht.

5.

Er tor nit weisn sich ... in stub nit, nit in hoja,
in gass nit wu er wojnt,
men hot im schojn gesucht, a Deitsch,
a Poljak nechtn un schojn a Volksdeitsch heint...
«Du do? Bist nit awekl Ich hob gemejnt,
du host geratewet sich...» ruft ojs derschtojnt
in a hintergass a zufelik getrofener,
derschrokn stark, a guter freint.

3.

Домой, назад, домой. Пускай страшнее муки,
Пускай ужасен путь и гитлеровец лих,
Но лучше там умрём, где вырастали внуки,
На улице своей, в родных стенах своих.

4.

Назад? Зачем назад? Но, может быть, сумеем
Прорваться? Может быть, поможем старику?..
Смотри, еврей, смотри, он тоже был евреем,
Тот сгнивший труп, и тот, повисший на суку...

5.

Вот прежний дом. Но где, куда нам схорониться?
«Уж фриц искал... Тебя, ему сказали, нет».
«Как, ты пришел назад? Как, ты не за границей?
Не спасся?..» — говорит испуганный сосед.

6.

«Зачем ты здесь? Зачем? Ты не был в синагоге?»
Там немцы всё сожгли, Я думал, я умру.
Раввина, старика, едва держали ноги,
Они его бичом гоняли по двору.

7.

С размаху фриц хлестал раввина по затылку.
Казалось, ненависть его свела с ума.
Смогу ли я забыть злорадную ухмылку,
С которой старца он гонял вокруг бимы?

8.

Держись, реб Йоселе!.. Упал... Удары палок
На голову его — под хохот солдатни —
Обрушились... Держись!.. Нет, наш раввин не жалок.
Он гордо смотрит, как безумствуют они.

9.

Хохочет фриц, и с ним поляк, его приятель...
О ребе, ребе, будь, как прежде, мудрецом!
Пусть до смерти тебя запомнит истязатель,
Тебя,— со светлым и бестрепетным лицом.

10.

Приказ: «Эй, пасть открой! А ну, открой пошире!
Плюнь, шамес, в рот ему!» Раввин отверз уста.
Но шамес рухнул ниц. Такой нет силы в мире,
Чтоб он забыл: не нём — давидова звезда.

11.

«Нет, ребе, не могу... Пускай любая мука...»
Раввин ему: «Будь горд, но подчинись врагу».
«Жид, харкни в рот жиду! Не уклоняйся, сука!»
«Нет, ребе, никогда... Не в силах, не могу!»

12.

Chotsch die kojł — sie hot dem schames getrofn
nor in fuss — «Un jetzt? arojs mit eich, arojs!»
Der schames chotsch er hinkt, er fihrt dem row,
dem altinkn vun schul,
kojm wos er geht der row, er ken nor lojfn arum
der bime, lojfn in Gott's hojs,
er fihrt ihm sacht un unter feierdike schmitz
vun spitzrut... schlog! Die moss is noch nit vull

13.

Sie is gewen nit vull ejder noch der row
is mitn schames sacht ahejm gegangen — seht!
A rojch spart bisn himl, un s'reissn flamen sich
arojs vun rojch: Wu brent un wos!
Dos brent die schull! Der oren-kojdesch brent!
Die sifre-tojres, die jidische die stedt!
Der row — er kukt sich um, der schames halt ihm:
Ach, die moss ... varfult hot sich die moss!

14.

O sog, antlofener in schrek, farwos o,
hostu umgekert sich zrik aher?
Du bist awak, farwos bistu in umglik
nit geblibn in der fremd!
Du wolst varsport dein hejm in pein in ihrn sehn,
in ihr gepruwet sein schwer,
un wie sie blutikt, wie sie wert varpeinikt
on a schum farwos un wert asoj varschemt.

12.

Реб Йоселе готов на унижень: «Быстро,
Быстрее плюнь... Гляди, он поднял пистолет...»
«Плюнь, плюнь!» Нет, он не мог. «Не хочешь?»
Грянул выстрел.
«По-настоящему плюнь в пасть ему» — «Нет, нет»

13.

«Вот как плюют, жидок!» — и немец харкнул смачно
Раввину в рот. «Глотни, как следует глотни!»
«Теперь — отсюда вон. Все вон!» — сказал он мрачно.
И храм сгорел дотла под хохот солдатни.

14.

Потом сосед спросил: «Зачем пришел обратно?
Ведь ты же мог спастись, ты был уже далёк...
Предупреждали нас, евреев, многократно,
Что немцы нас убьют, что не спасёт нас Бог...

15.

Зачем же ты пришел?» Вернувшийся смущённо,
Не зная, что сказать, оглядывал следы
Местечка своего, где жили обречённо
На польской родине несчастные жида.

Zu die himlen

1.

Asoj hot sich es ongehojbn, bald,
in onhojb... Himlen, sogt farwos? O, sogt farwen?
Farwos o, kumt es uns asoj
varschemt zu wern of der grojsser erd?
Die erd tojb-stum, hot wie varmacht die oign...
Ihr himlen ober, ihr hot doch gesehen,
ihr hot sich zugekukt vun in der hojch,
vun ojb — un nit iber sich gekert!

2.

Nit varwolknt hot sich eier bilike die bloj
un hot wie stendik falsch geschemerirt
die sun in rojtn, wi a taljen grojsam hot
in stendikn gekojlert sich im kreis,
die lewone, wie an alte hur, a sindike
is in die necht arojs of ihr spazir,
un stern hobn zugewunken schmuzik,
gefinklt mit die ojelech wie meis.

Небесам

1.

Так началось. О, небеса, за что же,
За что мы терпим это униженье
На горестной земле? Земля молчала,
Закрыв глаза. Она глухонема.
Земля молчит, не слышит и не видит.
Но вы-то, небеса, ведь вы смотрели,
Всё видели, всё рассмотрели сверху,—
И не обрушили свои грома?

2.

А синева небес чиста, как прежде,
Она, как прежде, радостно сияет,
И солнце ходит весело по кругу
В кроваво-красной робе палача.
И старая луна, как проститутка,
Выходит ночью погулять, а звёзды
Подмигивают сверху лицемерно,
Спросонья равнодушно бормоча.

3.

Да будьте вы неладны! Не желаю
Смотреть на вас. Вы лживы и бесстыдны.
Вы наверху, но вы безмерно низки...

Вовеки не бывало райских врат!
По глупости я верил в них когда-то;
Земля гнусна, но вы ничуть не лучше;
Она смердит, но и от вас такой же
Невыносимо душный, мерзкий смрад.

4.

Я верил вам, я верил в вашу святость,
Я так безмерно радовался солнцу,
Так вдохновенно воспевал в поэмах,
Как женщину, голубизну небес.
Я воспевал восходы и закаты,
Я видел в солнце торжество надежды.
Я верил вам,— но всё перегорело
В душе моей. Она не ждёт чудес.

5.

Довольно, хватит. Будет нас дурачить!
Вы мой народ бесстыдно обманули —
И простодушно-легковерных предков,
И опытных пророков-мудрецов.
В глубинах ваших утопая взором,
Они стремились там увидеть правду
И оправданье праведного гнева...
Всех обманули вы в конце концов.

6.

Eich gewolt ... zu eich erschte ojsgerufen:

Haasinul frieher ihr — varnemt

un speter erscht die erd. Asoj mein Mojsche

un asoj Jeschaje, mein Jeschaje: *schimu* — hert!

un *schomu!* Jirmijohu schrejt *schomu!* Wer she ojb nit ihr?

Wos hot ihr pluzling sich asoj varfremdt?

O, himlen ofene, o lichtike ihr himlen,

o himlen hojch, ihr sent doch wie die erd.

7.

Ihr kent nit, ihr derkent nit schojn nit mer, farwos?

Zi hobn mir sich den

asoj gebitn? Asoj geendert sich? Mir senen doch

die selbike die Jidn vun amol

un besser noch a ssach ... nit ich! Nit ich wil

zu meine newiim sich vargleichen, nit ich ken

nor die Jidn ale, die zum tojt gefihrt, die milionen

meine ojsgehargete do mit amol.—

8.

Sej senen besser noch, mehr ojsgelitn, ojsgeleitet

mehr in goles do! O, wos bateit

a Jid a grojsser, an amoliker, antkegn klejn

a jetztikn a poschetn, a durchschnitlechn Jid

in Pojln, Lite, in Wolyn, in jedn goles.

vun jedn Jidn klogt un schreit,

a Jirmije arojs, an Ijew in jessurim grojss,

a mejlech an an'antojschter mit a kojheles-lied

6.

Пророки нам распахивали душу.
«Внемли!» — зывал Исаия к народу;
И Моисей, к вам воздевая длани,
Твердил: «Внемли!» и простирался ниц,
Иеремия падал на колени,
На вас надеясь, веря в вашу благость,
А вы лукаво людям всё сулили,
Во лжи своей не ведая границ.

7.

Теперь вы даже нас не узнаете,
Как будто мы, евреи, изменились
Неузнаваемо... А мы всё те же,
Как три тысячелетия назад.
Мы даже стали лучше,— нет, не стану
С пророками тягаться,— все евреи,
Все уничтоженные миллионы
Облагородились, пройдя сквозь ад.

8.

Мы стали лучше, за других страдая.
Сравнимы ли герои-маккавеи
С сегодняшним евреем, самым тихим,
Из Польши, из Воыни, из Литвы?
В любом из нас, кто пережил изгнанье,
Живет Иеремия, стонет Иов,
И безутешен царственный страдалец...
Так как же нас не узнаете вы?

9.

Ihr kent nit, ihr derkent uns schojn nit mehr,
 nit kejner, wie mir woltn sich varstellt.
 Mir senen doch die selbike die Jidn vun amol,
 mir sindikn noch alz zu sich alejn.
 Mir sogn op sich alz noch vunem eigenem vun glik
 un wiln alz noch ratewen die welt.
 Vos sent ihr bloj asoj, ihr himlen bloj,
 bei unser ojsgeharget wern? Vos sent ihr asoj schein?

10.

Ich wel wie Scho'ul, wie mein kenig, sich aweklosn
in meine peinen zu der *bales-ow*.
Ich wel dem weg gefinen, dem varzweifeltn,
dem weg dem chojschechdikn kejn Ein-Dor,
un ch'ruf vun der erd arojs ale meine newiim
un baschwer sej ale: Kumt, o kumt arojf,
zu ejere himlen hel un spei in ponem sej:
zu aldie schwarze johr!

11.

Ihr hot sich, himlen, zugekukt vun oĵn, wie men
hot die kinder vun mein volk gefihrt
iber wassern, oĵ bahnen un zufuss, in teg in hele
un in finstere in necht zum tojt,
milionen kinder hobn beim derharget wern hent
zu eich gehojn — s'hot eich nit gerihrt,
milionen mames ejdele un tates — nit varzitert hot
oĵ eich die blo'e hojt ...

9.

Не узнаете, знать нас не хотите,
Вам кажется, что мы переродились.
Нет, в отношении лишь к себе подобным
Еще грешит сегодняшний еврей.
Он забывает о себе подобных,
Чтобы отвергнуть собственное благо
Во имя тех, других, во имя мира...
Он сделался терпимей и щедрей.

10.

Саул нашел запретную дорогу
К волшебнице; я за Саулом следом
Найду тропу, ведущую к Эйн-Дору.
Как Самуила из земли Саул,
Так я из праха вызову пророков,
Скажу им: «Плюньте в голубое небо,
Оно забыло о людских страданиях...
Там, на престоле, Всеблагой уснул».

11.

Вы, небеса, глядели равнодушно,
Как уводили, увозили, гнали
Детей народа моего,— при свете,
Во мраке, поездом, пешком, водой,—
На бойню. К вам они тянули руки,
И миллионы матерей, рыдая,
Вас, небеса, молили о пощаде.
А вы сияли над людской бедой.

12

Ihr hot gesen die Jomelech, elfjerike, alejn die frejd!
a frejd a gutscheit blojss,
un die Benzijenlech, die junge geonim, die ernste,
die suchen ... O, trejst vun alz vos lebt!
Ihr hot gesehn die Chanes vos hobn sej gehat,
vos hobn sej far Gott gehejligt in sein hojs,
ihr hot sich zugekukt... Ihr hot kejn Gott in sich nit,
himlen! Himlen gornischt, himlen, ojsgewebt!

13.

Ihr hot kejn Gott in sich nit! Efnt ofj die tojern,
ihr himlen, efnt ofj sej breit,
un lost die kinder ale vun mein ojsgehargetn,
vun varpeiniktn mein volk arein,
efnt ofj sej zu der grojsser himlfort, ganz
a volk gekreizikt schwer in leid
darf in eich arein ... O, jeder vun die kinder
meine umgebracht, ken a Gott sej sein!

14.

O, himlen, osgelejdikte un wiste, himlen wie
a midber weit un wist, ich hob
mein ejnzikn mein Gott in eich varlojrn, un sej
is wejnik hobn in eich drei
der jidischer der Gott, sein geist un der galil-jid
vun sej gehongen is sej knap,
sej hobn ale uns in himl opgeschikt —
O ekldike un gemeine geterdienerei!

12.

Наш Йомеле не знал еще о злобе,
В одиннадцать он был еще ребенок;
Бен-Цион, старший, подавал надежды...

Нет, мальчик мой, ничем не станешь ты!
А Ханеле так радовалась жизни,
Так весело заботилась о детях...
Но небеса молчат. Никто над нами
Не обитает, кроме пустоты.

13.

Нет Бога там, на небе... Распахнитесь,
Небесные врата, откройтесь шире,
Чтоб каждый, кто лишен земного крова,
Убежище найти на небе мог.
Откройтесь для убитого народа,
Для всех сожженных, изгнанных, распятых,
Для всех детей,—впустите всех на небо:
Любой ребенок наш — сегодня Бог!..

14.

О, небеса мои, вы опустели,
Вы — мертвая, бесплодная пустыня.
Единый Бог здесь жил,—теперь он умер.
Всевышнего утратил человек.
Наш Бог — один, но людям показалось,
Что мало одного, что лучше — трое;
Ни одного на небе не осталось...
Да будет проклят этот гнусный век!

15.

Frejt sich, himlen, frejt sich! Ihr sent gewesn orim,
jetzt sent ihr reich,
a gebentschter asa schnit — ganz, ganz a volk,
asa a glik is, himlen, eich baschert!
Frejt sich, himlen oßn, mit die Deitschn,
un die Deitschn untn soln frejen sich mit eich,
un sol a feier vun der erd oß eich arojsgejn
un a feier sol zuflakern vun eich sich oß der erd.

[23., 24., 25., 26. XL 43]

15.

Ликуйте, небеса: вы были нищи,
Теперь вы сказочно разбогатели:
На небеса стремятся миллионы,—

Примите весь наш избранный народ!
Ликуйте, небеса. И немцы тоже,
Пускай ликуют вместе с вами немцы;
Пусть вас пожрет земной огонь, а с неба
Падет огонь и землю всю пожрёт.

20

Asoj hot es sich ongehojbn bald in erschtn tag,
ojsmorgn wider! Un dernoch
ojsnei... ojsnei! S'hot jedn in der frih sich ongehojbn
vun dos nei —
nechtn ersch! O, nit bawisn hot dos ungluk wern alt,
heint baginen — horch: schojn nei a broch,
nei a pached un a tojtschrek nei! Der tojt bagleit,
geht noch uns wie a schotn trei ...

100

Jedn tog hot far die ojgn vun a jedn Jid
a zwejtn epes-wos passirt,
epes-wos ... getrofn wern vun a kojł
un faln is nit mer vun jedn «epes-wos»;
an ojto hot sich opgestelt, a tirl hot an efn sich geton.
Areingechnapt a Jid un ihm awekgefirt.
Besser dem gehargetn in gass schojn,
besser dem gefalenem schojn vun a schoss.

В начале конца

1.

Так начиналось в первый день, и так же
Всё начиналось послезавтра снова.
Всё утром повторялось: те же страхи
Преследовали каждый божий день.
Взрослели эти страхи, не старея...
Всё каждый день сначала начиналось.
Нас отовсюду настигали стоны,
И смерть шла рядом, верная как тень.

2.

Мы ждали каждый день: вот-вот случится...
Они придут, сегодня или завтра.
Наверняка придут,— и не поможет
Тебе, что дома ты не ночевал...
Вот подошла машина, двери настежь,
Еврея немцы кинули в машину...
Уж лучше пусть вам выстрелят в затылок,
Уж лучше быть убитым наповал.

3.

Ch'hob in die erschte teg vun sejer sich areinreissn
in stot schojn nischt genechtikt in mein hojs,
ich bin awek varnacht zu unsern a nontrn,
mein froj hot mich dos mol baglejt —
An ofizir hot in der tunkl opgestelt sich,
ongekukt mich ... Jo a weile blojss,
un is awek; zehn tritt noch uns derhern mir
a schoss, er hot an andern getejt.

4.

Uns! Uns! Dos hot er uns geharget, Chanele,
i mich, i dich, er hot gesucht a Jid,
Er is mit uns gewen nit sicher...
du host gesehn wie der ojswurf hot gekukt?
Mir hobn nit varschnelert, nit varlangsamert,
a hor nit unsere, die sichere die tritt
Vun lebn zu dem tojt ...A Jid a kentikerer,
a besserer hot zu der chaje unter sich gerukt.

5.

Chane, er hot doch uns, uns alemen geharget doch
in jenem grojlichn moment
i mich, i dich, die kinder unsere dos ganze volk
dos jidische in gojischn in land —
er hot varmostn mit a blick a stolenem sich
un hot adurchgefirt un hot varlendt!
Varmostn in a gass sich, in an opgelegener varnacht ...
Du drikst mir kalt die hant ...

3.

В те дни я тоже ночевал не дома,
Я уходил к знакомому семейству.
Не раз меня жена сопровождала —
Мой друг, моя надёжная броня.
В потёмках офицер остановился,
Он всматривался в нас. Глядел недолго,
Потом ушел. Потом раздался выстрел;
Он застрелил другого, не меня.

4.

И всё-таки меня. Нет, нас обоих,
Меня и Хану. Он искал еврея,
Но, глядя на меня, был не уверен.
А всё же глаз его меня прожѣг.
Тогда мы всё стерпели — не замедлив
И не ускорив... Было бы чуть больше
Еврейского в моем лице, от смерти
Не шаг бы отделял нас, а шажок.

5.

В ту ночь он нас убил обоих, Хана,
И наших сыновей. И весь бездомный
Народ наш, выбравший чужую Польшу,
Испепелил его недвижный глаз.
Кто этот неизвестный? Знать не знаю,
Каков он дома, умный или глупый;
А застрелив еврея, он, быть может,
Послушно исполнял чужой приказ.

6.

I deine, Chane, un i meine — kalt. Er hot doch
 uns geharget. Geh ahejm und sog die kinder nit
 as a Deitsch hot uns getrofn, opgestellt sich blond
 un angekukt uns lang
 un uns geharget, i uns, i sej un ganz mein volk...
 O, nit derzehl sej. Gott bahit
 Geh ahejm un gleich du wegst vun gornit...
 Chane, Chanele, wos kukstu asoj bang?

7.

Geh ahejm, un morgen frih, ganz frih,
 es wet nor wern tog un ich bin do bei eich,
 ich wart a weil un kling leicht on, du west
 derhern ihm, derkenen ihm, dem klung.
 Geh stil arop vun bet, warf epes wos ojf sich arojf
 un efn ojf mir gleich,
 fihr die kinder zu mir ... kinder meine klejn,
 asoj wie lebedik, un schejn asoj un jung!

8.

Seh, seh, mein Jomekl hot ojfgechapt sich
 mit a schmejchl ... Jom! Mein teierer, mein kind!
 Un s'hot Benzijenke die hant arein gerukt
 zu kopn unter kischn ... er gedenkt:
 Wu er hot dos buch hart varn einschlofn gelegjt,
 ejn misch — un er gefint
 die seit, die schure weiter ... Farwos, o, Chanele,
 o jüngelech, farwos hot men eich umgebrenjt?

6.

Ты сжала руку мне своей холодной
Как лёд рукой. Моя ничуть не лучше,—
Мы оба трупы, Хана. Мы убиты.

Нас умертвил его тяжелый взгляд.
Идешь домой? Иди, дружок. Но детям
Не говори, не говори ни слова,
Как будто ты сама еще не знаешь
О будущем. Побереги ребят.

7.

Ступай же, Ханеле. А на рассвете
Я к вам вернусь и позвоню тихонько,
Чуть-чуть нажму на кнопку. Ты узнаешь,
Ты распознать сумеешь мой звонок.
Бесшумно встанешь ты, халат накинешь,
Детей разбудишь поцелуем, к двери
На цыпочках приблизишься, откроешь...

Из детской младший выбежит сынок!..

8.

Наш Йомеле всегда вставал с улыбкой,
Он всех любил, он радовался жизни.
Бен-Цион был другой: из-под подушки
Он книжку доставал... В последний раз
Он всё листал, хотел найти страницу,
Мне показать... Чего-то он не понял,
Хотел спросить... О Хана, о сыночки,
За что, зачем они убили вас?

9.

Chanele, ich bleib die nacht mit eich, ich wel
nit mehr awekgehn vun der hejm bei nacht,
wos darfn hitn sich asoj schojn tojte? Varmischpete
schojn? Schojn gezeichnete zum tojt?
Mir hobn doch dos ergste durchgemacht schojn,
men hot doch uns schojn umgebracht.
Du host gesehn dem Deitsch? Sein kukn?
Nit varzitem asoj wet mer ojf uns die hojt ...

10.

Dos is gewen die *sitro-achro*, der ssar vun unterwelt,
alejn die brud, alejn der schmutz!
Alejn der blutdurscht, die varkerperung vun schlechts
un vun umsistn hass —
zum umbeholfenem in sein gerecht sein,
zu alz wos gut is ojf der erd un ohn a schutz,
a Deitsch! Der Deitsch wos is geblibn stehn
un hot kalt ongekukt uns ojf die Gdanska gass!

11.

Dos is gewesen Hitler, Himmler, Alfred Rosenberg, nejn!
Ale Deitschn mitanand,
dos ganze volk, dos schlechteste, dos gewissenlose
is far die ojn uns gestan.
Wen ich schiess ihm, Chane, wen ich harge ihm
in der minut, wen ich hob dos demolt in mein hant —
ich wolt geratewet mein volk, i dich, i unsere die kinder dan.

9.

Сегодня, Хана, я ночую дома.
Не дико ли бежать куда-то людям,
Которые уже мертвы? Мы знаем,
 Что к верной смерти приговорены.
Уже бояться ничего не надо,
Всё худшее уже случилось. Помнишь
Глаза того убийцы? В них прочли мы:
 Евреи виноваты — без вины.

10.

Для нас он оказался средоточьем
Свирепости и беспричинной злобы,
Способной уничтожить всё на свете,
 Для нас он был — библейский Сатана.
На Гданской улице нам повстречался
В тот вечер дьявол, жаждавший покончить
С добром и правдой и со всеми нами...
 Мы жили, — разве это не вина?

11.

Он был — сам Гитлер... Нет, не только Гитлер,
Мы в нем узнали немцев: Розенберга,
И Геббельса, и Гиммлера, — всех сразу.
 Был взгляд его безжалостно остёр.
О, если б я убил его в тот вечер,
Я спас бы вас, моих родных и близких,
Тебя, моя возлюбленная Хана,
 Детей и старцев, братьев и сестёр.

12.

Sej hobn ojfgechapt sich ... Sog sej gornit! wos?
 Vos tustu? Jo, du reisst sej jetzt arojs
 die glanzike die knep un die bloje schnirlech
 vun drei schiler mantelech jetzt op!
 Nehst die schandbender far bejdn uns
 un dem elstn unsern ...Jo, r'is schojn grojss!
 R' warft sich, wil's nit ontonDu Jomekl,
 mein klejninker, wos lostu, du arop dem kop?

13.

Mein Jomek wejst nit as men hot geharget uns,
 as men wet uns hargenen, o welt!
 Dos ganze deitsche volk is doch nit wert
 a trer vun a varzweifelt jidisch kind,
 ach, wen er wejst mein frejlechster! Die frejlechkeit!...
 a kelt... mich nemt adurch a kelt,
 weh mir seewdikn, weh ... un wojl, jo wojl
 eich kinder jidische, wos ihr sent blind ...

14.

Chanele, du bist a starke, Chane, ich hob es asoj
 nit viel gewusst,
 wilst sein alejn do? Mit die kinder do? Un mir sogstu:
 Fohr! fohr schnell
 kejn Warsche fohr! Ch'hob nit gewolt un bin awek
 ken Warsche, ch'hob gemusst,
 die ojgn senen mir gewesen beim awekfohrn trukn...
 die trer is mir gestanen in mein kehl.

12.

Сыночки встали, побежали мыться...
Не говори им ничего. Сегодня
Ты занялась с утра проклятым делом:
Ты пришиваешь жёлтую звезду
Себе, и мне, и старшему,— он тоже
Созрел для этого клейма. Мой мальчик,
Мой Йомеле, будь горд и независим,
Будь выше их: преодолей беду.

13.

Наш маленький понять еще не может,
Что нас уже убили. Боже, Боже!
Одна слеза еврейского младенца
Дороже, немец, всей твоей страны!
Но дети еще могут улыбаться...
Какое утешенье: дети слепы
И, слава Богу, осознать не в силах,
Что все мы к смерти приговорены.

14.

Ты сильная,— сильнее, чем я думал,
Жена моя. Ты твердо мне сказала:
«В Варшаву уезжай» Не знал я, Хана,
Какой в тебе живёт могучий дух.
«С детьми,— сказала ты,— одна я справлюсь,
А ты в Варшаве, может быть, спасёшься».
Рыданье мне перехватило горло,
Не мог я вымолвить ни слова вслух.

15.

Mit knape zwei chadoschim speter hot men arojsgeschickt
eich vun der hejm, dich mit die sihn.
Ihr hot geratewet dernoch zu mir sich in der Warsche,
du host gesehn mit mir zusamm
dem onhojb vunem ssof... beim ssamen ssof bistu
un Benzikl un Jomek nit gewen schojn... Ch'bin
alejn geblibn mit mein eltstn, zugekukt zum ssof sich
vun uns alemen in feier un in flam.

[4., 5., 6., XII. 43]

15.

Два месяца спустя вас из квартиры
Прогнали; вы приехали в Варшаву.
Потом — потом вас увезли на гибель.

Со мной остался старший мой сынок.
Со мной переживал он муки гетто,
Со мной провёл последние недели
И видел то, что взрослым не под силу:
Наш огненно-кровавый эпилог.

Gedenkst

1.

Ch'hob lieb dich rufn bei dein nomen,
ch'hob lieb arojs'sogn ihm: Chanele! ch'hob lieb
zu dir sich wendn noch dein awekgenumen wern
mit mein volk, du entferst mir, du schenkst
dein blik vun deine ojn mir die lichtike,
dein umetikn gutn schmeichl ojf dein lip,
ch'hob lieb dich rufn in mein einsam sein,
in elnt meinem fregn dich: Gedenkst?

2.

Gedenkst? Ch'hob lieb dich fregn zi gedenkstu?
Chanele, o kum, kum nenter zu mir zu,
lejj ojn aksl mir dein herlichn dein kop
un deine hor die schwarze mitn weissen schrunt —
nem in orems mich, baleb mich, stark mich ...
Ch'hob dich arojsgerufn vun dein ruh,
ruh nit, Chanele, o nit varhejt sol wern
in vargessnhejt die ejbike die wund.

Помнишь ли ты?

1.

Люблю твердить твоё благое имя
И призывать тебя, как призываю
Исчезнувший народ,— ты так близка мне,
Голубушка моя, моя жена,
Лучистый взгляд твой, светлая улыбка...
Ты помнишь ли?.. А я всегда всё помню,
Всё,— о подруге, красота которой
В моих стихах едва отражена.

2.

Ты помнишь ли?.. Присядь ко мне поближе,
Склони мне на плечо твою головку,—
Твоих волос огромный тёмный узел
И сединой блистающий пробор...
Верни мне, Хана, жизненную силу.
Прости меня: я твой покой нарушил,
Твой вечный сон. Нет, ни на миг единый
Ещё не расставались мы с тех пор.

3.

Setz mit mir awek sich, ich hob doch lieb asoj dich...

In mein liebe gewaldik, her mich wos ich sog,
du herst! Du herst! Baglikst in grojssn umglik mich,
mein Chanele, mein froj!

In grojssn weh in unsern, in ojfhern, bafrucht ich
dich far ale weltn — trog
die frucht vun onklog wie meine sihn in dir, trog,
vartrog in ale weltn sindik, roj un groj!

4.

Gedenkst dos grojsamste, dos schojderlichste,
dos umberachmonesdike ojf der welt?
Gedenkst? Ich wejss as du gedenkst, du host
in ale ejbikejtn mitgenumen es —
du un meine sihn, ihr wet gedenken ejbik ihm,
dem mord vun eier volk und wegn dem vargelt,
ich ojch! Ich wil es ojch un hob alz mojre —
S'sol de scho nit sein — un ich fargess ...

5.

Ch'hob stendik sich ojf dir varlosn, merer
wie ojf sich alejn, wie ch'wolt
gewen dein medium, wie ch'wolt vulbracht
dein heimlichn bafehl, geton wos du varlangst —
host chojwes schwer ojf mir arojfgelejt, ch'hob ale
sej mit ziter un mit frejd bazolt:
Ch'hob lieb gehat mein volk, gewen mit ihm in goles,
gesungen ihm in hofnung un in angst.

3.

Сядь рядом, Ханеле,— я больше жизни
Тебя люблю, наперекор несчастью,
Которое обрушилось внезапно

На каждого из нас, на мой народ!..
Носи в душе и сердце обвиненья,
Которые нам предъявляют немцы,
Как некогда в благословенном чреве
Носила ты наш вожделенный плод.

4.

Ты помнишь ли страшнейшее на свете,
Бесчеловечную жестокость немцев?

Ты унесла воспоминанье в вечность,

Ты, Хана, сохранишь его навек.

И сыновья, и ты, вы сбережёте

Язык и облик мёртвого народа.

Я тоже не забуду злодеянья!..

Забыть его не смеет человек.

5.

Я полагался на тебя надёжней,

Чем на себя,— тебе, твоим советам,

Твоим желаньям покоряясь слепо.

О, ты мне тяжкий завешала груз!

Но я и прежде был с моим народом;

Я пел его надежды, страх и муки,

Его тоску в изгнаньи; всё делил с ним

И потому упрёков не боюсь.

6.

Ты помнишь ли сиротский дом на Тварде,
В том «малом гетто»? Пятьдесят мальчишек,
Для них я пьеску сочинил с названием
«Я рвусь на улицу!» И малыши,
Играя в ней, умнели и выросли.
А я гордился этой детской труппой:
Она гораздо больше драматурга
Вложила в пьесу сердца и души.

7.

Ты помнишь день?.. Мы в этот день узнали,
Что всех сироток увезли, а также
Домбровского с женой, и вместе с ними
Двоих учителей, друзей моих.
Я сразу побежал за ними следом;
Тебе я не сказал куда... Сияло,
Как прежде, солнце, мирно грелись кошки,
Беззлобно где-то лаяли собаки
И безмятежный город наш был тих.

8.

Уже давно в притихшем «малом гетто»
Евреев я не видел; лишь однажды
В потёмках на мосту мне повстречалась
Едва передвигавшаяся тень
С большим мешком; я распознал еврея
По этому мешку: последней ноше...
Пустые улицы — Крохмальна, Тварда,
И тень спешит: ведь скоро будет день.

9.

Ich bin arein vun Ciepla of der Twarda, varnumen
 links sich — Twarda sibn, ch'fli, a feil
 vun bojgn, in dem tojer un of die trep, tus —
 ofjn zwejtn stok — an ofene die tir!
 Ich bin gestanen un gewolt, gewolt, gewolt
 un nit gekont arein a hipsche weil,
 nit gekont die schwel aribertretn, ch'bin gestanen
 var an ofene tir un nit gegebn sich kejn rihr.

10.

Ich hob derhert! Men geht ... in tojer? Of die trep?
 A ganew miess? Zi miesser a ssach a Deitsch? Un ch'bin
 arein in koridor in langn, die tirn ale in ihm ofn,
 ofjgeefnet, rechts un links, un s'schit
 die sun vun ergez-wu, varschit dem koridor
 mit ganze garbn straln ohn cheschbn un ohn sin,
 sie blendt die ojgn mir, varblendt mir, a varblendenisch ...
 O, mein zetumlenisch of ihr un mein gemitt!

11.

Die mantelech — sej hobn in der leng vun koridor
 a schein geton! Ch'hob etliche derkent
 un ongerirt sej: Abale! er hot gespielt dem *handlarz*
 wos kumt in grojssn hojf,
 er hot gehojbn hojch dem kop, die ojgn hojch
 zu ale fenster, gefochet mit die hent:
 «In sak in meinem, fidn! Die lates un die schmates
 un wos zerlssen is un brudik is — ich kojf»

9.

А вот и Тварда, номер семь по Тварде.
Бегу наверх... Второй этаж... Дверь настезь!..
Хотел войти, не мог себя заставить.

Не мог войти, не мог, не мог, не мог...
Стоял недвижно у открытой двери,
Меня как будто парализовало,
Никак не мог переступить порога;
Казалось, на дверях повис замок.

10.

Прислушиваюсь: кто-то ходит... Воры?
Или похуже — немцы? В коридоре
Распахнуты все двери — справа, слева,
И солнце щедро льёт ненужный свет...
Зачем тут солнце? Снова замираю
В знакомом коридоре; ослеплённый,
Заглядываю в комнаты пустые
И понимаю: никого здесь нет.

11.

Вдоль коридора — курточки на солнце;
Я первую, знакомую, потрогал:
Ты, Абеле! По пьесе ты — старьевщик;
Входил во двор и созывал ребят;
Кричал: «Куплю посуду, обувь, тряпки...
Несите всё ко мне в мешок, евреи!
Всё покупаю» На твои призывы
Со всех сторон сбегался стар и млад.

12.

Dos paltele is Ahreks, er hot gespielt die hojptrol:
 Dem jingl welchn s'ziht in gass,
 «Mich ziht in gass» un nart dem lehrer op: «Ich muss
 ahejm» Er nart, nart op dem lehrer vun gesang:
 «Die mame is mir krank» un redt a chawer zu:
 «Kum, sing in hojfn, ich — ich klap in tatz»
 Vun erschn hoj antlojft er zrik in klass un wert
 in klass gewojr: die mame is take krank!

13.

Un dos! Dos neie mantele is Pinchesls, Herscheles,
 dem dichters suhn, a teier kind!
 Herschele is ojsgegangen varajorn noch vun hunger,
 un sein josseml, sein suhn
 er hot gespielt dem hungerikn jingl wos chapt
 geschikt vun kojsh a semele geschwind.
 Er ess't mit blut wos rint vun ihm, redt mit a tretele
 in kel un wejst *legamri* nischt dervun ...

14.

Ich geh arein in saal un lojft in schrek arojs, ich reiss
 in esszimer arein sich un vun dort
 reiss ich zu Dowidn, Dombrowski'n, sich arein,
 zu sejer lehrer ... Nito ihm ojch! Nit ihm, nit ihr!
 Sej ojch ... bejde sej wie Korczak un Wilczynska senen
 mitgegan' mit die jessojmimlech in jenem ort
 wu s'woltn eltern sej nit baglejt... Ojft der erd
 is ojsgeschohtn hojch a barg papier —

12.

А это — курточка Арона; в пьесе
Играл он того самого мальчишку,
Которого так тянет на свободу;
 «Учитель, отпустите, мать больна!..»
С приятелем бежит во двор соседний,
Поют и в шапку собирают деньги;
Вернувшись в школу, узнаёт про маму:
 Он не соврал — и впрямь больна она.

13.

Вот курточка Пинхаселе, сыночка
Варшавского поэта Гершля; умер
Отец его от голода, а мальчик
 Играл в спектакле, как нарочно, роль
Голодного мальчишки: он ворует
Сухарик и грызёт его, не зная,
Что не вареньем залит он, а кровью...
 Какая сердце мне пронзила боль!

14.

Вбегаю в зал, в столовую, — всё пусто, —
В учительскую, в классы для занятий, —
Остались только классные журналы.
 Детей угнали, их уж не вернуть.
Нет Довида Домбровского с женою;
Они вдвоем, как Корчак и Вильчинска,
С приговоренными детьми оставшись,
 Сопроводили их в последний путь.

15.

Ich hob gesucht in stojss papirn in zeworfenem ...

o warft in feier ale meine werk
un ratewet ejn josseml vun ot die fufzik jingelech,
die teiere, mir op.

Chanele, gedenkst, onstot a josseml a jidisch kind,
hob ich ahejngebracht vun Twarda gass a zwerg:
«Mich ziht in gass» ejn heft vun heftn drei,
dem mitlstn, a zwerg ohn fiss un ohn a kop.

[14., 15., 16. XII. 43]

15.

Там на полу была гора бумаги...
Ах, бросить бы мои произведения
В огонь — в обмен на одного хотя бы
Из этих уничтоженных ребят!
Ты помнишь, Хана, я принёс оттуда
Тетрадку без конца и без начала
С той пьесой для детей, — принёс уродца,
Чудовище без головы и пят.

Die Mila gass

1.

S'is do a gass in Warsche, dos is die Mila gass,
o reisst arojs die herzer sich vun Brust
un leigt onstot die herzer stejner dort arein,
o reisst arojs vun kop die ojgn nass
un leigt arojf ojf sej scharbojnes, wie ihr wolt es
nit gesehn un nit dervun gewusst,
varstopt die ojern un hert nit — tojb! Ich geh derzejn
vun der Mila gass.

2.

S'is do a gass in Warsche — die Mila gass ... wer wejnt?
Un stil asoj? Nit ich, ich wejn nit, nejn!
Die Mila gass steigt iber ale trern, s'wejt kejn Jid
nit. Gojim wen sej woltn es gesehn
sej woltn demolt ojsgebrochn in a mojredikn ale,
in a bitern gewejn,
a goj is ober in dem tog vun Mila gass,
in tog in jenem, in dem geto nit gewen.

Улица Мила

1.

Есть улица в моей Варшаве — Мила.

Ни говорить о ней, ни даже думать

Нельзя. Немыслимо воспоминанье

О Миле. Вырви сердце из груди,

Водвинь на место прежнее булыжник.

Глаза, её увидевшие, вырви.

Заткни её услышавшие уши...

И всё же... Речь о Миле — впереди.

2.

Есть улица в Варшаве, Мила... Разве

Ты можешь плакать? Видишь, я не плачу.

Не мог я плакать. Было слишком страшно.

Невыносимо. Ни один еврей

Не плакал. Только, может быть, поляки,

На Милу глядя, пролили бы слезы,—

Но там, на Миле, в гетто, нет поляков.

Бессильны слезы. Улица — страшной.

3.

Jidn nor un Deitschn ... Jidn! Jidn! Jidn! Asoj a ssach,
un merer noch — men hot
drei hundert fufzig tojsnt Jidn vun ejn Warsche,
Warschewer derharget schojn.
Die alte ojsgeschossn ojfn bejs-hachajim, die iberike
ale arojsgefirt vun stot
in die Treblinkes — un die Mila gass is vull,
is ibervull wie die wagones, kuk un stojn!

4.

Vun wanen? Men hot doch ale ojsgeharget schojn!
 Men hot doch ale ojsgeschossn un derstikt!
 Dos senen Jidn vun die schopn of dem stickl
 Nowolipie un of dem stickl Lesch.
 Die Jidn mit die numerlech, o Jidn glikliche!
 Jidn welche es hot opgeglickt
 un hobn sich areingekrogn in a schop,
 s'letzte bissl Jidn, jo, die rescht! Die rescht ...

5.

Jidn vun die dosike die schopn un Jidn ash
vun Gensia vun het-het, kehile-Jidn, die
mit di blechn of der brust un besimer in hant,
was kern ojs die gassn pust,
Die *placowke*-Jidn was gehen mit gesang arojs
vun geto jedn in der frih,
un Jidn vun baheltenischn ... Es senen Jidn noch
in Warsche do! Ich hob es nit gewusst ...

3.

Там немцы и евреи... Да, евреи;
Пока что уцелевшие евреи...
Варшава, уничтожив триста тысяч,
Свалила их на кладбище горой.
Всем прочим предназначены Трешлинки.
И вот на Миле давка, как в вагонах,
Как в поездах, везущих нас на свалку
По мертвой Польше полночью сырой.

4.

Откуда, кто они? Ведь всех евреев,
Всех удушили или расстреляли...
Остались лишь пригодные к работе,
Которых отобрали на завод.
Отобранных снабдили номерками,
Они пока что уцелели чудом,
Последние варшавские евреи!
Стал этой жалкой горсткой наш народ.

5.

Еще евреи с бляхами: начальство
Из Юденрата^{*)}; немцы разрешили
Им подметать и выносить помои.
Везёт же людям,— баловни судьбы!
А есть еще «плацовке»^{**)}; рано утром
Они выходят с песней на работу
Из гетто. Значит, есть еще в Варшаве
Последние еврейские рабы.

^{*)} Еврейский совет, орган еврейского самоуправления.

^{**)} Здесь: «рабочие евреи» (placowke).

6.

Halewei sej woltn nit gewen! Sej woltn nit gebojrn
wern ojf der dosiker der erd!
Un ojb gebojrn schojn halewei wolt men
sej frier opgeton sej sejer recht
ejder ihr derlebn, ihr, die Mila gass ... a gass asa
in Warsche, hert ale, hert:
Noch gut wos s'is kejn Gott nito ... s'is take schlecht
ohn ihm, o sejer sejer, schlecht!

7.

Nor tomer wolt er sein wolt erger noch gewen! I Gott
un i die Mila gass ... asa a por!
O, nemt arojs die kinder eiere bahaltn in walises,
schleident sej, zeschetert sej on want!
Zindt feiern grojss on un springt ahin arein
mit hent varbrochn, reisst sich bei die hor:
S'is do a Gott! Umgerechtikeyt asa! A spot asa!
Un grojss asa a schand!

8.

Bald in der frih, vartog noch, ejder noch s'is bejs
un umgerecht geworn tog,
hot men gewusst in keler bahalt un off bojdemer
un umetum, un do un dort:
«Ale jidn musn bis a sejger zehn, nit speter
nit kejn hor, sich zusteln off Mila gass, men mog
mitnemen nor hantgepek ... un bleibt wer in der hejm —
er wet derschossn wern oifn ort».

6.

Но лучше б их и не было на свете,
И не рождались бы они! А если
Уж родились, то пусть бы много раньше
Покинули несправедливый свет!
Зачем участвовать в страданиях Милы?
О, эта улица моей Варшавы!
Без Бога худо, очень, очень худо,—
И все же, слава богу, Бога нет.

7.

А был бы Бог... Но нет, не может Мила
С ним сосуществовать... В мешках заплочных
Евреи думали спасти младенцев,—
Уж лучше б их об стенку головой!
Нет, лучше вам стореть в кострах и лучше
Вам утонуть в зловонных водах Вислы...
Увы, Бог есть, Бог управляет кривдой;
Он Всетерпящий, а не Всеблагой.

8.

В зловещий этот день уже с рассветом
Узнали все,— на чердаках, в подвалах,
В канавах, в бункерах и под мостами,
Кто спрятаться успел и не успел:
«На Милу всем явиться ровно в десять.
Разрешена ручная кладь, не больше.
Жидов, кто будет обнаружен дома,
Ждёт — всех без исключения — расстрел».

9.

Bald in der frih hot ongehojbn sich
 vun ale seitn grojss un mechtik a gegeh,
 die senen erscht arojsgestign vunem keler, die arop
 vun bojdem, men derkent doch bald
 wu jeder ejner is gewen bahaltn ... Kranke
 vun die betn, seh, es tut sej schojn nit wehl!
 Du, nor nit helf beim gehn sej, nit halt sej unter
 un hojß nit ejnem ojf wen ejner falt —

10.

Er geht ojf Mila ... ale mir, mir gehen. Ojf der Mila,
 in a scho arum un s'wet
 kejn Jid kejn lebediker sich nit mehr gefinen do
 wie ojf der Dzielna, wie ojf Pawia, s'is schojn nein!
 In a scho arum wet Warsche ojs'zehn schojn
 wie ale jidische jetzt grojsse stet
 un stetelech in Pojln un in Lite un umetum
 wu Deitschn reissn sich arein.

11.

Un in a scho arum un ojsgeloschn hot die sun sich
 iber Warsche un is mit uns awek
 ojf Mila gass, mit iber hundert tojsnt geblibene
 noch Jidn ojf der Mila gass —
 nejn, nischt die sun! A schrek vun himl
 hot achsejressdik bagleit uns, grojss a schrek,
 Ojs jedn ponim vun die iber hundert tojsnt Jidn
 falt ihr opschein blass ...

9.

С утра пораньше стали собираться
Большие толпы; отовсюду люди
Сползались: из убежищ и землянок,
 Под крики: «Поторапливайся, жид!»
Толпа росла. Больные тоже встали
С кроватей: страх переборол болезни.
...Не помогай увечному, слепому,
 А кто упал, так тот пускай лежит.

10.

Да и зачем его спасать? Уж девять,
А через час ни одного живого
Еврея не останется в Варшаве,
 Хотя евреи жили тут века.
Их нет уже нигде в Литве и Польше,
Их истребили в сёлах и местечках,
Повсюду, в городах больших и малых,
 Куда вошли германские войска.

11.

Лишь час пройдёт (а немцы пунктуальны!) —
Погаснет солнце над Варшавой; это
Сто тысяч сохранившихся евреев,—
 Последние,— уйдут в небытиё.
О, нет, не солнце светит с неба,— ужас,
Невыразимый ужас искажает
Сто тысяч лиц: всю польскую державу
 И всех еврейских жителей её.

12.

A schrek! S'is vull mit ihr die gass, die Mila gass
wie mit Jidn vull, sie schwebt in luft —
mir ojch! Mir ojch! Mir ale do gehern schojn nit
zu der erd, sie ruckt awek sich vun unter unsre fiss,
ich seh bakante freint, ch'hob vargessn sejre nemen,
vargessn wie asoj men ruft,
sej alemen, wie tojte ... Wer is der? Un der do?
Die froj do mitn kind, un jene dort wer is?

13.

Ich hob areinge chapt sich in a stub un opgelehn
mit mein suhn ojf dr'erd a ganzn tog
un knap a nacht. Mir hobn sich vartog gefedert,
ojsgestellt sich in die reien vun mein schop—
zu finf in rei, arojs ojf der selekzje, sich steln ojf
der wogschol, ojf der deitscher wog
getojt zu wern bald zi speter ... ilch bin
varbeigegangen sej un ojfgehojbn hoch mein kop.

14.

Ich hob gekukt und hob gesehn: Men hot a Jid
a sack aropgenumen vun sein plejze dar,
un der sack hot ongehojbn wejnen ... A kind!
A jidisch kind! Der shandarm brennt:
Er sucht dem tatn ... schreit zum kind: Derken ihm!
Dos jüngele kukt on sein tatn star,
er kukt ihm on un wejnt nit ... er kukt ihm
on dem tatn seinem un hot im nischt derkent!

12.

Невыразимый ужас... Всё пространство
Прониклось им, весь воздух им наполнен,
И я, и ты,— мы все уже не люди,
Земля у нас уходит из-под ног...
Как этого зовут? Забыл, не знаю.
А женщину с ребенком? Тот прохожий,
Сосед по дому,— как же его имя?
Приговоренный к смерти — одинок.

13.

Мы с сыном Цви легли в каком-то доме
И сутки пролежали под кроватью;
Наутро мы увидели «пятерки»,
Шагавшие селекцию пройти.
Пристроившись к одной из них, мы знали,
Что, если повезёт, погибнем позже,
Но всё равно наверняка погибнем...
У нас другого не было пути.

14.

Я оглянулся: с тощих плеч еврея,
Который гнулся под тяжёлой ношей,
Солдат сорвал мешок. Мешок — заплакал.
Еврейский мальчик! В бешенстве солдат
Кричит: «Кто твой отец?» Ребенок смотрит
Не узнавая, смотрит и не плачет.
«Узнай отца! А ну, скажи» — но мальчик
Не узнаёт. Молчит. Отводит взгляд.

15.

«Dos jingele! Un s'hot der Deitsch arojsgeschlept
a zwejtn Jid vun reih, an'umschuldikn» — du!
Un hot awekstelt sej bejdn zu die tojsnter
gechasmete zum tojt — asa a spass!
Ich hob gesehn — o, losst mich, fregt mich nit,
nit fregt mich — wos? Nit wen? Nit fregt mich wul
Ich hob baschworjn eich: Nit forschn gornischt un nischt
hern kejn mol vun die Mila gass.

[24., 25., 26. XII. 43]

15.

«Молчишь?» Тогда солдат извлек еврея,
Совсем уж постороннего, обоих
Поставил он в колонну обречённых
Десятков тысяч,— в жертву палачу.
Не спрашивайте: кто? зачем? откуда?
Не понимаю ничего. Прошу вас
Не вспоминать об этом. Я не в силах
О Миле говорить. Я помолчу.

Mit chaluzim

1.

O, fregt nit kejner, nit dermont mir die Mila gass,
s'is vull gewen un is geworn bald zunischt.
Iber hundert tojsnt Jidn senen dort gewen
mit klumiklech, mit renzelech ojf plejzes un in hent,
un in die klumiklech a hemd, a hantuch, brojt a stickl
mit kinder klejne ojsgemischt,
blasse wie der leiwn, trukn wie die stiklech brojt
in sej, un stum, varstumt wie went.

2.

S'hot nit geholfn gornischt, men hot sej alemen gefunen,
ojsgefunen, sej dertapt
tief in die kelern vun Mila, ojf bojdemer bahaltn,
ojf polizes varstupt, in berglech mist,
Un umetum, die Mila gass is vull gewen mit uns.
Wos kumt arojs: gebliebn senen knap,
men hot uns ojsgeschossn ojfn ort
un zum tojt arojsgefirt in wegn wist.

Вместе с халуцами

1.

Не спрашивайте,— не могу о Миле
Сказать ни слова больше... Сотня тысяч
Евреев с чемоданами, с узлами,

С мешками... О, как улица страшна!
Внутри мешка — рубашка, полотенце,
Сухая корка, иногда — ребенок,
Как высохший, лишь кожица да кости,
Едва живой, белее полотна.

2.

Нельзя младенцев приучить не плакать.
Их находили всюду: в чемоданах,
В узлах, кладовках и помойных баках;

И это было — смертный приговор.
На улице с названьем нежным «Мила»
Чадолубивым не было укрытья;
Их гнали в лагеря уничтоженья,
А то и сразу — на расстрельный двор.

3.

Немногим удавалось задержаться
На краткий срок — работая для немцев.
У края гетто, на заводе Шульца,
Трудились мы вдвоём, сын и отец.
Таких счастливых было тысяч двадцать,—
Станки для нас служили алтарями,
Прибежищем для избранных евреев,
Которых, впрочем, общий ждал конец.

4.

Мы жили в развалившихся бараках,
Мы спали на кроватях, на которых
Недавно умерли другие, ели
Какие-то отбросы для собак;
Мы были рады простыне, случайно
Доставшейся, любой чужой постели,
Чужой рубахе и чужой тарелке,—
Всё это было выше всяких благ!

5.

Уйдя с завода, проникал, бывало,
Я в гетто и бродил по переулкам,
Смотрел на жизнь измученных евреев,
На их убогий, безнадежный быт...
Зачем? Случалось, находил знакомых,
Приятелей... Они давно исчезли.
Зачем я приходил в обитель смерти?
О, до сих пор душа моя болит!

6.

Ch'hob freint gehat do, nonte, schreiber jidische
 un musiker un moler — nischto sej kejnem schojn,
 men hot sej ale ojsgeharget, Hilel Zeitlin'en men hot
 in tales ihm, zum umschlak ihm varschlept,
 un oijn umschlak ihm derschossen, Jisroel Stern,
 Gilbert! Brilliantn grojss in unser krojn
 Warszawski's! Dawidowicz'es! Shak Lewis un Ostrzegow's
 o krojnen stolz ojf jidische ojf kept!

7.

Un in a woch arum — un ch'ganwe sich arein
 in geto wider... ich hob dort Zukerman'en, jo!
 Jizchok Zukermanen hob ich, Ziwje'n hob ich
 die schenste un die beste ojf der erd!
 Chaluzim! jo! Wer sogt: Mir hobn
 alz ojf dr'erd varlojrn schojn? Chaluzim senen dol
 S'is do an inhalt noch, an onhalt ... Ich wejn nit,
 nejn, die oijn senen mir nor kojrn vartrert.

8.

Jizchok! R'hot jene woch gebracht a gruss
 vun Krakow mir: Laban! Laban der chaluz hot
 a baricht ihm opgegebn wievl ofizirn, ojswurfn
 vun der SS men hot awekgelejt... a gruss,
 un beim baricht: «Hent hojch!» Laban in ofizirn-mantl
 s'arestirt, Jizchok antlojft, dreht fremd in stot
 arum sich, mit a fuss adurchgeschossen, s'blut rint
 in stiefl ... Jizchok! liegt, liegt! Was macht der fuss?

6.

Мои друзья — еврейские поэты,
Художники, артисты, музыканты,—
Исчезли все: и старый Хилел Цейтлин,
 Убитый в талесе; и Соломон
Гильберт; и наш Варшавский,— слава Польши;
Исроэль Штерн, Остшега, Давидович...
Любой из них был гордостью еврейства.
 Какой для человечества урон!..

7.

Неделей позже я вернулся в гетто;
Я встретил там Ицхака Цукермана,
Героя Цукермана ... Взор отважной
 Красотки Цивьи был неотразим!
Халуцы! О, кто утверждать посмеет,
Что в жизни смысла нет, что всё погибло,
Что мы к сопротивленью не способны?
 Халуцы знали: мы врага сразим!

8.

Мне Цукерман поведал про Лабана;
Тот в Кракове рапортовал Ицхаку
О партизанских действиях, внезапно
 Эсэсовцы возникли: «Хенде хох»
Лабана взяли, Цукерман прорвался,
С простреленной ногой бродил он долго
По Кракову, сапог был полон крови...
 Здоров ли ты, Ицхак? А был ведь плох!

Dos is gewen der sibzenter janwar, jor drei un verzik,
 ich bin geblibn dort die nacht,
 un as s'hot ongehojbn kojn zu togn — besser wen
 es wolt nit wern schojn, nit kejnmol tog!
 Ich bin arojs in gass gegrejt in weg sich, vun Zamenhof
 ofj Nowolipie — der geto is varmacht
 SS zejgt uns: Zrik! S'kumen shandarmen,
 hoch die bichsn, zesteln sich in jedn rog.

Schojn wider! Wider! Was ken schojn sein do wider?
 Es is doch ojs mit uns. Ach, s'wert mir kalt un hejss.
 Ich geh zurik zum suhn, zu die chaluzim ... Sej wejsn
 schojn, s'hot wer vun drojssn schojn gebracht die neis...
 Ziwwel seh, Jizchok, er ojch is ojf die fiss, ojf dem gesuntn
 un dem durchgeschossenem — wer wejss
 zi s'rint dos blut vun ihm nit in dem stiefl? ... R'hot mich
 dersen un is vun blass geworn weiss

Wie kalch ... R'sent weiss wie kalch, Jizchok! Ich hob's
ihm nit gesogt ... er ruft a chaluz zu — «geh gleich
un such a bunker ojf do in dem hojf un fihr
arein sejb» Ich nem Jizchokn farn hant on — her,
Jizchok! Un drik ihm fest die hant, er rojlt sich ...
Jizchok! Ich wil do sein mit eich, Zwi — ojb er wil ... er ojchl
Er wil nit gehn ... Jizchok! Un s'kumt arein a chaluz
un vartejlt gewer.

9.

Я в гетто ночевал; год — сорок третий,
Семнадцатое января. Светало.
Я шел от синагоги к Новолипью
 (Ах, лучше бы не наступал рассвет!)

И вдруг увидел: гетто в оцепленьи,
Эсэсовцы на каждом перекрёстке,
Со всех сторон — полиция, солдаты,
 И никуда из гетто хода нет.

10.

Опять? Опять сначала? Что случилось?
Ведь всё уж кончилось: нас истребили,
Евреев больше нет; чего же снова
 Так немцы всполошились? Я бегу,
Чтоб у халуцев выяснить, — наверно,
Они всё знают. Вижу Цукермана,
Он тяжело хромает мне навстречу.
Меня увидев, Цукерман бледнеет,
 Но я понять причины не могу.

11.

Он побелел, как мел... Я и не думал
Его просить о чем-то; подзывает
Кого-то из халуцев он: «Обоих
 Немедленно в убежище» — «Ицхак! —
Кричу, ему сжимая крепко руку, —
Ицхак, я буду с вами, сын мой тоже...
Гляди, уже несут для нас винтовки...
 Я не уйду, у нас ведь общий враг»

12.

Var mir is nit gewesn gor nischt nor s'is far mir,
far mir gewesn alz! hagam zu spet ...
Nejn, nejn! S'is kejnmol nit zu spet! Der letzter Jid —
kojm lejgt awek er a rozejach ratewet sein volk!
Men ken a volk an ojsgehargetn schojn ratewen
doch ojch ... ratewet! Ich hob zu sej geredt,
ich hob gestarkt sej, jo! I sej i mich gestarkt,
ich hob zu sej geredt, gewunschn sej derfolg.

13.

Sej hobn sich zestelt, chaluzim ojf der wach, hart
bei der tir, in alker un hecher ojf a trep,
lem fenster hot wer ojsgerufn still alz wos in gass
kumt vor, ich hob gekukt varstejnert in a schojb,
se is arojs zum Umschlak...Weh mir, men fihrt
sej schojn varschwigene, aropgelozn tief die kep
o Jidn meine, letzte meine vun mein volk, farwos
bin ich nit blind? Farwos bin ich nischt tojb?

14.

Schat, a gelof, shandarmen zwej antlofn, leng ojs die gass,
s'kumen zurik bald mehr, sej zindn unter a gebej,
a hejzl klejn zeflakert sich antkegn meine fenster,
a feierlescher schlecht onschtot zu leschn — blost
die flam vunander, r'gejt zum Deitsch zu, redt
zu im ojf pojlish: do hobn sich bahaltn ganze dreil
Men schlept arojs sej — un s'rojelt sich der schnee
weiss un rojchlt warm in frost.

12.

Я не боюсь, мне ничего не страшно...
Быть может, поздно? Нет, не слишком поздно,
Не будет поздно никогда! Последний
Еврей, убивший палача, спасёт
От гибели народ, пусть истреблённый,
Но не погибший. Мужественным словом
Я до сих пор спасал своих евреев;
Теперь огнём спасём мы свой народ.

13.

Халуцы все рассыпались по дому;
На лестнице, готовые к отпору,
У окон и дверей стоят ребята
С винтовками — на боевых постах.
Я вижу в щель: опять двоих уводят;
Шагают оба — молча и покорно,
Последние, последние евреи,—
В сутулых спинах раболепный страх.

14.

Два немца побежали. Воротились.
Свалили хворост перед домом рядом
И подожгли. Пожарники-поляки
Им помогают раздувать пожар.
«Там в доме люди...» — говорят поляки.
Кого-то из пылающего дома
На улицу швыряют... Снег стал красным...
Всё, что я вижу,— как ночной кошмар.

15.

Schat! schat! Men is schojn do bei uns! Ich seh
dos ponim nit vun Deitsch, sein plejze nor,
s'hot kejner ihm, dem Deitsch, in plejze nit geschossen,
er hot a kojł bakumen in der brust,
er falt, der zwejter ojch «*die Juden schießen!*» hot bawisn
wer vun sej derstojnt a ruf ton, jo, take wohr!
Secharje, du un Gutman, Elieser, do,— chaluzim!
un ojf der Niska — *schomrim*. Jo, *Juden schießen!*
sej hobn s'nit gewusst.

[3., 4., 5. l. 44]

15.

Подходят к нам. Вблизи я вижу немца,
Но со спины,— лица его не видно.
Вот повернулся он — и грянул выстрел:
Эсэсовец упал, сражен в живот.
«*Die Juden schießen!*»^{*)} — заорали немцы,
Охваченные паникой. Стреляют
Захарий, Гутман, Элиезер Геллер...
«*Die Juden schießen!*» Как?! «*Die Juden schießen!*»
Откуда у евреев пулемет?

^{*)} Евреи стреляют! (нем.).

Die end

1.

Sej hobn nit gewusst, sich nit gericht *«die Juden schießen!»*
ich hob gehert dem ojswurf's ekldike stim
ejder noch die umrejne neschome s'is arojs, s'is
nit gewen kejn ojsruf, nor a bejs wunder — s'teitsch?!
A stojnen wist un ojsterlich un umgericht asoj:
«die Juden schießen!» O, nischt alejn vun ihm,
s'is a ruf gewesn vun a merder-volk, vun achzik milion:
sej ojch! Die Jidn machn's ojch wie mir, wie jeder Deitsch.

2.

Weh uns! Mir kenen, jo, mir kenen sich antkegn
steln ojch un eich derhargenen, mir ojch! mir ojch!
Mir kenen ober dos wos ihr hot kejn mol nischt gekent
un wet nit kenen kejn mol ojf der erd
nit hargenen a zwejtn! Nit ojsrotn a volk weil er
is werlos, wos hojbt umsist die ojgn in der hojch.
Ihr kent nit: Nit derhargenen, ihr sindike vun der natur,
ihr must's, ejbike ihr focher mit der schwerd.

Конец

1.

Die Juden schießen! Этого не ждали!
Всё было до сих пор закономерно:
Стреляли восемьдесят миллионов
В еврейских стариков, детей, калек...
Всё было справедливо и понятно,
Вполне нормально... Но: *Die Juden schießen!*
Как *Herrenrasse*^{*)}! Кто бы мог подумать?
Ах, наглецы! Какой жестокий век!

2.

О да, мы можем вам сопротивляться,
Вас убивать! Как вы, не зная пощады.
Но мы умеем то, что вам, арийцам,
Не снилось никогда: не убивать
Бессильного, не истреблять народов,
Которые слабее нас, не мучить
Беспомощных, безропотных младенцев...
Германского героя беспощадным
Произвела на свет родная мать!

^{*)} Раса господ (нем.).

3.

Ich ken eich gut! Un is mein wort nit stark wie s'wort
vun meine owes, die newiim, ich hob
adurchgedrungen eich wie sej!
Onhejb jul, be'ejss sej hobn ongehojbn uns arojsfirn
zum tojt vun Warsche, hot men baratn sich,
ich, wen ich bin
ojf jener sitzung — ich wolt gewen mit die chaluzim,
ich wolt mit sej dan ojfgehojbn a geschrei
tamut nafschi! Jo ... sej hargenen ojs uns ale,
wie in Lite, Ukraine, Wolynien un Lublin!

4.

S'wolt nit geholfn, ch'wejs ... nit weil mir hobn
nit gehat nit kejner, nit kejn ssimen vun gewer
a hak is ojch vun eisen, un kojln grobn sich nit tiefer
ein in leib wie negl scharf,
nor Jidn in Amerike, in Erez-Jisroel, sej woltn weit
un trojerik ojf uns noch uns gelost, a trer
un still, un efscher nit gor stil a sog geton: Ach, wen
men stelt sich nit antkegn! Men hot es nit badarft...

3.

Я немцев знаю хорошо! Пусть слово
Моё слабей, чем огненные речи
Незабываемых библейских предков,
Вещавших нам из глубины души,—
Но, будь я там, халуцам я сказал бы
О тех, кто нас уничтожал в Варшаве,
На Украине, в Лодзи, на Волыни,
Сказал бы, как Самсон: «Тамут нафши!»^{*)}

4.

Слова не помогают. И не только
Из-за того, что все мы безоружны;
Ведь и лопата может стать оружием,
Ведь из железа выкован топор!
Но наши братья в Иерусалиме
И Вашингтоне думают, что если
Мы не воюем, значит нам не надо,—
И слёзы льют... На слёзы всякий скор!

^{*)} Из Библии: «И Самсон сказал: умри, душа моя, с Филистимлянами!» Далее следует: «И уперся сильно, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил он при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он при жизни своей» (Суд 16: 30).

5.

Nejn, nit badarft! Weh mir, ich bin far nei-johr noch
 gesessn stum, mit Jidn noch, mit leitera vun a schop,
 un Jidn pojlish-redndike hobn ojsgedrikt grojss
 sejer zorn un sejer wehtok klejn:
 «Asa a volk! Vos hot gelosn sich wie kelber ojs'schechtn,
 asa a volk!» Un hobn bejs geschoklt mitn kop ...
 Weh, weh, dos volk vos mus geharget wern, ojsgeharget
 wern ojf der erd un is nit joje noch far sich alejn!

6.

Dem achzentn in erschn hob ich gesehn finf tojst
 vun mein volk genumen un gefihrt zum tojt,
 un Deitschn zwej nor, rozchim zwej, hob ich gesehn
 vun die in jenem tog awekgelegte zwelf,
 nor zwelf! Un s'hot ojf sej, ojf die bawofnte
 pachdonim, varziter kalt die hojt,
 «die Juden schießen!» Und sej hobn salbe zwejt
 in unsere baheltenischn sich nit mer bawisn,
 nor machnesweis wie welf.

7.

Wie welf! Ich hob mit Jidn jung gekletert iber mojern,
 ojf decher schief, mit schnee un eis badeckt, a ganzn blok
 vun acht un fuzik Zamenhof ojf vier un verzik
 Muranow un vunem dach arunter in dem hojs,
 ich mit chawejrim etliche bleib ojf dem bojdem
 un s'hobn etliche aropgelosn sich vun dortn ojf a stock,
 Dos hobn sej derschossn noch zwej merder, ich hob
 sej nit gesen, ich hob gehert die schossn blojss.

5.

Ах, эти слёзы! В новогодний вечер
Я в заводском цеху услышал ропот:
«Они бегут покорно в мясорубку,
Их немцы перебьют наверняка»
«Что за народ! — качая головами,
В отчаяньи твердили молодые,—
Что за народ, который добровольно
Ложится под секиру мясника»

6.

Я видел: немцы увели колонну,
Пять тысяч наших. Немцев было двое.
Зато от наших пуль сегодня пало
В день восемнадцатого января —
Двенадцать немцев. Мало? Нет, не мало.
Трясутся немцы: *«Ach, die Juden schießen!..»*
Еще вчера они детей душили,
Отвагой безнаказанной горя.

7.

С утра перелезали через стены,
Скользили по обледелым крышам,
И, выйдя к Заменгофа тридцать восемь,
Мы залегли на темном чердаке.
На третьем этаже ребята наши
С двоими совладали, — я не видел,
Я только слышал, как стреляют рядом
И как идут бои невдалеке.

8.

Varnacht bin ich awek mit alemen ojf Mila ejn
un sechzik, schojn mit a bichs un rewolwern noch —
a schatz!
Ojfmorgn hot men sich zetejlt, ich bin zwischn hunderter
gesessn ojf a bojdem — kalt un lang un schmol,
es hat a froj lem mir a hust geton ejn mol un noch amol,
a Jid is zu ihr zugesprungen wie a katz
und gewart, mit finger ojsgestrekt, mit negl scharf
er wart ojf noch a hust ... kojn hust sie noch amol!

9.

In a woch arum hob ich sich umgekert in schop ...
ojf Nowolipie hobn Jidn ojch a ssach gefelt,
un ojf der Lesch, dort is gewen leichter umzubringen uns,
men hot deriber uns in schopn konzentirt,
Bicz! wu bistu, Bicz? vun klejnem Bund nischt lang
un tief a Jid jetzt! Men hot ojf Nowolipie
ojch antkegn sich gestelt!
Ojch ojf der Lesch! Men hot die teg ojch in die schopn
ojsgeharget uns, vun schopn uns zum tojt arojsgefihrt.

8.

А ночью мы перебрались на Милу,
Дом шестьдесят один; нас ожидали
И там — на чердаке. Мы были оба
Теперь отлично вооружены.
Я помню, как старуха кашлянула;
К ней сразу бросился боец, который
Зажал ей рот... Мы все сидели молча,
Все подчинялись правилам войны.

9.

Прошла неделя,— на заводе многих
Не досчитались мы; на Новолиппе,
На Лешне тоже. Как легка расправа,
Когда нас всех согнали на завод!
Где юный Бунд? Еще совсем недавно
Ребята наши доблестно сражались;
Их первыми угнали,— там, на бойне,
Убили их, как убивают скот.

10.

Mir wern nit vun tog zu tog un kejner starbt nit,
s' hot kejner nit bawisn starbn wie men is geweint amol.
Men harget ojs uns, die vun a kojł in gass, die varpeinikt
ojf Zelazna, hundert drei, un die arojsgefirt — gwald!
Mir wilt sich schreien gwald! Mir wilt sich lojfn
in die gassn, weit un breit varbrechn
mit die hent un schreien ojfn kol ...
Un frejd is ojch varan: Gewer! Men kojft gewer! Men reisst
arojs sich in die welder ojch, Zwi will in wald —

11.

Asa a bissl Jidn! Asa a kap un s'senen iberike zwischn
sej do — Alfred Nossig *jemach schmoj*,
un poliziantn jidische, ach Jidn, Jidn, wos hobn
sich varkojft zum Deitsch ... in pein
in dem is uns a trejst baschert.
Jidn schiessn sej wie hint ojs ... schiesst!
Zehn schlechte Jidn harget, ejder hargenen
ejn schlechtn goj. Nit ale harget men.
Es senen geldseck do, un sej basteiert men:
Asoj viel un asoj viel ojf gewer!

10.

Нас меньше с каждым днём: мы умираем,
Но не в своей постели среди близких;
Нас режут, нас стреляют, на Желазне,
Сто три пытаются люто; в лагеря —
Всех остальных. О, головой об стенку!
Последняя мечта: достать оружие.
В лес, к партизанам, чтоб, ценою жизни,
Избавить мир от этого зверья.

11.

Осталась горстка нас. И среди прочих —
Предатели, продавшиеся немцам,
Как Альфред Носиг, — среди нас, евреев,
Есть и такие. Грязным именам —
Проклятье, вечный стыд. Стреляйте гадов,
Как бешеных собак. Шадите только
Богатых, с них дерите по три шкуры
Без жалости: оружие нужно нам!

12.

Un durchgeng senen do durch bojdemer, vun Lesch
 ojf Nowolipie, vun Nowolipie fihrt a bojdem in a hojf
 ojf Smocza, vun Smocza wist a gass, as men varnemt
 mit a rewolwer sich rechts un durch a loch
 in a mojer dik — kumt men gleich arein in geto, treft
 a Deitsch dich — geh! geh dreist dein weg, nischt lojf,
 er is dir chojsched as du host gewer un er meidt dich ojs
 ... wos noch? wos wiltu taierer mein freint den noch?

13.

Du wilt dos selbe doch wie ich ... ich wil es sol
 a schlak mich trefn, aniderleign mich,
 chotsch schojn — un ojs!
 Die schopn trogn sich in arbeits-lagern ariber mitn
 letztn heifl Jidn in Lubliner kant.
 Ich wel ahin nit forn ... nejn! Nito far mir kejn
 bunker do un zu dir, Arier, ken ich nit arojs,
 s' krign etliche vun krojwim ojslandspesser, jo ...
 wolt ergiz-wu sich emizer on mir dermont ...

14.

Ich bin far ale meine schojn gestorbn ... halewei wolt
 ich gestorbn, ich ober wel nit starbn, nejn, men wet
 mich hargenen ... Ich bin schojn nit ojf Nowolipie,
 sie likwidirt sich, ch'walger ojf der Lesch
 sich schojn seit teg,
 bei a bakantn sitzt a jungerman blass un derzejlt:
 er kumt vun weg jetzt, er is adurchgegangen stet
 un schtettech in Krojn-Pojln, er hot kejn Jid schojn
 dortn nit gesen, nit bagegnt kejnem ojf a weg.

12.

Есть переход из Лешно в Новолипье,
Из Новолипья — в Смочу, а из Смочи
Подкоп выводит в гетто. Путь возможен,

Но только спрячь надёжно пистолет.
А немца встретишь — проходи, не бойся,
Не убегай: он сам тебя боится.
С тех пор, как у евреев есть оружие,
В его глазах от страха меркнет свет.

13.

Ты хочешь, как и я, погибнуть сразу
И, если суждено, — от верной пули.
Теперь заводы переводят в Люблин...

Я не хочу туда. Но где приют?
Чтоб здесь остаться, нужно поселиться
В подвале у поляка. Нет такого!..
А родственники обо мне не вспомнят
И заграничный паспорт не пришлют.

14.

Для близких я, наверно, мертв. Недолго
Осталось жить. Завод из Новолипья
Перевели; на Лешне нет работы.

Не знаю сам, куда теперь идти...
Я видел молодого человека,
Он обошел всю Польшу, был в местечках
И городах, — повсюду; и не встретил
Ни одного еврея по пути.

15.

Dos is gewen zwej teg far peisech. In erew peisech frih
s'gewen schojn ojs mit Lesch, un ojf der Lesch
hob ich in mein baheltenisch gehert kanonen tog
un nacht, beinacht hob ich gesehn es brent
der geto brent, er brent ojf seine mojern un seine
letzte Jidn, s'feier hescht un hescht,
der himl is gewen balojchtn un ojb s'is do dort wer,
hot zugekukt sich un gesehn die end.

[9.—13. L 44]

15.

Два дня до Пасхи. А завод наш в Лешне
Закрылся. Накануне, в *эре пейсах*,
Ночь напролёт гремела канонада
И разрастался огненный венец
Над гетто. Ярко полыхало пламя.
Последние евреи догорали.
Сияло небо, словно вышний Зритель
Хотел полюбоваться на Конец.

Noch alemen

1.

Die end. Der himl flakert in die necht, er wiklt in
a rojch beitog sich un zindt beinacht sich wider on,
o schrek!
Lehawdil wie der midber, wild, in unser frihstn onheß:
Beitog a wolkn-seil un hel a feier-seil beinacht.
Mein volk, er is in frejd, gestarkt in gloßn, a lebn jung
antkegn dan gegangen, un jetzt — a ssof, an eck.
Men hot uns ojsgeharget ale ojf der erd, vun klejn bis
grojss, men hot uns alemen do umgebracht.

2.

Farwos? O, fregt nit, kejner nit — farwos? Weil jeder
wejss es, vun dem bestn bis dem ergstn goj
der ergster hot die Deitschn zugeholfn, der bester hot
zugekukt sich mit ejn oig, gemacht sich ... as er schloft.
Nejn, nejn, s'wet kejner nit kejn rechnschaft varlangen,
nit nochforschn, nit fregn sich: Farwos asoj?
Unser blut is hefker, men meg vargissn ihm, men ken
uns umbrengen, dermordn umbastroft.

После всех

1.

Конец. Огонь пылает ночью, город
Весь день в дыму. А ночью вновь пожары...
В далекий год, ведомый Моисеем
Шел веривший в грядущее народ
За облачным и огненным столпами;
Тогда он полон был надежд. Сегодня
Питать надежды некому. Мы — были.
Земля в огне. Пылает небосвод.

2.

Кто виноват? Не спрашивай. Не только
Злодеи, но и добрые виновны.
Зажмурившись, они как будто спали,
Как будто не видали ничего.
Никто их не потребует к ответу;
Еврейской крови много — лейте вволю!
У них не спросят: «Как вы допустили?»
Они спокойны: всё вокруг мертво.

3.

Bei die Poliakn hobn sej gesucht die freiheits-kemfer,
nor die off wemen s'is gefaln kojn a ch'schad
as er is trei sein volk... Die Russn hot men ojsgeharget
mehrer noch in derfer un in ale schtet
«Partisaner!» Bei uns hot men geharget kinder
in die wiegn, aselche wos die mame hot noch nit gehat,
men hot gefihrt uns ale in Treblinki, un varn tojtn uns,
gewondn sich, zu uns geredt:

4.

«Ihr tut sich ojs do, leigt die klejder off an ort,
die schich zu por, lost iber alz do, wos ihr hot,
ihr wet doch alz noch darfn, die klejder un die schich
un alz, alz wos is lost do iber, ihr kumt doch bald zurik!
Ihr sent vun weg, ajo? Vun Warsche? Vun Paris?
Vun Prog? Vun Saloniki? Geht nemt a bod!»
Un s'wern tojsnt in a saal areingelost ... un tojsnt
wartn naket bis die erschte tojsnt wert derstikt.

5.

Asoj hot men uns umgebracht, vun Griechnland
bis Norwegien un bis var Moskwe — bei siebn milion,
nit rechenendik kinder jidische in beicher, alejn
die schwangere, die erew-mames kumen in batracht,
un bleibt a Jid weit in Amerike, in Erez-Jisroel nont —
mohn ojch die kinder bei der welt, mohn, mohn
die nit gebojrene noch un derharget, mohn die derstickest
mit der mamen in der mames tracht.

3.

Среди поляков немцы убивали
Борцов за независимую Польшу,
Своей идее преданных; из русских —
Большевиков и партизан. А с нас
Другой оброк: у нас уничтожали
Младенцев в колыбели, нас, не глядя,
Не выбирая, гнали всех в Трешлинку,
В последний лагерь, в смертоносный газ.

4.

«Здесь раздеваться. Складывать одежду
На полке. Обувь связывать шнурками.
Всё будет цело, скоро вы вернётесь
И всё найдёте. Тут не пропадёт.
Откуда вы? Из Лодзи? Из Парижа?
Из Праги? Из Ченстоховы? Помойтесь».
Так тысячу впускают в душевую;
Другая дожидает свой черёд.

5.

Так нас уничтожали: от Варшавы
До Будапешта, до Москвы, до Осло...
Семь миллионов, говорят... Нет, больше!
А в матери погибший эмбрион?
Вы, счётчики в Нью-Йорке, в Тель-Авиве,
Считайте, ничего не забывая.
Ведь если неродившихся причислить,
Добавится, пожалуй, миллион.

6.

Кто виноват? Не спрашивайте лучше...
Но всё вокруг нам задаёт вопросы:
Подвалы, чердаки, квартиры, каждый
Сожженный дом — как безутешный крик.
А почему? Не знаю. Ведь повсюду
Живёт народ, живут другие люди;
Везде, где жили мы, живёт другая
Цивилизация, другой язык.

7.

Отныне солнце над Литвой и Польшей
Не осветит беззубого еврея,
Который молится в окне, качаясь,
Или читает, бормоча, псалмы.
На рынке будет скучно и спокойно
И, если даже соберутся толпы,
Никто не станет громко торговаться,
Со страстью, как умеем только мы;

8.

Не станет рассуждать о смысле жизни,
Шершавую ладонью не погладит
Субботней курицы, не будет шумно
Расхваливать крестьянам свой товар;
Не станет пререкаться с забулдыгой,
А возвратясь с базара, не откроет
Молитвенник, не углубится в чтение
(Как ни был он измучен или стар).

9.

Un kinder jidische — sej weln sich nit ofschapn
 vun schlof schojn, vun chalojmes lichtik in der frih —
 Nit gehn in chejder mehr, nit mehr varkukn sich ofj vejgele,
 nit stiefn mehr, nit spielen sich in samd,
 O, jinglech, ihr jidische, o scheinendike ojgelech!
 Malochimlech ... vun wanen ihr? Vun hie?
 Un nischt vun hie!
 O, schonkewdike mejdelech, ihr lichtike, ihr zichtike,
 chotsch eingericht die ponimlech un nischt varkamt.

10.

Nito sej schojn! O fregt nit dort ofj jene seitr jam,
 nit fregt sich ofj Kasriliwke, nit ofj Jehupez ...
 lost gemach!
 Such nit kejner, nit die Menachem-Mendelech,
 die Tewje-Milchiker, die Schlojme-Nogids,
 die Motke Ganew's, o nit such!
 Sej weln dir, wie die newiim deine, wie Jeschaje,
 Jirmije, Jecheskel, wie Hojscheja, Amos
 vun dem ejbikn *tanach*,
 arojswejn asoj vun Bialikn, arojsrejd zu dir
 vun Scholem-Alejchemen, vun Scholem Asch's a buch.

9.

Детей еврейских больше нет на свете,
Они не будут утром просыпаться,
Озорничать, опаздывая в хедер,
Гонять футбольный мяч, играть в песок...
Не будет черноглазая красotka
Спешить на танцы с парнем, и не будет
По вечерам на улице безлюдной
Звучать ее волшебный голосок.

10.

Всё, всё исчезнет: легендарный Тевье,
И Мотька-Ганев, и Менахем-Мендел;
Егупец и Касриловка исчезнут,
И вместе с ними — весь еврейский мир.
Исчезнут все еврейские пророки,
Любимые писатели-евреи:
Шолом-Алейхем, Шолом Аш и Перец,
И Хаим-Нахман Бялик, наш кумир.

11.

Es wet dos kol vun tojre sich nit losn hern
vun jeschiwes mehr, vun kejn bejs-medresch,
un bocherimlech blass,
geejdlte in lernen, in vartiefn sich in der gemore,
in vartrachtn sich ... Nejn, nejn nit blass,
es is asa a schein!
Varloschn schojn ... rabonim, rosche jeschiwes,
Jidn lerner, geonim dar un kwar un schwach
un ongefilt mit schass,
mit poskim, klejne Jidelech, mit grojsse kep,
mit hojche sterns, ojn klor — nito sej schojn,
sej weln mer nit sein.

12.

Es wet a mame nit varwign mehr a kind, men wet
nit starbn schojn bei Jidn un nit gebojrn wern mehr,
nit gesungen wern weln lieder harzike vun jidische
vun dichter, vun schreiber grojsse, schojn varbei, varbei!
Un jidische teaters weln mer nit sein schojn,
men wet nit lachn dort, nit losn still a trer,
un musiker un moler jidische, Barczynski's, sei weln
mehr in freid un leid nit schafn. Nit suchn wegn nei.

11.

Не будет ешиботников, и Тору
Никто не прочитает в синагоге,
Никто не углубится в текст Геморы,
 Никто не станет толковать Талмуда...
Исчезнут узкогрудые хакиды
В старинных долгополых лапсердаках,
Уйдут седобородые раввины,
 И вместе с ними цадики уйдут.

12.

Никто не вспомнит колыбельной песни,
Никто не скажет над могилой кадиш;
Исчезнут песни и стихотворенья,
 И наш язык исчезнет навсегда.
От славного еврейского театра,
Где люди плакали и хохотали,
От книг, которые издал Барчинский,
 Не сохранится в памяти следа.

13.

Un s'wel'n Jidn in die schtet nit stehn in kamf schojn,
nit makriw sein sich mer far jenems wojl,
men wet nit hejln mehr, nit lindern a fremdn wehtok,
nit filndik dem eigenem, dem schmarz.
O narischer, du goj, du ojch, host vun a seit
in Jid areingeschossn, un dich, dich
ojch getrofn hot die koj!l
O, wer wet helfn dir, die lender deine bojen? Wer wet
asoj a ssach awekgebn neschome dir un harz?

14.

Un meine komunistn hitzkep weln sich nit ampem
schojn mehr, nit kriegn sich mit meine
massn vunem Bund,
un bejde sej mit meine freiste, mit die treieste meine,
was hobn ganz dem joch ojf sich geschlept —
chaluzim jidische! sej hobn sich der welt
awekgeschonken un nit varlosn sie
die eigene die wund,
Ch'hob zugekukt sich zu die kriegereien un gewehtokt...
nor wolt ihr weiter sich arumgerissn, abi ihr wolt gelebt!

13.

Евреи исцеляли ваши раны;
Они, забыв о собственных страданиях,
Лечили вас... Кто вам теперь поможет?

Себя вы обездолили, глупцы!
Казалось, вы стреляете в другого,
А вы покончили самоубийством.
Ведь вам дарили сердце, душу, разум
Великие еврей-мудрецы.

14.

Евреям-коммунистам не придется
Браниться, как всегда, с еврейским Бундом...
Зато сегодня ради всех евреев

Халуцы пали смертью храбрецов.
Как ненавидел я пустые распри,
Братоубийственные столкновенья!
О, если б мы не ссорились друг с другом,—
Мы устоять могли в конце концов!

15.

Weh mir, nito nit kejner schojn ... Gewen a volk,
gewen, un schojn nito ... Gewen a volk, gewen,
un schojn ... schojn ojs!
A meissele asa, es hejbt vun chumeschl sich on un bis,
bis jetzt ...

A meissele gor trojerik, wer sogt as schejn?
A meisse vun Amolekn un bis an ergeren vun ihm,
dem Deitsch ...

O himl weit, o brejt die erd, o jamim grojss —
Nit balt zusammen in ejn knojl sich un nit varnicht
die schlechte ojf der erd, soln sej varnichtn sich alejn!

[15., 16., 18. L 44]

15.

Нет никого. Народа не осталось.

Народ исчез. А ведь он был на свете!..

Мы многие века существовали.

Начало — Пятикнижье, а конец...

Начало — торжество над Амаликом,

Конец — победа немцев. Смерть евреев.

Нет никого. И никого не будет.

Когда-то был народ. Теперь — мертвец.

—

Примечание к поэме Каценельсона и его фонетической транскрипции

Поэму Ицхака Каценельсона «Сказание об истребленном еврейском народе» я впервые услышал в 1947 году в лагере для перемещенных лиц, во Франкфурте-Цельгейме; ее читали по случаю годовщины восстания в Варшавском гетто. Вскоре после того я раздобыл экземпляр книги, появившейся в Париже в 1945 году. Я часто читал ее и берег как зеницу ока. Почему? Потому что это крупнейшее поэтическое произведение о величайшей трагедии истории, о шоа, или холокосте,— и не только на языке идиш. Когда мне было 14 лет, я, в ту пору ученик еврейской гимназии в Польше, учил наизусть поэму еврейского национального поэта Хаима-Нахмана Бялика «Аль Хашхита» (О погроме), посвященную ужасающей резне в Кишиневе в 1903 г. В 1938 г. мне стихи Бялика казались высшей точкой воссоздания в слове человеческих страданий. У меня был опыт лагерей — Освенцима, Бухенвальда, других,— и я был убежден, что муки евреев невозможно изобразить сколько-нибудь адекватно литературными средствами. Ицхак Каценельсон убедил меня в противоположном. Его книга была частью моего маленького «золотого запаса». Когда в 1948 г. лагерь ликвидировали, она пропала. Купить ее было невозможно,— она была распродана. В 1950 г. я поехал в Париж, чтобы впервые повидать уцелевших родственников (с отцовской стороны)— моего дядю Шарля Лустигера, двоюродного брата Арона (теперь его звали Жаном-Мари Люстиже) и кузину Арлетту. В библиотеке дяди я обнару-

жил книгу Каценельсона и снова стал читать поэму. За более чем четыре десятилетия стихи Каценельсона врезались в мою память.

Натан Экк, выпустивший первое издание поэмы Каценельсона на языке идиш, был вместе с поэтом в лагере Виттель. Там Экк торжественно обещал автору, что, если Каценельсон не выживет, он, Экк, после войны опубликует его поэму. Натану Экку удалось спрыгнуть с поезда, увозившего узников в Освенцим, и бежать; он добрался до Парижа. Уже зимой 1944 г. он приступил к переписыванию спасенной рукописи и к подготовке ее для издания. Он трудился над нею день и ночь; с помощью Д. Джефройкина он добыл денег и купил на черном рынке бумагу. В феврале 1945-го он написал предисловие, в котором выражал надежду, что поэт жив, — ведь война еще не кончилась. В июне 1945 г. Натана Экка пригласили в Нью-Йорк Союз польских евреев и Объединение еврейских писателей. Под председательством известного поэта Лейвика состоялось собрание памяти Каценельсона, на котором еврейские поэты читали весь текст «Сказания об истребленном еврейском народе». Позднее Доктор Натан Экк стал директором иерусалимского мемориала «Яд Вашем».

Мне только в 1992 г. удалось достать экземпляр первого издания (не спрашивайте — как). Он зачитан до дыр, и пятна на страницах — следы слёз прежних его владельцев. Это издание лежит в основе настоящей транскрипции.

Давняя и, к сожалению, так и не сбывшаяся мечта еврейских лингвистов — придать языку идиш черты оформленного литературного языка. Соответствующий институт в Нью-Йорке разработал общеобязательную орфографию, но идиш в разных районах мира произносится по-разному. Насчитывается немало диалектов идиша.

Для предлагаемой транскрипции я остановился на т. н. «литвиш-идише», на котором говорят в России и Восточной Польше и который считается языком еврейской сцены. В еврейском алфавите, используемом для текстов идиш, нет прописных букв. Поэтому в нашей транскрипции заглавные буквы используются только в начале фраз. С заглавных букв даны и названия городов и улиц, а также имена персонажей, причем эти имена даются в польской транскрипции. Еврейские, польские и немецкие слова набраны курсивом. Звук ж транскрибирован *sh*. Слова языка идиш, происходящие из немецкого, которые начинаются с *st*, *sp* и произносятся *шт* или *шп* (например, *stumm*, *Sprache*), обычно транскрибируются в соответствии с немецкой орфографией. Одно исключение: слово *shtetl* пишется так в соответствии с традицией.

Комментарии к тексту поэмы

- I.13** *Треблинка* — лагерь уничтожения, созданный в июле 1942 г. на пути из Варшавы в Белосток. Здесь нацисты убили 870 000 евреев, из них 360 000 из Варшавы и ее окрестностей. *Собибор* — лагерь уничтожения близ Люблина; убито 250 000 евреев. 14 октября в Собиборе вспыхнуло восстание, после чего лагерь был ликвидирован. *Осенцим (Аушвиц)* — крупнейший лагерь уничтожения на территории Польши; восстание — 7 октября 1944 г.
- II.9** *Бси (Бенцион)* и *Йомсл (Беньямин)* — младшие сыновья Ицхака Каценельсона; уничтожены в Треблинке 14 августа 1942 г. Старший сын *Цви* разделил судьбу отца: вместе с ним участвовал в восстании Варшавского гетто и погиб в газовой камере Освенцима 1 мая 1944 г.
- II.10** *Бсрл* — брат Ицхака Каценельсона, был директором еврейской гимназии в Лодзи; убит в 1942 г.
- II.11** *Хамсл* — Хана, жена Каценельсона (1906—1942), погибла в газовой камере Треблинки вместе с обоими сыновьями (см. выше).
- III.5–11** *...сврей тацил сврся ...* — в гетто немецкое командование создало еврейскую полицию.
- III.15** *Новолипки* — на этой улице в доме № 30 И. Каценельсон жил до ликвидации гетто; *пустые поезда* — составы, транспортировавшие евреев в Треблинку.
- V.6** *Адам Черняков* (1880—1943) — инженер-химик, был председателем Юденрата (Еврейского совета) Варшавы. Начиная с 1909 г. неоднократно арестовывался царской полицией как польский

- патриот; позднее — сенатор Польской республики. Покончил жизнь самоубийством 23 июля 1943 г. Оставшийся после него дневник впоследствии приобрел широкую известность.
- V.13 Одним из первых, кто вошел в кабинет Чернякова, был Марсель Райх-Раницкий, впоследствии один из известнейших критиков Германии и автор книги «Моя жизнь» (1999).
- V.12 *Йом-Кипур* (ивр. день искупления) — Судный день, самый святой из еврейских праздничных дней. Именно в этот день, согласно традиции, на небесах решается судьба каждого человека: будет ли на следующий год его имя записано в Книгу Жизни или Книгу Смерти, в зависимости от того, насколько велики его грехи перед Всевышним.
- VII.4 ... *«мисе, тисея, фарес»* ... (точнее: *мисе, мисе, тисея уфарсин*) — пророчество, появившееся по легенде огненными письменами на стене зала, когда там пировал вавилонский тиран Валтасар, — эти письма предрекали его гибель (Дан 5: 24—28).
- VII.4 ... *О, черная среда!* — В среду 14 сентября 1939 г. полковник Умястовский от имени польского правительства призвал население западной и центральной Польши уходить на Восток, где оно предполагало создать новую линию обороны.
- VIII.7 *бима* (ивр. «кафедра») амвон, возвышение или площадка в синагоге, с которой кантор ведет молитву и с которой вызванные к алии читают Тору.
- VIII.10 *шамес* (ивр. «служба») — синагогальный служака.
- IX.8 *хсрои-маккави* — Маккавеи (Макабим, Хасмонеи), семья священников, в 167 г. до н. э. поднявшая победоносное народное восстание против греко-сирийского царя Антиоха IV Епифана. Восстановив независимость Иудеи, Маккавеи заново осветили Храм. В 142 г. до н. э. основали вторую после дома Давида династию царей Иудеи — Хасмонеев. В сегодняшней жизни — символ бесстрашных защитников независимости родной страны.
- IX.10 ... *Как Самуила из земли Саул...* — см. 1 Цар 28: 7—12.

- X.I2** Начиная с 14 ноября 1939 г. евреи Лодзи, где в то время жил И. Каценельсон, должны были носить на спине желтый лоскут, позднее — нарукавную повязку с шестиконечной желтой звездой («звезда Давида»).
- X.I5** О сыновьях И. Каценельсона см. прим. к строфе 9 песни II.
- X.I6** «Я реусь на улицу!» («*Mich zit in gass!*») — Ицхак Каценельсон написал трехактную пьесу под таким названием для детского театра сионистской организации «Дрор». Текст не сохранился.
- X.I7** Довид Домбровский, свойственник И. Каценельсона (зять его брата Берля), был директором Сиротского дома в Варшаве, в августе 1942 г. он вместе с женой и подопечными им обоим детьми погибли в газовой камере Трешлинки. Их гибель подобна известной героической смерти Януша Корчака (псевд. Генрика Гольдшмидта, 1878—1942) и его жены Стефы Вильчинской (1866—1942), которые добровольно приняли смерть со своими воспитанниками; они упоминаются в поэме ниже, в строфе XI.14.
- XII.1** Мила — улица в Варшаве, была в центре еврейского гетто. 10 сентября 1942 г. немцы провели на ул. Мила последнюю селекцию; всех, у кого еще оставались дети, отправляли на смерть (поэтому родители прятали детей в мешки или чемоданы). В доме № 18 по ул. Мила помещался штаб восстания.
- XII.8** В «Чёрное воскресенье» — 6 сентября 1942 г. — немцы рано утром начали осуществлять «заключительную акцию» на ул. Мила: депортацию последних евреев Варшавы.
- XIII.6** Хилл Цейтлин (1841—1942) — выдающийся писатель, журналист, эссеист и философ, учение которого формировалось под влиянием Спинозы и Ницше. После украинских погромов 1903 года вернулся к ортодоксальному иудаизму. В течение 35 лет написал сотни статей для больших ежедневных газет Варшавы «Хейнт» и «Момент». Перевел на идиш и иврит множество самых разнообразных произведений. 12 сентября 1942 г., в канун Рош-Хашон (еврейского Нового года) Цейтлин направился на

место сбора евреев, надев *талес* (молитвенное покрывало) и *тфилин* (прямоугольные черные кожаные футляры, в которых лежат написанные на пергаменте отрывки из четырех мест Торы, где о них говорится; мужчины каждый будний день к утренней молитве прикрепляют специальными кожаными ремешками один *тфилин* к голове, а другой — к левой руке); *Соломон (Шломо) Гильберт* (1885—1942) — еврейский писатель, близкий к каббалистике; *Якир Варшавский* (1887—1942) — писатель и журналист (писал на иврите); *Исроэль Штерн* (1894—1942) — писатель и журналист (писал на идише); *Авраам Остигса* (1899—1942) — живописец и скульптор; *Авраам Давидович* (1887—1942) — композитор, дирижер хора варшавской синагоги «Нозик».

ХП.7 *Ицхак Цукерман*, прозв. Антек (1915—1981) — один из основателей и руководитель еврейской боевой организации, организатор сопротивления. В декабре 1942 г. принял в Кракове участие в нападении еврейских партизан на кафе «Цыганерия», которое посещали немецкие офицеры; был ранен в ногу, однако сумел вернуться в Варшаву. В ходе боев 18 января 1943 г. первый открыл огонь по войскам СС. В марте 1943 г. получил приказ боевой организации отправиться на «арийскую сторону» и заняться доставкой оружия в гетто. Во время Варшавского восстания в августе 1944 г. командовал отрядом еврейских бойцов из гетто. В начале 1947 г. основал «Киббуц воинов гетто» в Галилее. Умер в Израиле в 1981 г., удостоенный многих почестей; *Цивия Лубсткин* (1914—1976) — сотрудница и подруга Цукермана. До войны была членом левосионистской молодежной организации «Дрор» (Свобода). Участвовала в январских и апрельских боях 1943 г. В августе 1944 г. — участница Варшавского восстания. Делегатка первого после войны Сионистского конгресса (декабрь 1946). Вместе с мужем основала «Киббуц воинов гетто».

ХП.8 *Лабан* — Авраам Лабан-Лейбович, краковский партизан, участник сионистского сопротивления, организатор нападений на посещаемые немцами кафе-рестораны «Цыганерия», «Эсплана-

- да», «Закопянка». 24 декабря 1942 г. его застigli в конспиративном убежище; после ожесточенной перестрелки был убит вместе со своими соратниками Адольфом Либескиндом и Иудой Таненбаумом. Об этом событии Каценельсону поведал Цукерман; Каценельсон посвятил им обоим стихотворение «Ицхак и Лабан», которое не сохранилось.
- XIII.9** *семнадцатое января* — первое восстание гетто в 1943 г.
- XIII.15** Захарий Артитсйн был командиром боевой группы сионистской организации «Дрор», сражавшейся в центральном гетто до конца мая 1943 г. Погиб в начале июня — был одним из последних погибших вождей восстания; *Хенох Гутман* Гутковский, член боевой группы сионистской партии «Поале-Сион», обеспечивал связь с командованием сионистского крыла восстания. Погиб в мае 1943 г. вместе со своей боевой подружкой Файтше Рабо; *Элизер Геляр* участвовал в войне 1939 г. в качестве польского солдата, был членом сионистской организации «Гордония», командиром боевой группы на фабрике Тебенс-Шульц; ему удалось уйти из гетто. Как и Каценельсон, он получил иностранный паспорт; был интернирован в лагерь Берген-Бельзен, откуда его 21 октября 1943 г. переправили в Освенцим; погиб в газовой камере.
- XIV.3** ... *будь я там* ... — речь идет о конспиративном заседании сионистских организаций и Бунда, созванном в Варшаве в середине марта 1942 г., когда стало известно об уничтожении евреев Вильнюса; обсуждалась опасность, нависшая над еврейским населением Варшавы.
- XIV.9** ... *юный Бунд* ... — детская организация социалистического Бунда «Скиф»; во главе ее стоял Марек Эдельман, ныне единственный здравствующий лидер восстания гетто.
- XIV.10** ... *на Желазне, сто три...* — в доме № 101—103 по ул. Желазна располагался командный центр СС.
- XIV.11** *Альфред Носиг* (1864—1943) — родившийся во Львове поэт, эссеист, драматург, скульптор и сионистский политический дея-

тель. Жил до 1933 г. в Берлине, затем в Варшаве. Писал мемурандумы, адресованные оккупационным властям, — об эмиграции польских евреев. Позже — один из опаснейших сотрудников гестапо, писал еженедельные отчеты для своих хозяев, которые его использовали даже против юденратов. Сионистская организация приговорила его к смерти. 23 февраля 1943 г. он бы казнен Авраамом Дрейером, Фейвелем Шварцштайном и Захарием Артштейном.

XIV.15 *эрец псайсах* — канун еврейской Пасхи.

XV.1 ...ведомый Моисеем... народ за облачным и огненным столпами... — см. Исх 17: 21—22: «Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, указывая им путь, а ночью в столпе огненном, света им, дабы идти им и днем и ночью. Не отлучался столп облачный днем и столп огненный ночью от лица (всего) народа».

XV.9 *хедер* — традиционная еврейская начальная религиозная школа для мальчиков.

XV.10 *Тевье-Молочник* и *Менахем-Мендл* — герои еврейского писателя Шолом-Алейхема (1859—1916), классика литературы идиш; *Мотыка-Ганс* (-Вор) — персонаж из одноименного романа Шолома Аша (1880—1957), вокруг его романов об Иисусе велись бурные споры; *Перец Исаак Асаб* (1852—1915) — один из трех классических еврейских писателей (другие — Менделе и Шолом-Алейхем); *Хайим-Нахман Бялик* (1873—1934) — еврейский поэт, писатель, эссеист и переводчик, классик поэзии на иврите, автор знаменитой поэмы о Кишиневском погроме 1903 г. «В граде избитном» (*Be-Ir ha-Naregah*); *Елунец* (Киев) и *Касриловка* — придуманные Шолом-Алейхемом места действия его произведений.

XV.11 *сшиботник* — учайщийся иешивы, еврейского религиозного учебного заведения; *Геморс* (или *Гемара*) (арам. «завершение»): свод дискуссий и аналитических комментариев к тексту Мишны, вместе с которой Геморе образует Талмуд; написан на арамейском языке в период III—V вв. н. э.; *хасид* (ивр. «благочестивый») — последователь хасидизма, мистического направления в

иудаизме, полагающего, что чистый религиозный дух, «радость сердца» важнее скрупулезного изучения религиозных источников; *цадики* (ивр. «праведники») — духовные вожди хасидских общин.

- XV.12 *кадиш* — (арам. «святой»), поминальная молитва на арамейском языке, говорится в которой не о смерти, а о величии Всевышнего и грядущем спасении; традиция читать ее в память об умершем восходит к Средневековью.
- XV.13 *Хснوخ Барчинский* (убит в 1942 г.) — известный театральный художник, близкий друг И. Каценельсона, иллюстрировал книжки его стихов.

Еврейское сопротивление нацистскому режиму

Оценить по достоинству значение поэтического творчества Ицхака Каценельсона нельзя, не зная масштабов еврейского сопротивления в целом и восстания Варшавского гетто в частности. Поэт предвосхитил позднейшие упреки своих единоверцев и соплеменников, живших в безопасных, немцами не оккупированных странах,— упреки в мнимой пассивности. Две строфы четырнадцатой песни «Сказания» гласят:

Слова не помогают. И не только
Из-за того, что все мы безоружны;
Ведь и лопата может стать оружием,
Ведь из железа выкован топор!
Но наши братья в Иерусалиме
И Вашингтоне думают, что если
Мы не воюем, значит нам не надо, —
И слёзы льют... На слёзы всякий скор!

Ах, эти слёзы! В новогодний вечер
Я в заводском цеху услышал ропот:
«Они бегут покорно в мясорубку,
Их немцы перебьют наверняка!»
«Что за народ! — качая головами,
В отчаяньи твердили молодые, —
Что за народ, который добровольно
Ложится под секиру мясника!»

В одной из последующих строф И. Каценельсон гордо пишет еврейскими буквами немецкие слова: «Die Juden schießen» (Ев-

реи стреляют!). Другие авторы, критически настроенные в отношении евреев, считают, что цена, уплаченная Сопротивлением, слишком высока — по сравнению с ущербом, который удалось нанести противнику. Такие утверждения одновременно смехотворны и оскорбительны. Потребовалось двадцать миллионов солдат союзных армий, в их числе полтора миллиона евреев, чтобы поставить на колени гитлеровскую Германию. Во имя победы пали в боях миллионы советских, 292 000 американских и 545 000 английских солдат. Европейское сопротивление (если не считать южной Франции, Белоруссии и Югославии) сыграло в целом скорее незначительную роль. Можно ли при этих обстоятельствах ожидать решающего значения для победы над гитлеризмом безоружных евреев, не поддержанных ни одним из эмигрантских правительств?

Еврейское сопротивление национал-социалистам принимало множество форм. Это было следствием различнейших факторов: идеологических установок, социальных структур еврейского и нееврейского населения в разных странах, отношения коренного населения к евреям, топографических условий, жесткости и интенсивности мер, принимаемых оккупационными властями против евреев, и т. п.

Неподчинение распорядителям оккупационных властей, — такова первая форма сопротивления еврейского населения, которую можно наблюдать во всех оккупированных странах. Распоряжения, изданные сразу же немецкими захватчиками, ограничивали свободу передвижения евреев; образованные впоследствии гетто должны были препятствовать связи и сотрудничеству между еврейскими центрами. Антисемитская пропаганда нацистов находила известный отклик в кругах христианского населения, она укрепляла — в особенности в Восточной Европе — испокон веков укоренившиеся юдофобские традиции; это затрудня-

ло проявление солидарности и всякую помощь со стороны неевреев,— такая помощь и без того была почти что сведена на нет немецким террором.

Кроме того, были препятствия психологического свойства, поначалу не позволявшие расширяться организованному и вооруженному сопротивлению. Преследователи и их помощники применяли утонченные методы обмана, лжи, дезинформации и шантажа, привлечения к ответу целых семей, индивидуальный и коллективный террор — чтобы в зародыше удушить сопротивление. Нужда и голод способствовали тому, чтобы парализовать евреев. Успехи немцев на всех фронтах войны, их разрастающаяся мощь сообщали им репутацию непобедимости.

Несмотря на это, евреи оказывали сопротивление, решительно отказываясь подчиняться требованиям нацистов. Они основали подпольную экономику, продолжали отправлять религиозные обряды и создали тайную систему образования и прессы.

Кроме того, часы европейских евреев показывали другое время, нежели часы неевреев в оккупированных районах. Уже начиная с 1942 г. евреям угрожало полное истребление, и (если это вообще было сколько-нибудь возможно) они должны были действовать незамедлительно. В любой оккупированной европейской стране руководители сопротивления должны были тщательно взвешивать возможности и риск мероприятий, направленных против оккупантов и неизменно вызывавших со стороны нацистов жесточайшие репрессии. За исключением советского партизанского движения, европейское сопротивление не предпринимало действий, ставивших на карту жизнь своих граждан. Борьба за освобождение страны и свободу человека велась во имя живых, а не мертвых. К счастью, другим европейским народам такая судьба и связанные с нею трагедии не угрожали,— но это, увы, оказалось уделом большинства евреев.

Поэтому кажется едва ли не чудом, что евреи вообще оказывали сопротивление, да еще в такую пору, когда о сопротивлении общем, нееврейском, еще и речи не могло быть. Наряду с тотчас же начавшимся индивидуальным и гражданским сопротивлением с 1942 г. возникали многочисленные формы организованного вооруженного сопротивления: восстания в гетто, восстания в лагерях, боевые действия еврейских партизан.

Еврейским боевым организациям в польских и балтийских гетто приходилось конфликтовать с юденратами, которые продолжали верить в спасительность для евреев работы на германскую военную промышленность («спасение через работу»). Эта надежда была не лишена оснований, ведь Германия вела тотальную войну и зависела от миллионов рабочих, в том числе и от еврейских. Ни у кого не хватало воображения, чтобы представить себе: для нацистов уничтожить евреев было важнее, чем одержать победу в войне.

Участники сопротивления в гетто должны были погибнуть вместе со всем населением, ведь у еврейского сопротивления в гетто и лагерях никогда не было никаких шансов на победу. Поэтому они, планируя операции, исключали бегство из гетто и были готовы заплатить самую высокую цену за честь еврейского народа, а также за то, чтобы отомстить его губителям.

Именно по этой причине утверждения и обвинения историка Рауля Гильберга, философа Ханны Арендт и психолога Бруно Беттельгейма оскорбительны и несправедливы; в настоящее время можно считать, что их полностью опровергла обширная литература, посвященная еврейскому сопротивлению.

По мнению Гильберга, только вооруженная борьба может считаться реальным сопротивлением. Однако этой точки зрения не разделяют историки других народов оккупированной Европы: пассивное, духовное, политическое сопротивление считается суще-

ственным фактором победы, особенно в заключительный период войны.

Польские евреи и война

Вторая мировая война началась нападением германского Вермахта на Польшу 1 сентября 1939 г. В 1939 г. в Польше проживало 3 351 000 евреев. В сентябре 1939 г. на полях сражений погибло 32 216 еврейских офицеров и солдат, 60 000 были взяты в плен. После вступления в восточную Польшу Красной армии, на оккупированной немцами территории оставалось 2 100 000 евреев. На оккупированных Советским Союзом и вскоре присоединенных к нему территориях жило 1 200 000 евреев. Около 300 000 евреев бежали из захваченных немцами областей в восточную Польшу. В 1940—1941 гг. их депортировали в Советский Союз,— это большинству из них спасло жизнь: более 200 000 польских евреев пережили в СССР войну. Всего было убито 2 982 000 польских евреев (это половина всех жертв холокоста); войну пережили 370 000 человек.

Варшава капитулировала после ожесточенных бомбардировок и артобстрелов 28 сентября 1939 г. 25 ноября Гитлер распорядился о создании Польского генерал-губернаторства со столицей в Кракове. Еще до окончания сентябрьской войны, 21 сентября 1939 г., Рихард Гейдрих направил строго секретное послание командирам оккупационных войск, уже уничтоживших 60 000 поляков и евреев,— в этом послании содержались требования, касавшиеся преследования и уничтожения польских евреев.

Началась самая трагическая пора еврейской истории. Следом за регулярными войсками шли спецотряды, которые убивали тысячи людей, главным образом евреев. С самого начала оккупанты терроризировали польское и еврейское население, производя массовые аресты, убийства на улицах и публичные казни, организуя депортацию в лагеря. Кроме того, население подверг-

лось тяжелым экономическим испытаниям: было конфисковано 112 000 еврейских торговых предприятий, 115 000 мастерских и сырьевых складов. Следствием оказалось катастрофическое обнищание еврейского населения; в то же самое время мужчин угоняли на принудительные работы. Переселение привело к распаду малых общин, началась строгая «геттоизация».

Все школы были закрыты, все союзы, объединения, органы коллективной взаимопомощи запрещены. После нападения на Советский Союз в июне 1941 г. началось массовое истребление евреев — «окончательное решение» еврейского вопроса. Были созданы лагеря уничтожения, где были убиты миллионы евреев не только Восточной, но и Западной Европы.

Постепенно просачивались сведения о массовых убийствах в лагерях уничтожения. Это подвигло молодых евреев — прежде всего, членов сионистских и других организаций — организовать сопротивление как последнюю форму борьбы за честь и человеческое достоинство. Во многих гетто возникли подпольные организации сопротивления и боевые группы. Тысячи евреев воевали в центральной и восточной Польше в качестве партизан. Были созданы семейные лагеря, в которых партизаны спасли немало женщин, детей и стариков от верной гибели. В некоторых лагерях уничтожения вспыхнули восстания еврейских заключенных.

Варшава

До войны в Варшаве жило 375 000 евреев, 29,1 % населения. Варшава была крупнейшим еврейским центром с многочисленными политическими, благотворительными, религиозными, культурными и воспитательными учреждениями. Здесь располагались еврейские издательства, партии, профсоюзы и печатные органы. После создания гетто в Варшаву были насильственно переселены 90 000 евреев из других городов Польши. Учрежде-

ние гетто было декретировано 2 октября 1940 г.; 15 ноября оно было окончательно закрыто для внешнего мира. На 2,4 % городской территории согнали 30 % населения. В Варшавском гетто оказалось 410 000 варшавских евреев, 72 000 насильственно переселенных и 20 000 нелегально переселившихся: 110 880 человек на квадратный километр (!). Из 1800 улиц на долю гетто пришлось всего 73. Нужда и голод приняли ужасающие масштабы. Многие евреи работали на предприятиях, обслуживающих военную промышленность. Многие тысячи производили подпольно предметы потребления, которые нелегально выносились за пределы гетто и там обменивались на продовольствие. Это позволило обитателям гетто на некоторое время оттянуть голодный конец. Деятельность такого рода была строжайше запрещена — как и обладание сырьем, готовыми изделиями, деньгами. Подобная экономическая деятельность была частью гражданского сопротивления почти всего населения. Было строго воспрещено обучать детей в начальных и средних еврейских школах, молиться сообща по праздникам — однако такие запреты постоянно нарушались. Это тоже было формой гражданского сопротивления.

Вопреки обстоятельствам еврейские молодежные организации и партии создали в начале 1941 г. подпольную инфраструктуру с газетами, курсами, молитвенными домами. Еще в октябре 1939 г. Эмануэль Рингельблум создал тайный архив гетто. В марте 1942 г. образовался «Антифашистский блок», к которому принадлежали коммунисты, юношеские сионистские движения, позднее — социалистический Бунд. «Блок» издавал совместную газету «Дер Руф» («Призыв»). Были образованы подпольные боевые «пятерки». В апреле-мае 1942 г. гестаповским агентам удалось арестовать и убить нескольких руководителей «Блока». 30 мая 1942 г. был арестован Анджей Шмидт, в прошлом капитан Интернациональных бригад в Испании, — он прибыл из Москвы,

спустился с парашютом в Польшу; его арестовали. В тюрьме Павяк его убили,— известно, что он ожесточенно оборонялся. Последовали массовые депортации — их проводили под флагом направления евреев на работу. Решающая кампания по уничтожению евреев началась 22 июля 1942 г. и продолжалась с перерывами до сентября. 23 июля 1942 г. председатель Юденрата Адам Черняков покончил жизнь самоубийством — в знак протеста против массовых депортаций евреев в лагерь уничтожения.

От сопротивления к восстанию

В течение 1942 г. все еврейские партии и группировки объединились в Еврейский национальный комитет («Żydowski Komitet Narodowy», ŻKN). Он был гражданским ответвлением Еврейской боевой организации (Żydowska Organizacja Bojowa, ŻOB), основанной 28 июля 1942 г. В нее вошли члены социалистического Бунда, коммунисты, а также члены восьми сионистских организаций. Командиром Еврейской боевой организации стал лидер молодежно-сионистского движения Мордехай Анелевич. ŻOB отправила своих представителей во главе с Ицхаком Цукерманом на «арийскую» сторону. Все вооружение ŻOB состояло из одного револьвера, который послужил Исроэлю Каналу для убийства снискавшего всеобщую ненависть начальника полиции гетто Йозефа Шеринского. Кроме Шеринского были приговорены к смертной казни Якоб Лейкин и другие предатели, сотрудничавшие с гестапо. ŻOB публиковала и распространяла призывы к сопротивлению.

Самой важной и в то же время самой трудной проблемой было приобретение оружия для Варшавского гетто. Начиная с 1942 г. Еврейская боевая организация регулярно обращалась с просьбой об оружии к командующему польской Армии крайовой генералу Стефану Ровецкому. Только в декабре 1942 г. Ровецкий

наконец распорядился предоставить ŻOB десять (!) старых револьверов и небольшое количество патронов. Но лондонское правительство в изгнании настаивало: усилить помощь евреям оружием, и Ровецкий 2 января 1943 г. послал главе польского правительства генералу Сикорскому следующую телеграмму:

Так как уже слишком поздно действовать иначе, мелкие коммунистические группы евреев обращаются к нам, требуя оружие, как будто у нас имеются полные склады. В порядке уступки я передал им несколько револьверов. Не уверен, что они будут ими пользоваться.

Армия крайова располагала огромным арсеналом, к тому же более 60-ти самолетов британской авиации, управляемых польскими пилотами, сбрасывали ей оружие с парашютами — всего был сброшен 241 контейнер с оружием, патронами и взрывчаткой. Аживые измышления Ровецкого позднее повторял его преемник Бор-Коморовский. Уполномоченным гетто, главным образом женщинам, приходилось покупать оружие на черном рынке, постоянно рискуя жизнью. Инженер Михал Клепфиш создал несколько больших подпольных мастерских, изготавливавших оружие и боеприпасы. 3 сентября 1942 г. гестапо арестовало Йозефа Каплана. Через несколько часов был арестован Шмуэл Браслав; его убили и конфисковали весь оружейный запас ŻOB.

Восстание

Самым известным и ярким проявлением воли к сопротивлению было восстание Варшавского гетто. Один из его участников записал в дневнике: «Мы воюем и умираем за честь еврейского народа, за несколько строк в исторических сочинениях». История не знает ни одного случая, подобного этому: безоружное гражданское население поднялось на борьбу с беспощадным, вооруженным до зубов противником. Впервые в истории германской оккупации Европы все население городского центра

поднялось на открытую борьбу. Ни одно из событий холокоста или вообще Второй мировой войны не имело большего значения для самосознания евреев после войны, чем это восстание.

Первые выстрелы раздались 18 января 1943 г. В этот день началась вторая волна депортаций. Одновременно все военные предприятия вместе с рабочими должны были быть переправлены в концлагеря. ŻOB призвала евреев к неподчинению. В первую колонну, насчитывавшую около тысячи человек, которых эсэсовцы выгнали из домов, просочились бойцы ŻOB. Когда раздался условный сигнал, они напали на эсэсовцев, окружавших колонну, принудили их к рукопашной схватке и к бегству. До 22 января СС удалось согнать из гетто в колонны депортируемых не более пяти тысяч евреев — вместо предполагаемых десятков тысяч. После этого немцы приостановили акцию, осознав ее неосуществимость.

Последующие три месяца ŻOB использовала для лихорадочных приготовлений ко всеобщему вооруженному восстанию. Во главе всех этих приготовлений стоял Анелевич, — он вел переговоры с польским подпольем о доставке оружия, добивался совместных действий двадцати двух идеологически различных группировок ŻOB, координировал сотрудничество с правосионистским Еврейским военным союзом (ŻZW). Он составил множество воззваний, написал сотни писем и донесений. Большинство этих документов сохранилось, — они свидетельствуют об удивительных качествах этого 23-летнего молодого человека, о его идеализме, отваге и организаторских талантах; имя его вписано золотыми письменами в историю еврейского народа. В апреле 1943 года ŻOB насчитывала 700, ŻZW — 400 активных бойцов. Их поддерживали многие тысячи обитателей гетто.

Было построено более тысячи бункеров и тайников, снабженных всем необходимым для безопасности, а также продо-

вольствием. Работы производились только по ночам: нужно было избежать внимания гестаповцев и их агентов. Гетто основательно подготовилось к последнему и решительному бою.

ŻOB образовала 22 боевых группы, сформированных на основе принадлежности к отдельным политическим группировкам и движениям.

Как уже говорилось, наряду с ŻOB существовала еще одна организация — Еврейский военный союз (*Żydowski Związek Wojskowy*, ŻZW), который состоял в основном из бывших солдат польской армии и членов правосионистской организации «Бетар». Его военными начальниками были недавние польские офицеры Павел Френкель и Давид Апфельбаум. ŻZW был гораздо лучше снабжен оружием, чем ŻOB; его лидеры использовали свои связи с польским военным сопротивлением, родившиеся в пору совместной службы в армии, — они не полагались на военную помощь официальных инстанций, руководимых из Лондона. Главная боевая группа на улице Мурановска имела в своем распоряжении 300 гранат, 8 автоматов, один ручной и два станковых пулемета, несколько тысяч патронов.

Немцы предполагали уничтожить гетто в течение двух-трех дней. Военные действия открылись 19 апреля 1943 г., накануне Пасхи. Началось историческое восстание Варшавского гетто. Немцы мобилизовали для его подавления танки и артиллерию, более двух тысяч эсэсовцев, польских полицейских и украинских коллабораторов — вооруженных до зубов.

Все бойцы ŻOB отлично сознавали, что надежды на спасение у них нет; поэтому они даже не позаботились подготовить что бы то ни было для бегства. Они решились умереть в борьбе, — вместе с шестьюдесятью тысячами варшавских евреев. Двадцать тысяч из них были убиты в боях в гетто или погибли в сгоревших домах.

Первый день окончился поражением СС и победой еврейских бойцов. Наибольшее впечатление как на поляков, так и на войска СС произвели еврейский бело-синий и польский бело-красный флаги, поднятые над зданиями, которые оборонял ŻZW. Эсэсовцы пытались сорвать флаги,— некоторые из них были убиты, в том числе унтер-штурмфюрер Отто Денке. Генерал СС Штроп позднее рассказал, что расшвырявший Гиммлер приказал ему по телефону — любой ценой убрать эти флаги. В донесении генерала Штропа от 27 апреля говорилось:

Ударный отряд под командованием обер-лейтенанта Дили столкнулся с бандой в 120 человек, вооруженных револьверами, орудиями, ручными пулеметами, ручными гранатами, которые заняли оборону. В перестрелке удалось уничтожить 24 бандита; 52 бандита взято в плен (...) Сегодня удалось схватить одного из руководителей еврейско-польских боевых действий и ликвидировать его (вероятно, лейтенанта Аппельбаума.— А. Л.).

Нацистам не удалось подавить восстание военными средствами. Им пришлось стереть с лица земли все Варшавское гетто, сжечь или взорвать дом за домом.

После подавления восстания тысячи уцелевших евреев были переправлены в лагеря Майданек, Травники и Понятова, где им пришлось работать на эвакуированных туда военных заводах. Позднее была осуществлена акция «Уборка урожая»: 3 ноября 1943 г. немцы убили всех заключенных и сожгли их трупы.

Лишь немногие евреи пережили разгром восстания. Позднее они воевали в качестве партизан или участвовали в Варшавском восстании летом 1944 г.

Среди участвовавших оказался Ицхак Каценельсон. Этой счастливой случайности мы обязаны «Сказанием об истребленном еврейском народе».

Перевод Е. Эткинда

Вольф Бирман^{*)}

Ицхак Каценельсон, еврей

Сегодня — Первое мая, очередное; ровно пятьдесят лет спустя. Хотелось бы знать, каков нынешний статус «еврейско-освенцимской лжи»: допущена ли она снова в светские салоны, можно ли ею пользоваться в застольных беседах и уличных разговорах? Или она по-прежнему запрещена? Ни единого дня своей жизни не потрачу я больше на то, чтобы всё снова и снова сообщать моему немецкому народу о том, что он истребил мой еврейский народ. Никто не желает больше слышать о магическом числе «шесть миллионов». Все начали бы нещадно зевать — одни и так знают, а другие знают лучше других. И как бы ты ни вел себя, дорогой читатель, испытываешь ли раскаяние или удовлетворение, это не вернет к жизни моего отца. Но поэма,

^{*)} Вольф Бирман — немецкий поэт-песенник; роль, которую он играл в ГДР, похожа на роль В. Высоцкого в Советской России. В 1976 г. Бирман был обвинен в антисоциалистической деятельности и изгнан из ГДР. Это вызвало первый массовый протест восточногерманской интеллигенции — самое крупное коллективное выступление писателей и артистов против тиранического режима. В 1994 г. Бирман (живущий теперь в Гамбурге) перевел одну из песен поэмы Ицхака Каценельсона, четырнадцатую, о восстании в гетто — по просьбе Арно Лустигера, работавшего над книгой о еврейском сопротивлении нацистскому террору. Вольф Бирман увлекся и, пользуясь постоянной помощью Лустигера, перевел всю поэму. В публикуемой статье он рассказывает о тех двух годах, в течение которых он с ее автором — погибшим 1 мая 1944 г. в газовой камере Освенцима — не расставался. — Е. Эткинд.

прекрасная поэма о величайшем уродстве, имевшем место на земле, может быть, еще и взволнует кого-нибудь.

Вот уже два года, как я не расстаюсь с польским евреем Ицхаком Каценельсоном. Бойцы Варшавского гетто в самый разгар восстания переправили его на арийскую сторону города и раздобыли для него гондурасские документы. Они хотели, чтобы хоть этот человек непременно остался в живых. В ту пору Каценельсону было ровно столько же лет, сколько мне сегодня¹⁾. Он был автором популярных песен и стихотворений, а также пьес; писал он на идише и на иврите. Его друзья надеялись, что он когда-нибудь потом скажет ужасную правду о гибели еврейского народа, причем скажет так, что потомство ему поверит — несмотря на то, что это будет правдой.

Так случилось, что Ицхак Каценельсон попал в так называемый «Привилегированный лагерь» (Vorzugs-KZ) или, иначе, «Особый лагерь» во французском городе Виттеле у подножья Вогезов. Именно на этом буржуазном курорте немцы обернули несколько отелей — шикарных зданий дворцового типа в стиле модерн — колючей проволокой в три ряда. Возник лагерь для интернирования североамериканских, английских, голландских и латиноамериканских граждан, которые подлежали обмену на немецких подданных, содержащихся в плену в неприятельских странах.

Почти год прожил там Ицхак Каценельсон под одной крышей с другими евреями из Варшавы — пока поэта все же не отправили на восток. Он погиб в Освенциме в день прибытия к месту назначения — то был день Первого мая. Однако в Виттеле он успел довести до конца обширное произведение: «*Dos lied vumet ojsgehartetn jidishn volk*» (Сказание об истребленном еврейском народе) — эпическую поэму в пятнадцати песнях.

¹⁾ 58 лет. Каценельсон: 1886—1944; Бирман родился в 1936 г. — (Примеч. перев. Е. Э.).

Поэма была окончена в январе 1944 г. В марте рукопись удалось закопать под корнями старого дерева. Еще союзники не высадились в Нормандии; вырыть яму оказалось легко — земля была по-весеннему мягкой. Когда поэт укладывал под корни три бутылки, в которые были затолканы его стихи, в воздухе уже пахло освобождением. И происходило это в том самом Виттеле, где из земли бьёт, подобно крови, минеральная вода — обычно мы покупаем эту приятную на вкус воду в пластиковых бутылках.

Автор переписал свою поэму мельчайшим почерком на папиросной бумаге. Эту копию удалось зашить в кожаную ручку чемодана. Весной 1944 г. близкая знакомая Каценельсона уехала с этим чемоданом из концлагеря; у нее был английский паспорт, дававший право въезда в Палестину, — немецкие власти обменяли ее на каких-то «немцев». Я обнаружил обе рукописи — бутылочную и чемоданную — в киббуце Воинов Варшавского гетто — «Lochamei Hagetaot». С ними связали свою жизнь две женщины: Мириам Нович и Рут Адлер; последняя еще жива — я посетил ее в Израиле. Она рассказывала о покойном поэте с таким воодушевлением, что тот сошел с фотографии, висевшей над диваном, и сел с нами за стол.

В этой истории, сюжет которой достоин романа, обе женщины сыграли решающие (хотя и второстепенные) роли. Одна из них после ухода немцев выкопала все три бутылки и отвезла их в Париж доктору Натану Экку. Рукопись, написанную мельчайшими буквами, Экк перепечатал на еврейской машинке и отнес текст издателю книг на языке идиш. Что же касается юной Рут Адлер, то она, успешно преодолев все трудности и добравшись до Земли обетованной, привезла родственникам и друзьям автора его завещание и «чемоданный вариант» рукописи. Короткая встреча с поэтом оказалась для обеих женщин событием, определившим жизнь каждой из них.

Мириам Нович вступила в киббуц *Lochamei Hagetaot* (Воины гетто) и стала его почетным членом. Начиная с 1945 года она отдавала все силы созданию музея Воинов Варшавского гетто; она многое сделала для того, чтобы творчество любимого поэта стало достоянием читателя.

Его поэма начертана черными слезами на дымно-черном небе. В этих лишенных всякой надежды стихах лишь потому мерцает надежда, что здесь обреченный на гибель человек вообще сумел воплотить в словах свое отчаяние.

Душераздирающие еврейские стихи я теперь перенес в мой головоломный немецкий язык. Меня ничуть не волнует то обстоятельство, что поэзия жертв оказалась воспроизведенной на языке палачей. Мой немецкий — это язык Гёльдерлина и Бюхнера, Гейне и Розы Люксембург, язык моей матери Эммы Бирман, язык моего духовного отца Бертольта Брехта, а не корм для свиней, в котором намешаны отбросы от Бисмарка, Гитлера, Хонеккера, Блёдель-Отто, Лени Рифеншталь, Мильке и Штольпе¹⁾.

С трудом сохраняя равновесие между пафосом и документом, соблюдая свойственные оригиналу пульс лирического ритма и хитроумно-метафорический слог, выискивая слова, вступающие в родственные звуковые отношения, и занимаясь старомодным рифмованием, я нередко задумывался: может быть, я только для того тридцать лет оттачивал свою речь, сочиняя собственные песни и стихи, чтобы теперь наконец перенести в свою страну поэтическое завешание Ицхака Каценельсона, не умертвив его? К тому же я постоянно испытывал неодолимую потребность, сопровождающую меня в течение всей жизни, так или иначе совладать со смертью моего отца.

Перед нами 225 перекрестно рифмованных четверостиший²⁾. Рифма здесь обладает исконно свойственной ей функцией: рифмующее слово служит опорой для памяти. Ведь время было не

только темным, оно было ярко освещено кострами, в которых горели люди, книги, исписанные клочки бумаги. Надо было все сохранить в памяти. Надежные рифмы были чем-то вроде перил на высоком и шатком мосту.

Загадочная нерегулярность поэмы доставила мне много хлопот. От песни к песни строки становятся все длиннее. В последних песнях они настолько длинны, что превосходят начальный размер строк чуть ли не вдвое. Так что после песни восьмой я просто преобразовал четверостишия в восьмистишия.

Надо полагать, что большая часть поэмы уже сложилась в голове автора, когда он стал писать ее в 107-м номере отеля «Провиданс» (Провидение). Голод, холод, страхи, боль, пронизывавшая все его существо при мысли о жене Хане, о сыновьях Бене и Йоме, которые погибли в газовой камере Трешлинки... Панический страх, что каждый день может стать последним, гнев, парализовавший его слезы, дикая тоска,— и все эти страдания, и все бедствия мира подгоняли его; поэму свою он писал, не отрываясь, с октября 1943 г. и окончил ее в январе.

Теперь окончательно сложились и немецкие стихи. Поэма станет товаром; в качестве товара широкого потребления ее доставят на склад какой-нибудь центральной книготорговой фирмы, и, подобно другим изделиям, она поступит в магазины. Однако, как только она покинет рынок, с ней произойдет чудесное преобразование: в руке человека каждый экземпляр станет неповторимой книгой. Только в этот миг будет ясно, что произошло: рассыпаем ли мы бисер перед свиньями, ставим ли миску с собачьим кормом перед рецензентом — или окажется, что поэма Каценельсона подобна родниковой воде для немецких читателей, алчущих правды; что этот жесткий хлеб может стать необходимостью для молодых людей, у которых еще достаточно здоровые зубы и которые изголодались по истине.

Всем вам известно: когда в англоязычном мире говорят о holocaust'e, или израильтяне — о schoa, или когда мы, немцы, предпочитаем — без всяких идеологических эвфемизмов — говорить о массовом убийстве еврейского народа, тогда у всех в подсознании заново рождается неизменная метафора: шесть миллионов жертв «окончательного решения» еврейского вопроса допустили, чтобы их гнали на бойню, подобно ягнтям или телятам.

Меня давно бесит сравнение с тупым теленком, с этим запуганным и беспомощным домашним животным, покорно бегущим отдаться во власть мяснику. Это сравнение служит для укрепления лживого предрассудка, который с давних пор охотно распространяется здоровыми как быки убийцами: сами виноваты! Даже немецкий детский стишок укрепляет это отождествление: «Kälber Kälber — selber selber» («Глупые телята сами виноваты»). И волей-неволей из такой сценки с теленком рождается обвинение, произносимое бедным мясником, достойным сожаления убийцей — по адресу убиваемых: вы же сами захотели! Ваша слабость нас рассердила, она нас прямо-таки ввела во искушение! Вы превратили нас в убийц, каковыми мы не являемся!

Существует трогательная песенка о теленке. Несколько лет назад я услышал ее на пластинке в исполнении Джоан Баэз и перевел на немецкий — тогда она показалась мне типично американским фольклором. И вот ведь какой удивительный случай: позднее в старом песеннике я обнаружил еврейский оригинал этой песни и впервые прочитал фамилию автора: им был некий Каценельсон.

Тогда я сделал новый перевод — на этот раз с подлинника. Мелодию вы наверняка уже слышали, а припев знают все люди на свете; они вполголоса подпевают божественной подруге Боба

Дилана, когда она с удивительным воодушевлением как бы выдыхает почти бессмысленный припев: «Дона, дона, дона, дона...»

Теленок

На возу лежит теленок,
Связан бечевой...
Ласточка летит под купол
Неба голубой.

Ветер веет над пшеницей,
Улетает прочь,
Прилетает, веет снова,
Веет день и ночь.
Веет, как во время оно,
Дона, дона, дона, дона.

На возу теленок стонет,
Горек этот стон!
Был бы он свободной птицей,
Улетел бы он...

Ветер веет над пшеницей... и т. д.
Надо связывать и резать
Глупеньких телят.
На свободных крыльях только
Птицы улетят.

Ветер веет над пшеницей,
Улетает прочь,
Прилетает, веет снова,
Веет день и ночь.
Веет, как во время оно,
Дона, дона, дона, дона.

Дона, дона, дона — что это значит? Может быть, это сокращенная форма от латинского оборота *дона повис расет*? Или, может быть, имеется в виду какая-нибудь прелестница? В ори-

гинале всё стало понятно, там припев звучит так: Adonai! Adonai! Adonai! В точности так же, как в библейские времена Моисей высек пресную воду из скалы, в нынешней Америке эффектный припев *Дона, дона, дона...* был высечен из скалообразного библейского слова «Адонай», и по-немецки это означает: «Mein Herr!» (Господи!)

Господи Боже мой,—если бы я в него верил, я воззвал бы к нему: Господи! Адонай! Всемиловитый Боже, почему ты в годы нацистской тирании потерпел, что моего отца (который даже был храбрым бойцом) убили, как на бойне убивают телят? И почему ты теперь, при демократических порядках, терпишь мерзкую ложь, искаженную историю, будто бы евреи позволили убивать себя с покорностью глупеньких телят?

Ставя этот вопрос, мы оказываемся участниками спора, который давно ведется между евреями. Он особенно ярко разгорелся вокруг утверждения Ханны Арендт по поводу немецкого чиновника Адольфа Эйхмана³⁾. В своей статье о «банальности зла» Ханна Арендт утверждает, что европейские евреи были слишком трусливы и слишком доверчивы. Она предъявила так называемым юденратам упрек: будто бы они в гетто сотрудничали с СС и чуть ли не повышали производительность истребительной техники.

Когда мы об этом размышляем и даже спорим, перед нами *en passant* встает нечто, еще небывалое во всемирной истории. Дело в том, что холокост в корне отличается от тех геноцидов, к которым наш мир издавна привык. Наглядный и общеизвестный пример: истребление армян турками в 1915 году началось с того, что была тщательно отобрана и уничтожена вся армянская элита — ученые, политики, дельцы, офицеры, учителя, деятели искусств.

Гитлер в отношении славян придерживался именно этой тактики. Когда стремишься к тому, чтобы надежно и на долгий

срок обратить в рабство целый народ, нужно прежде всего отрубить у него орган мысли — и это вполне разумно. Оккупант должен сохранить для жизни безголовое тело поработленного народа, которому ведь еще предстоит безропотно трудиться. Обезглавленный народ превращается в лишенную всякой структуры кучу трудящихся идиотов, пригодных для дальнейшего использования.

Гитлеровский «народ без жизненного пространства» должен был овладеть необозримым Востоком. Обширные рыцарские владения в Польше фюрер, подобно щедрому феодалу, раздари-вал победоносным генералам и преданным лизоблюдам. Немецкие крестьяне вместе со своими батраками-рабами должны были переселиться в зерновую житницу, на Украину, в Белоруссию, и на остаток европейской России. Проведя двадцать лет в заключении, Альберт Шпеер, обер-архитектор Гитлера, дал нам вполне достоверные сведения о намерениях нацистов: после победоносного окончания войны для создания одной только «первой инфраструктуры», то есть для строительства дорог, следовало использовать 15 миллионов рабочих-невольников; их вскоре собирались заменить свежими силами.

Совсем иными были намерения гитлеровцев относительно так называемой еврейской элиты в Восточной Европе. Их отнюдь не предназначали к немедленному уничтожению. Наоборот: повсюду, где это оказалось возможным, влиятельные раввины и ученые, почтенные еврейские граждане и политики, выдающиеся умы еврейских общин были произведены в начальство, и немецкие власти предоставили им чрезвычайные полномочия, чтобы они могли руководить безупречной организацией геноцида. Используя свою разностороннюю информированность, так называемые «юденраты» составляли списки на депортацию, еврейские силы порядка обеспечивали своевременную явку отобранных на пункты сбора.

Причина этой новой тактики очевидна: немцы принципиально не стремились к тому, чтобы увеличить число своих рабочих-невольников за счет евреев. Они имели в виду уничтожить каждого отдельного еврея — независимо от того, богат он или беден, ассимилирован или нет, крещеный он или носит пейсы, левый он по своим убеждениям или правый, законопослушный или склонный к бунту, книжник или бабник; совершенно безотносительно к тому, безграмотный ли он грузчик из Галиции или утонченный посетитель парижских салонов, восточный он еврей или западный.

Внешние признаки, вводившие евреев в заблуждение до самого конца пути — до входа в газовые камеры или до выкопанных в лесу братских могил, — были хитроумны и многообразны; средства обмана были разные: языковые, бюрократические или зрительные. Допущенные к работе узники Треблинки обязаны были каждые три дня обновлять свежие ветки, вплетенные в колючую проволоку трехметровой высоты — с той стороны лагеря, где прибывали поезда. Массовые убийцы вроде Гиммлера и Эйхмана не были простофилями, лишенными воображения.

Вероятно, утверждение Ханны Арендт насчет банальности злого канцеляриста страдает упрощенностью. Вот, например, обманно-волшебное слово «душевая», которое Амос Оз⁴⁾ считает гениальной поэтической находкой. Не было ли оно выразительнейшим поэтическим произведением, самым мощным по эмоциональному воздействию за все века, плодом творческого воображения душевнобольного постэкспрессиониста, не было ли оно нацистско-коричневым «цветком зла»? Могли ли беспредельно униженные арестанты — после долгого путешествия в вагонах для скота, где они лежали вповалку со смердящими трупами, — могли ли эти полумертвые существа противиться соблазнительному призыву наконец-то стать под душ, как все цивилизованные люди?

У входа в лжедушевые висели большие плакаты: «Чистота! Гигиена! Вши опасны для твоего здоровья!» И ведь какая была разумная идея — сперва остричь жертвам волосы, и как было здорово придумано — заставить всех добровольно раздеться догола! Гениальная ложь насчет душевых позволила нацистам сэкономить большие средства на содержание дополнительной армии убийц. Тот факт, что жертвы надеялись выжить, необыкновенно облегчал работу на фабрике массовых убийств.

Существовало еврейское сопротивление или нет? Какую оно играло роль? И вот еще вопрос: можно ли считать, что тот, кто не сопротивляется, «сам виноват»? Ведь каждому, кто оказывается заложником в руках бандитов, вломившихся в банк, мы советуем вести себя сдержанно...

В этом споре поэма Ицхака Каценельсона является для меня решающим доводом. Поэт показывает нам и то и другое: беспомощность ошеломленных внезапностью, обманутых жертв, но и героическое сопротивление бойцов гетто. В конце поэмы Каценельсон ликует, стонет, рычит, рыдает, повествуя о восстании. Он рассказывает о том, как последние шестьдесят тысяч еще оставшихся в живых евреев поднялись — решившись на смертельную схватку с превосходящими силами врага.

Когда юный пастух вступил в бой с великаном Голиафом, у него по крайней мере была за поясом праща. А за его спиной союзник: Господь Бог. В ту пору Бог еще ценил признательность людей и всячески старался ее внушить, не жалея сил на чудеса и на иные знаки своего могущества. В борьбе против вермахта и СС евреи никаких надежд не питали. У повстанцев хватало мужества и решимости, но не доставало оружия, взрывчатки для самодельных бомб, еды, питьевой воды, но прежде всего — поддержки со стороны людей и Бога.

На арийской стороне, за пределами гетто, большинство поляков отворачивались, а кое-кто из христиан поглядывал с ка-

толическим удовлетворением из окна кухни на страдания семитов, когда-то распявших Христа. Где же был сам Бог? Быть может, он, подремывая, размышлял над праздным вопросом, не является ли Вселенная вечным двигателем Зла.

У бойцов гетто не было тяжелого оружия, у них были пистолеты и немногие, к тому же неисправные, винтовки. Молодые женщины, обвязав себя бутылками с бензином, бросались с балконов и поджигали немецкие танки. Героям блицкрига вскоре показалось слишком опасным заходить в дома, поэтому отважные немецкие пожарники вместе с эсэсовцами старательно поджигали один дом за другим. Документы свидетельствуют: раса господ, шеголявшая в мундирах, чувствовала себя как истребители клопов и тараканов, носящие предохранительную спецодежду.

Евреи оборонялись под пылавшими домами — в подвалах, укрепленных ими наподобие дотов. Они тонули в сточных водах, задыхались вместе с крысами в канализационных трубах под городом. Сожженное, разорванное снарядами, расстрелянное станковыми пулеметами гетто оказалось в конце своего существования одновременно и расстрельной стеной, и братской могилой, и крематорием. Его самым последним боем был не тот, ставший исторически-оптимистическим заклинанием «последний и решительный бой» из гимна «Интернационал», а в самом деле — последний бой: сражение обреченного на гибель народа.

Возможности уцелеть в сущности не было. А тот, кому чудом удавалось уйти через какую-то щель на арийскую сторону, оказывался во власти «шмальцовников». Так называли поляков, которые занимались тем, что среди толпы, кишашей на улицах арийских кварталов, определяли евреев. Эти умельцы заталкивали свою жертву в подворотню, спускали с нее штаны и рассматривали некое удостоверение, не так-то просто поддающееся подделке: крайнюю плоть. С несчастного сдирали деньги (на

жаргоне: «шмальц») или драгоценности, либо его сдавали гестапо за положенное с каждой головы вознаграждение, равнявшееся двум-трем фунтам сахара и муки.

Однако были и другие, о которых в «Сказании» Каценельсона речи нет: были поляки, прятавшие евреев на своих квартирах и кормившие их. Пусть тот, кто читает поэму Каценельсона, о них не забывает. Даже если чистая любовь к ближнему была чуть-чуть запятнана расчетом и практической сметкой, каждый такой поляк был спасителем мира — достаточно помнить о том, что ему грозило. Он должен был страшиться и немцев, и благожелательных собственных соседей. Если представители расы господ обнаруживали, что польский «недочеловек» прячет у себя «еврейскую нечисть», их месть отличалась особой свирепостью; чтобы другим неповадно было, вместе с виновным уничтожали всю его семью.

Мотивы, которыми руководствовались спасители, были такими же многообразными, какими вообще бывают люди. Было ли это исповеданием истинного христианства или проявлением польской национальной гордости, благородным мужеством порядочного человека или рациональным расчетом демократа, страстно верившего в левые идеалы, — важно одно: жило на свете несколько тысяч праведников, рисковавших всем во имя спасения своих еврейских братьев.

Положение поэта не давало ему возможности справедливо взвешивать добро и зло. Каценельсон выражал свою ярость, свое бешенство по поводу того, что причиняло ему особенно острую боль: он проклинал подонков из собственной среды. Мы знаем эту печальную правду, ее необходимо сказать: в Варшавском гетто было две тысячи евреев-полицейских, вооруженных дубинками. Выполняя грязную работу, они освобождали от нее оккупационные власти. В период с 22 июня до 21 сентября

1942 г., когда по распоряжению гестапо в поезда смерти нужно было заталкивать ежедневно сперва по шесть, потом по десять, наконец, по пятнадцать тысяч евреев, охотой на людей занималась еврейская полиция.

Каценельсон пишет о том, что у полицейских звезда Давида на ручной повязке была подобна свастике. Эти ублюдки надеялись выжить — им казалось, что, став профессиональными убийцами, они заработали себе жизнь. Они выколакивали людей из квартир, зверски тащили своих жертв по лестницам; если кто сопротивлялся, его беспощадно избивали дубинками, а на так называемой «платформе сбора» залитых кровью евреев силой заталкивали в битком набитый скотский вагон — для последней поездки.

Каждый из этих людей должен был ежедневно доставлять в Треблинку трех, позднее — семерых человек. Того, кто не выполнял задания, самого запихивали в поезд. Среди евреев-полицейских были такие, кто, испытывая панический ужас, приводил на платформу собственных родителей — лишь бы достичь контрольной цифры. А другие тешили себя ложью, будто бы они не знают, куда отправляются поезда. Какое циническое совпадение: евреи в этом пункте вели себя точно так же, как население Германии; все знали, но лишь очень немногие хотели знать.

Среди евреев в Варшавском гетто были коллаборанты разных степеней. Были евреи — доносчики гестапо, были и мелкие жулики, извлекавшие выгоду из ловких торговых операций с арийским населением. В поэме Каценельсона говорится и о таких гангстерах и мошенниках — было бы ошибкой умалчивать здесь об этой горькой правде. Однако, может быть, не меньшая ошибка — открыто говорить в нынешней Германии о горстке евреев, которые пошли в услужение к национал-социалистским массовым убийцам. Мне ведь достаточно хорошо известно: сего-

власые ветераны-эсэсовцы и даже их теперь уже подросшие внуки с немалым удовольствием прислушиваются к таким грустным истинам. Может быть, умнее — помалкивать об этих малоприятных обстоятельствах — в нашей стране, не способной ничему научиться на собственной истории. В Библии сказано: глупец говорит, что знает, а умный знает, что говорит. Я же думаю вот что: в случае сомнения предпочтительна та ошибка, которая безобидней, то есть когда мы с детской непосредственностью выбалтываем правду — не предаваясь хитроумным размышлениям о том, какие это вызовет последствия; ведь последствия оказываются в далеком будущем всегда не такими, как мы предполагали.

В одной из строф поэмы автор яростно утверждает: лучше пусть умрут десять коллаборантов, чем один эсэсовец. Он осуждает своих с решительностью, на которую не способен человек, в таких испытаниях не бывавший. Каценельсон многое мог понять и со многим мог смириться, но он был абсолютно не способен смириться с тем, что некоторые евреи, обезумев от страха смерти, пошли на сотрудничество с убийцами.

Никому — и уж во всяком случае в Германии — не следует злорадствовать по поводу низости отдельных евреев. Пусть их позор не застит нам взгляд и не мешает видеть подлинных преступников: чиновников гестапо, эсэсовцев, солдат вермахта, профессиональных убийц из отряда Дирлевангера⁵⁾, обыкновенных благовоспитанных немцев из ОРПО (Ordnungspolizei — полиция порядка) и из пожарных команд. Все эти парикмахеры из Баварии, и водопроводчики из Гессена, и учителя латинского языка из ганзейских городов, и портные из Саксонии стояли рядом в ловко сшитых, отглаженных мундирах и надраенных сапогах, отдавая отрывистые приказы и алчно косясь в сторону мелких трофеев; они вальяжно посмеивались, зажав сигарету в углу рта, и покачивались, засунув большие пальцы под пряжку, над-

пись на которой гласила: «С нами Бог!» Так лениво наблюдали они за работой еврейских погонщиков во время охоты на евреев.

Поэту и его старшему сыну Цви удалось получить работу на оружейном заводе в гетто. Однажды вечером, когда он вернулся домой, жены Ханы с обоими младшими уже не было. Каценельсон написал две исполненных отчаяния песни своей поэмы об этих товарных поездах, пожирателях человеческого мяса, которые курсировали между Варшавой и лагерем смерти.

В Треблинке сорок эсэсовцев успешно справлялись с возложенным на них заданием: три четверти миллиона евреев были убиты индустриальным способом с образцовой эффективностью. Эти сорок человек выполнили план с помощью десяти «хиви» (Hiwi — Hilfswillige, так называли надсмотрщиков-добровольцев, набранных, главным образом, на Украине и в странах Прибалтики). При этом в Треблинке, в 80-ти километрах от Варшавы, убивали не быстродействующим газом Циклон В, а выхлопными газами дизельных двигателей — их перекачивали в газовую камеру. Такое умирание длилось от 20 до 30 минут.

Кроме того, была в Треблинке рабочая команда, состав которой постоянно менялся; в нее входили специально отобранные лагерники, «дворовые евреи». Их обязанностью было вытаскивать из газовых камер вцепившихся друг в друга мертвецов, а также разбирать поклажу убитых с учетом интересов народного хозяйства: вещи надо было аккуратно рассортировать для отправки в Германию. Там предметы одежды, как говорилось на официальном жаргоне, раздавали «нуждающимся немецким соотечественникам». Случалось, что на куртках и пальто еще красовалась еврейская желтая звезда. Евреи-«парикмахеры» стригли наголо прибывавших женщин — с тем чтобы волосы поступили в качестве сырья на предприятия германской военной промышленности для дальнейшей переработки.

Конечно, бывало — впрочем, очень редко, — что эсэсовцы испытывали моральные затруднения и что, убивая, они действовали халтурно. Как часто я в пустопорожних дискуссиях слышал популярный припев из песенки «невольных сообщников»: «Не был бы я с ними вместе, / Не избег бы ихней мести». Замечу поэтому мельком на полях: в Треблинке все сорок эсэсовцев были добровольцами. Эти тевтонские герои-воины пользовались тремя привилегиями: они получали более высокий оклад, имели право на поездку домой в отпуск каждые два месяца... Но главным было вот что: им не грозила отправка на фронт.

Читатель должен знать, что не было ни одного случая во всем тысячелетнем рейхе, чтобы какого-нибудь эсэсовца отдали под военный трибунал за то, что он отказался принять участие в массовых убийствах безоружных людей. Ни один из тех, кто оказался слишком мягок, чтобы на краю рва расстреливать женщин и детей, не был приговорен к смерти, не был даже понижен в звании. Единственное, что угрожало такому отказчику, было отправление на фронт с оружием в руках — наряду с другими солдатами. Там им, понятное дело, приходилось воевать с людьми, которые тоже располагали каким-нибудь стальным орудием убийства.

На улицах гетто всё снова и снова появлялись плакаты: «Евреи! Поезда от платформы сбора отправляются в смерть!» Срывали их не нацистские власти, а евреи, которые с безумством отчаяния цеплялись за надежду, будто бы в этих вагонах для скота они в самом деле уедут в другую страну, навстречу жизни: условия будут трудные, но они все-таки попадут в какой-нибудь трудовой лагерь.

Такие люди рассуждали все еще слишком рационально; им казалось: не может же этот господин Гитлер быть дураком и уничтожать миллионы рабочих рук, которые готовы еще слу-

жить и в которых он настоятельно нуждается, поскольку отправляет на фронт миллионы немцев, забритых в солдаты. Рационалисты недооценивали идеологический фанатизм фюрера: он ведь никогда не имел в виду одну только банальную победу в войне; до самого последнего момента, до полного краха его рейха он стремился к достижению немецкого идеала: к Европе без евреев.

2 апреля 1945 г. — перед тем как дезертировать посредством самоубийства — Адольф Гитлер продиктовал своему секретарю Мартину Борману: «На моральное состояние мира всё более пагубно действует еврейская отравка; в конце концов в нем непременно займет руководящую роль народ, выработавший в себе иммунитет против этого яда. Нет сомнений, что национал-социализм завоевал себе право на вечную благодарность за то, что я истребил евреев в Германии и Центральной Европе».

Действительность превзошла воображение большинства жертв. Люди не хотели верить, что их всех отправляют на смерть, только — на смерть. Знаю это и по здешним, гамбургским рассказам. «Не могут же они всех нас убить...» «Могут» — сказал в 1941 году мой дед, электрик Йон Бирман, своей жене Луизе, моему дяде Карлу и моей тетке Розе. В те дни, когда гамбургских евреев согнали на Болотную площадь и когда они готовились к отправке с вокзала Штерншанцен со своими чемоданчиками и котомками, старик Бирман сказал: «Могут, могут! Они еще всех нас расстреляют». Люди бранили его за склонность видеть все в черном свете, никто не хотел ему верить. А ведь он и в самом деле оказался не прав — подавляющее большинство евреев не удостоилось отдельной пули на каждого.

Самообман овладевал евреями задолго до того, как они делали последний шаг через порог той самой стальной двери с резиновыми прокладками, над которой была надпись «Душевая». А сорок тысяч гамбургских евреев, прежде чем залезть в

вагоны, даже вполне законопослушно покупали удешевленные билеты для групповой поездки в один конец. Потом, когда они направлялись в газовую камеру, их призывали связать шнурками свою пару обуви, чтобы без труда ее найти.

В ходе Освенцимских процессов во Франкфурте выяснилось, что врачи-эсэсовцы играли свою комедию человеколюбия до самого порога газовых камер. А лагерники, облеченные спецфункциями, держали язык за зубами. На этом пути навстречу уничтожению оказывалось множество признаков того, что впереди ждет нелегкая жизнь — отнюдь не верная смерть.

Однако неужели и вправду не было никакого достойного упоминания сопротивления? Когда я читаю Рауля Гильберга, мне представляется, будто и он тоже поет только одно — известную песню про телят. Заслуга Гильберга велика: он первым создал дотошную энциклопедию об истреблении европейских евреев. В своем классическом трехтомном сочинении он попытался ответить и на наш неприятный вопрос. Тот факт, что евреи не оказывали сопротивления, Рауль Гильберг объясняет примерно так: у них, у евреев, был всего только тысячелетний опыт погромов, вспыхивавших от времени до времени, — их надо было — ... и можно было — терпеть.

Я бы сказал так: это своего рода метеорологическое истолкование антисемитизма. Сверкает молния, гремит гром — а утром снова светит солнышко. Можно только прятаться, убегать, быть тише воды, ниже травы. Ничего другого не оставалось, как хоронить пораженных молнией евреев и читать над их могилой кадиш, а также заново отстраивать разрушенные дома. Это и в самом деле было еврейской традицией: вопреки всяким ужасам трудиться во имя будущего, не теряя терпения и надежды.

Такая миролюбивая стратегия, в сущности, оправдала себя. В XIX веке эмансипация евреев достигла явных успехов. Пали

стены гетто, все большее число евреев шло по пути ассимиляции. В Первую мировую войну немецкие евреи с радостной преданностью боролись и умирали за родину. Плечо к плечу с гоями они воевали в армии германского кайзера против гоев и евреев, носивших французские мундиры.

Казалось, еврейский вопрос исчезает, перестает быть всемирно-исторической проблемой. Казалось, противостояние Западной и Восточной Европы, бедных и богатых, образованных и неграмотных в тысячу раз важнее, нежели другое противостояние: звезды Давида и христианского креста или свастики. Когда в 1933 г. потерпела крах Веймарская демократия, в Германии оказались евреи, готовые честно исполнять свои гражданские обязанности и при Гитлере.

Были высокообразованные немецкие евреи, которые презрительно поглядывали сверху вниз на евреев восточных. Были и такие евреи, которые с давних пор высокомерно отвергали любое словечко из «жаргона», то есть из презренного языка «идиш», в немецком литературном языке своих детей. И называли они своих детей не Мозес, а Мориц, не Давид, а Дагоберт. В двадцатые годы особую популярность среди немецких евреев приобрело даже имя Зигфрид.

Такой еврейский самоненавистник, как Карл Краус⁶⁾, с каким-то прямо-таки спортивным азартом стремился доказать, что может прыгнуть выше немца и что для него немецкую планку нужно поднимать на более высокую отметку; а ведь одна его нога была еврейская, а вторая — австрийская.

Были даже немецкие евреи, считавшие антисемитизм Гитлера безобидной юношеской глупостью или уловкой в избирательной игре. Немногие из них, настроенные в немецко-национальном духе, воспринимали карьеру Гитлера с пониманием и надеждой, даже с сочувствием, — кое-кто из слабосильных евреев

охотно пристроился бы к нескончаемым колоннам марширующих нацистов.

Эти факты более или менее известны, и все же здесь их надо со всей выразительностью повторить, потому что все они помогают утвердиться мнению, которое ошибочно. Ария «Глупые телята сами виноваты» искажает историческую перспективу.

Солдаты Красной Армии воевали и проливали потоки крови. Западные союзники проливали потоки крови и воевали. Но ни один народ не противился так храбро немецким массовым убийцам, как... евреи: бойцы Интернациональных бригад во время испанской гражданской войны; бойцы гетто в Восточной Европе; партизаны в российских лесах и польских болотах против вермахта. Еврей-лагерники боролись и погибали — они были саботажниками на освенцимской фабрике смерти. Вспомним отважных женщин, которые на снаряжном заводе «Унион» изо дня в день похищали по горсточке пороха, так что его хватило на взрыв крематория. В январе 1945 г. этих четырех евреек повесили.

В составе Восьмой британской армии воевал еврейский отряд «Jewish Brigade Group». Когда английские порты были разбомблены и немецкие подводные лодки захватили контроль над коммуникациями, оказалось, что перерезаны все пути подвоза, снабжавшие британские войска, которые в Северной Африке вынуждены были отступать под ударами армии генерала Роммеля. Тридцать тысяч добровольцев-евреев воевали в британской армии, а двести тысяч палестинских евреев обеспечили почти целиком снабжение британских войск в Африке.

Когда с 20 мая по 1 июня 1941 г. немецкие части, неся большие потери, сражались за остров Крит, за этот стратегический авианосец в восточном Средиземноморье, — на стороне союзников погибло особенно много еврейских солдат. В этом сражении участвовало три тысячи добровольцев из Палестины. Сотни из

них пали, 1700 оказались в плену у немцев. Участие многих евреев в этой операции имело практическую причину: завоевание Палестины нацистами привело бы к скорому «конечному решению» еврейского вопроса.

Итак, еврейское сопротивление существовало. При этом я еще даже не говорил о бесчисленных евреях, которые, как мой отец, воевали в сопротивлении в качестве коммунистов, забыв о своем «еврействе» или вытеснив его. Многие из таких евреев только по пути в газовую камеру обнаружили, где живет их мертвый Бог. Да, верно то, что большинство евреев попало во власть нацистов, однако другие боролись — боролись с мужеством безнадежности и с нестигаемой духовной силой истерзанного народа, лучше других народов осознающего свои исторические корни.

Но кто, собственно говоря, еврей и кто считается таковым? Шекспировский Шейлок? Благожелательный Эйнштейн? Бродячий раввин-проповедник Иисус? Презиравший евреев Маркс? Убитая Роза Люксембург? Жидоненавистник Вейнингер? Мессиански настроенный любавичский рабби Шнеерсон? Невротический Вуди Аллен? Сталинисты Сланский и Райк, которых Сталин отправил на тот свет? Отчаявшийся Илья Эренбург, приближенный к иллюзорной власти? Гениальный гопник Чаплин, обладатель обрезанного производителя? А еврей ли Владимир Вольфович Эдельштейн? Этот великорусский агент КГБ с недавних пор именует себя Жириновским и говорит: «Моя мать — русская, а отец — юрист». В соответствии с Галахой, законом религиозных евреев, только тот может считаться евреем, у кого еврейская мать. Немецкие нацисты придерживались патернализма. Таким образом, на основании Нюрнбергского закона охраны крови («Имперский закон охраны немецкой крови и немецкой чести») я — метис первого разряда и по расписанию «конечного

решения "еврейского вопроса" должен был бы терпеливо ждать физического уничтожения до 1946 года.

Раса, религия, культура, история, чеснок, крайняя плоть, нос, губы, ростовщический процент, этика, пейсы... Я не знаю, что такое еврей. А с тех пор, как я обрел в Израиле многих и совершенно разных друзей, я знаю об этом еще меньше. Молчаливо-набожные евреи, которые всю свою жизнь изучали Тору и Талмуд в иешиве, совсем уж ничего об этом не знают. А пронзительно-крикливые левые сионисты с могучими бицепсами — они еще евреи? Над этим они и не задумываются.

Так что же это такое — типично еврейское? Творческий дух? Он есть и у других. Вера в единого Бога? В такового веруют и магометане. Быть может, это изысканная форма ненависти к чужакам — любовь к ним? Такое извращение свойственно и христианам; сумасшедшие христиане знают это еще лучше, нежели психованные евреи: ведь они хотят не только почитать чужака, но и возлюбить своих врагов.

Может быть, это политическая гибкость немецкого американца Генри Киссинджера? Разве у японских банковских акул другие зубы, чем у еврея-брокера с нью-йоркской биржи? Является ли еврейский народ заповедником для выращивания естественно-научных гениев? Вспомним, какому большому числу представителей этого крохотного народа стокгольмский Нобелевский комитет присудил свои премии! Мне кажется, что идеология возрастающего обожествления евреев не что иное, как постантисемитизм — новейшая попытка лишить евреев нормальных человеческих свойств. Сперва евреи считались нечистью в облике людей, теперь они оказываются нечеловеческими сверхчеловеками. Это две стороны одной медали. Думаю, что еврейский ребенок не лучше, не умнее, не одареннее других человеческих детенышей. Ведь филосемитская форма антисемитизма

так настаивает на якобы врожденных еврейских преимуществах, чтобы потом тем изящнее нравственно унизить их носителей.

Как бы то ни было, одну особенность я отчетливо различаю: у большинства евреев память на выдающиеся события их истории глубже, чем у других народов. Истории, рассказанные в Ветхом Завете, составляют для еврейского народа нечто вроде семейного альбома. Такие поучительные сказки, как бегство через Чермное море из египетского рабства, ежегодно рассказываются детям на Пасху, да так живо, что дети, кажется, слушают их с мокрыми ногами.

Даже те жители Израиля, которые далеки от религии, знают бесконечные сетования на горечь Вавилонского изгнания две тысячи лет назад. Когда еврейские дети устраивают свой карнавал — в праздник Пурим, — они с простодушной кровожадностью радостно торжествуют победу над персидским министром Аманом. Аман хотел уничтожить весь еврейский народ. Каждый еврейский шалопай может подробно рассказать, как это здорово было, когда красавица Есфирь сумела отменить эту резню, зато состоялась другая: врагов еврейского народа. Все десять сыновей грозного министра были повешены одновременно, к тому же в целях профилактики убито еще 75 000 человек.

Воспоминания об исторических катастрофах не умирают. Если бы евреи стали составлять новую Тору, они могли бы без всяких сомнений поставить поэму Каценельсона между популярной историей Иова и книгой Есфири. Оказывается, что «Сказание об истребленном еврейском народе» не что иное, как новое звено в традиции этого неумирающего сознания истории. Холокост отнюдь не является новой религией, способствующей новому самосознанию нации, это и не замена религии, как предполагают гойские евреи и еврейские гой, блуждая в лесу газетных статей.

Ясное и верное примечание к запутанному еврейскому вопросу можно найти у Ханнеса Штейна. Ведя светский спор с Михаэлем Вольфсоном и Рафаэлем Зелигманом, он написал фразу, которая не должна исчезнуть вместе с бумагой ежедневной газеты.

«Вопреки принятому ошибочному мнению евреи никогда не являли собой единой целостности. Евреи неизменно составляли гетерогенное общество, не поддававшееся ни этническому, ни культурному определению. Их объединяли менее всего “субстанциальные ценности” — еврейские ценности не субстанциальны, а универсальны. То, что в течение столетий связывало евреев, было не идеологией, не общим тоталитарным знаменателем, но общим изучением истории. К этой истории относится и запланированное индустриальное убийство шести миллионов еврейских женщин, мужчин и детей».

Из всего того, что я прочел у Каценельсона и что я слышал о нем от знавших его людей, следует, что он, видит Бог, не был религиозным человеком. Что и говорить, он знал библейские сюжеты по крайней мере не хуже какого-нибудь раввина и рассказывал их живее, чем любой бледнолицый талмудист. Религиозные правила его народа представлялись поэту естественными, как дыхание. Ицхак Каценельсон был знатоком еврейской культуры; своих любимых пророков Иезекииля и Исаяю он знал вдоль и поперек. До самой своей смерти он приводил эти тексты с воодушевлением, которое заражало и вдохновляло слушателей. Мне кажется, однако, что он ни в какого Бога не верил. Скорее всего, он был раннесоциалистическим левым сионистом. Упомянуть об этом стоит только потому, что поэт Каценельсон, несмотря на свои убеждения, питал прямо-таки нежную любовь к мечтателям-хасидам и страстным богоискателям.

Евреи никогда не обладали особым тщеславием (ни прямым, ни косвенным), во имя которого они подталкивали бы других

приобщиться к их еврейскому Богу. Толерантность относится к самой сути еврейской веры. Принципиальная терпимость *вовне* благотворно сказывается и на отношениях *внутри*. В своей поэме Каценельсон с любовью и уважением пишет о благочестивых евреях. Позиция Каценельсона была даже больше чем терпимостью. «Толерантность,— писал Гёте,— должна быть преходящим состоянием; она должна вести к признанию. Терпеть значит оскорблять».

Каценельсон был глубоко верующим без Бога. В конце концов мы все сходимся на любви к живым. Мои неверующие уста тоже возносят всё еще полные воодушевления молитвы, обращенные к человеку, единственному Богу всех моих верований. Эту же позицию я обнаружил у Каценельсона, и его поэма, исполненная беспредельного отчаяния, внушила мне силу.

Каценельсону удалось раздобыть на последние месяцы жизни в убогом номере 107 по крайней мере две книги: Библию и сборник стихов еврейского классика Хаима-Нахмана Бялика.

Рассказывая мне о том, как в Виттеле убитый тоской поэт умел вселить духовную силу в отчаявшихся людей, престарелая Рут Адлер извлекла из памяти несколько строк, которые Каценельсон любил напевать; то были древнееврейские строки Бялика, стихи о любви. Существовала ли какая-нибудь определенная мелодия? На основе отдельных, случайно запомнившихся слов я восстановил песенку.

Эту песню я спою под гитару старой Рут, когда мы снова будем сидеть с ней у ее стола под фотографией поэта. На столе будет лежать новая книга — с факсимильным воспроизведением «чемоданной версии» — она с тех самых пор ее не видела: пожелтевшие листки с почерком любимого человека. И она прочитает мой разгоряченный немецкий текст. Может быть, при этом оттаит замерзший немецкий язык ее дрезденской юности. Она вспомнит, как Ицхак Каценельсон читал ей только что ро-

дившиеся строфы в гостинице с многозначительным названием «Провидение», и тогда она займется сравнением...

Возьми меня

Под крыло свое возьми меня, родная.
Будь мне матерью, возлюбленной, сестрой...
Для молитв без Бога, юность вспоминая,
Для молитв без Бога сердце мне открой.

1994

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ Хоннекер — многолетний первый секретарь правящей (коммунистической) партии ГДР; Блэдель-Отто (Отто Вальке) — артист-комик, известный своими вульгарными шутками; Лени Рифеншталь — любимый кинорежиссер Гитлера и Геббельса; Мильке — глава Министерства безопасности ГДР; Штольпе — политический деятель земли Бранденбург.

²⁾ Вольф Бирман неточно описывает построение переведенной им поэмы И. Каценельсона (см. мою заметку «От переводчика»),

³⁾ Ханна Арендт (1906—1975) — американский философ еврейского происхождения, основательница теории тоталитаризма («Происхождение тоталитаризма», 1951), автор нашедшей книги о процессе Эйхмана в Израиле («Эйхман в Иерусалиме», 1963).

⁴⁾ Амос Оз (род. 1939) — израильский писатель, выступает за мирное решение политических проблем Израиля, один из основателей движения «Мир сейчас» (Шалом ахшав); его романы и публицистические работы переведены более чем на 20 языков.

⁵⁾ Дирлевангер — грабитель и убийца, возглавивший отряд уголовников, которые особенно жестоко расправлялись с повстанцами варшавского гетто.

⁶⁾ Карл Краус (1874—1936) — австрийский писатель еврейского происхождения, неоднократно высказывавший свою неприязнь к евреям.

Каценельсон Ицхак

**СКАЗАНИЕ ОБ ИСТРЕБЛЕННОМ ЕВРЕЙСКОМ НАРОДЕ
DOS LIED VUNEM OJSGEHARGETN JIDISCHN VOLK**

Издатель А. Кошелев

Художники Ю. С. Саевич и А. А. Соломатин

Корректор М. Н. Григорян

Оригинал макет подготовлен А. С. Касьяном

Подписано в печать 10.02.2000. Формат 84x108 1/32
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитур Palatino
Усл. изд. л. 19,35. Заказ № 1889

Издательство «Языки русской культуры»
129315, Москва, Оборонная, 6/105; ЛР № 071304 от 03.07.96
Тел.: 207 86 93. Факс: (095) 246 20 20 (для аб. М153)

E-mail: mik@sch.lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г. 99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax. (095) 246-20-20 (for ab. M153).

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.